Фото: *Полудницын Анатолий*

● РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ ● ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Выпуск 2(30) 2015

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2073-6681

ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015
Выпуск 2(30)

РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал **2015. Выпуск 2(30)**

Вестник Пермского университета Основан в 1994 году

Российская и зарубежная филология Выходит 4 раза в год

Учредитель: Пермский государственный национальный исследовательский университет

Международный редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Брузгене Р., д-р, доц. (Литва, Университет Миколаса Ромериса, Институт литовской литературы и фольклористики)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Виноградов В. А., д. филол. н., член-корр. РАН (Россия, Москва, Институт языкознания РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Георгиевская-Яковлева Л., д-р, проф. (Македония, Скопье, Институт македонской литературы)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Левицкий Ю. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Павлова А. В., д-р, проф. (Германия, Вальдорфский ун-т)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Ристовский Б., д-р, проф., акад. Македонской академии наук и искусств (Македония, Скопье)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрГУ)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Спивак Р. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэвр-Дюпэгр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)

Редакционная коллегия

Бочкарёва Н. С. (гл. ред.), д. филол. н., проф.
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц.
Шутёмова Н. В., (зам. гл. ред.) к. филол. н., доц.
Абашев В. В., д. филол. н., проф.
Абашева М. П., д. филол. н., проф.
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф.
Арустамова А. А., д. филол. н., доц.
Баженова Е. А., д. филол. н., доц.
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц.
Братухин А. Ю., к. филол. н., доц.
Бурдина С. В., д. филол. н., доц.
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц.
Дускаева Л. Р., д. филол. н., доц.
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф.
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф.
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц.
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф.
Мишланов В. А., д. филол. н., проф.
Мышкина Н. Л., д. филол. н., проф.
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф.
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф.
Петрова Н. А., д. филол. н., доц.
Подюков И. А., д. филол. н., проф.
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф.
Серова Т. С., д. филол. н., проф.
Фоминых Т. Н., д. филол. н., проф.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. E-mail: langlit2009@mail.ru
Сайт журнала: http://www.rfp.psu.ru
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ №ФС77-35029 от 20 января 2009 г.
Перерегистрирован в связи со сменой наименования учредителя в 2013 г.
Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС77-53181 от 14 марта 2013.

© ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2015

Scientific Journal
Perm University Herald
Russian and Foreign Philology

2015. Issue 2(30)
Founded in 1994
Published 4 times a year

Founder: Perm State University

International Editorial Board

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Rūta Brūzgienė (Lithuania, Mykolas Romeris University, Institute of Lithuanian Literature and Folklore)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Science, Moscow, Institute of Slavonic Studies)
Victor Vinogradov (Russian Academy of Science, Moscow, Institute of Linguistics)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Loreta Georgievska-Jakovleva (Macedonia, Skopje, Institute of Macedonian Literature, University St. Cyril and Methodius)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute of Slavonic Studies)
Yurij Levitzkij (Russia, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
Sergej Myznikov (Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Institute of Linguistics Studies)
Anna Pavlova (Germany, Walldorf University)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Blaze Ristovski (Macedonian Academy of Science and Art, Skopje)
Mary Rut (Russia, Ural State University)
Ranjana Sxaena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Rita Spivak (Russia, Perm State University)
Olga Ushakova (Russia, Tumen State University)
Anne Faivre Dupaigre (France, Universite de Poitiers)

Perm Editorial Board

Nina Bochkareva – *Editor-in-Chief*
Irina Rusinova – *Associate Editor*
Natalya Shutemova – *Associate Editor*
Vladimir Abashev (Perm State University)
Marina Abasheva (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
Larisa Alekseeva (Perm State University)
Anna Arustamova (Perm State University)
Elena Bazenova (Perm State University)
Natalya Boronnikova (Perm State University)
Alexander Bratukhin (Perm State University)
Svetlana Burdina (Perm State University)
Natalya Danilevskaya (Perm State University)
Liliya Duskaeva (Saint Petersburg State University)
Elena Erofeeva (Perm State University)
Boris Kondakov (Perm State University)
Irina Kochkareva (Perm State University)
Ludmila Kushnina (Perm National Research Polytechnic University)
Valerij Mishlanov (Perm State University)
Nelly Myshkina (Perm National Research Polytechnic University)
Natalya Nesterova (Perm National Research Polytechnic University)
Irina Ovchinnikova (Perm State University)
Natalya Petrova (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
Ivan Podukov (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
Boris Proskurnin (Perm State University)
Tamara Serova (Perm National Research Polytechnic University)
Tatyana Fominykh (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

© Perm State University, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

Шляхова С.С. ЗВУКО-ГРАФЕМНО-ЦВЕТОВАЯ АССОЦИАТИВНОСТЬ СОГЛАСНЫХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ. Статья вторая. Обсуждение эксперимента……...5

Качинская И.Б. ТЕРМИНЫ РОДСТВА В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (по материалам архангельских говоров)……...16

Ганичева С.А. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ-ЗООФОНОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ (на материале «Лексического атласа русских народных говоров»)……...27

Кутруева Н.Г. О ВОСПРИЯТИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ВЕРБАЛЬНЫХ ХЕЗИТАТИВОВ НОСИТЕЛЯМИ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ……...34

Брылина Е.А., Сидорова О.Г. ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СОДЕРЖАНИЕ, ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА, МЕТОДЫ……44

Мишланова С.Л., Катлишина Т.С. ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА ‘STRUGGLE’ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ……53

Кунщикова М.О. МОДЕЛИ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СИТУАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА……...62

Вань Нин РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ……69

Богатикова Е.П. МЕТАФОРЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРНЕТ-ОПОСРЕДОВАННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ……...77

Мишланов В.А., Салимовский В.А. СОВРЕМЕННЫЙ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИКИ……...…84

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Петрова Н.А. «ИСКУССТВО КРОЙКИ И ШИТЬЯ» (заметки к теме)……97

Цветкова М.В. ОБРАЗЫ ПОМЕЩИКОВ-АНГЛОМАНОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА ……...106

Проскурнин Б.М. «НИЗВЕРЖЕНИЕ» ЛИНЕЙНОГО ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ Д.Г.ЛОУРЕНСА «СЫНОВЬЯ И ЛЮБОВНИКИ»……...112

Фоминых Т.Н. ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ «ЛИРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ» В. И. СТРАЖЕВА ПУТЬ ГОЛУБИНЫЙ» ……..…120

Бурдина С.В., Мокрушина О.А. ТОПОС ПОСТСОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В РУССКОМ РАССКАЗЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ……129

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY

Svetlana S. Shlyakhova SOUND-GRAPHEME-COLOR SYNAESTHESIA OF CONSONANTS IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE. Article 2. Discussion of the experiment……..……5

Irina B. Kachinskaya KINSHIP TERMS IN THE MYTHOLOGICAL DIMENSION (a case study of Arkhangelsk dialects)…….....16

Svetlana A. Ganicheva SEMANTIC FEATURES OF RUSSIAN DIALECT VERBS DENOTING ANIMAL AND BIRD VOICES (BASED ON «LEXICAL ATLAS OF RUSSIAN FOLK DIALECTS»)……..……..…27

Natalia G. Kutrueva ON THE PERCEPTION OF SOME RUSSIAN HESITATION FILLER WORDS BY SPEAKERS OF OTHER LANGUAGES…….…...34

Elena A. Brylina, Olga G. Sidorova THE FIRST RUSSIAN GRAMMAR BOOKS OF THE ENGLISH LANGUAGE: CONTENT, PRESENTATION OF GRAMMAR MATERIAL, METHODS……44

Svetlana L. Mishlanova, Tatyana S. Katlishina CONSTRUCTION OF THE MEANING OF THE WORD “STRUGGLE” IN ENGLISH……...53

Marina O. Kunshchikova MODELS OF WORDPLAY FORMATION IN THE CONTEXT OF CLASSROOM BILINGUALISM……..62

Ning Wan ADVERTISING TEXT IN TERMS OF CULTURE AND INTERCULTURAL COMMUNICATION……...…….69

Evgeniya P. Bogatikova METAPHORS IN THE CONTEXT OF ONLINE HEALTH COMMUNICATION……..……77

Valery A. Mishlanov, Vladimir A. Salimovsky MODERN CLERICAL AND RELIGIOUS DISCOURSE IN TERMS OF FORENSIC LINGUISTICS ISSUES…….....84

LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT

Nataliya A. Petrova THE ART OF CUTTING OUT AND SEWING (NOTES ON THE SUBJECT)…….97

Marina V. Tsvetkova IMAGES OF SQUIRES-ANGLOMANIACS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIXth CENTURY……106

Boris M. Proskurnin THE SUBVERSION OF LINEAR TIME IN ‘SONS AND LOVERS’ BY D.H. LAWRENCE……..…….112

Tatyana N. Fominykh THE IMAGERY OF THE LYRIC NOVELLA «THE WAY OF THE PIGEON» BY V. I. STRAZHEV……...120

Svetlana V. Burdina, Olga A. Mokrushina THE TOPOS OF POST-SOVIET SCHOOL IN RUSSIAN SHORT STORIES OF THE TURN OF THE XXI CENTURY…….....129

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК: 811.511.1: 81'342.4

ЗВУКО-ГРАФЕМНО-ЦВЕТОВАЯ АССОЦИАТИВНОСТЬ СОГЛАСНЫХ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ
Статья вторая. Обсуждение эксперимента

Светлана Сергеевна Шляхова
д. филол. н., зав. кафедрой иностранных языков и связей с общественностью
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Пермь, Комсомольский проспект, 29. shlyahova@mail.ru

В статье обсуждаются предварительные результаты экспериментального исследования звуко-графемно-цветовой ассоциативности согласных в коми-пермяцком языке. Полученные данные по коми-пермяцкому языку интерпретируются в контексте данных по русскому, английскому и другим романо-германским языкам, полученных по той же методике. Установлено, что в коми-пермяцком языке цветовая характеристика согласных не имеет однозначной связи с характеристиками звуков, обозначаемых буквами: глухость-звонкость согласных не влияет (или не всегда влияет) на звуко-графемно-цветовую синестезию. Не обнаруживается устойчивой зависимости цветовой ассоциативности согласных от начальной согласной и следующей после нее буквы в русских и коми-пермяцких цветонаименованиях, что позволяет предположить, что звуко-графемно-цветовая синестезия коми-пермяков не всегда связана с билингвизмом. Выявлено, что коми-пермяцкие графоны не имеют устойчивой и регулярной связи с цветами, названия которых являются заимствованными из русского языка (зеленый, оранжевый, коричневый, розовый), что позволяет говорить о возможности связи «родных» букв с исконными цветонаименованиями. Предполагается, что звукоцветовая ассоциативность отдельных согласных графонов с высокой степенью вероятности представляет универсальное явление (например, русского и коми-пермяцкого Р и английского R), тогда как ассоциативность остальных согласных национально обусловлена, что требует дополнительной проверки.

Ключевые слова: психолингвистика; фоносемантика; звукосимволизм; звукоцветовая ассоциативность; цветографемная синестезия; согласные; пермские языки; коми-пермяцкий язык.

1. Введение

В *первой* статье (см.: [Шляхова 2015]) представлены результаты эксперимента, направленного на выявление устойчивых и регулярных ассоциативных связей между цветом и согласными графонами коми-пермяцкого языка. Цветовая картина мира коми-пермяков пока изучена слабо, однако в пермских языках имеются работы, посвященные исследованию цветообозначений в этих языках [Ракин 1990; Рябина 2010, 2011; Тараканов 1990; Гончаров, Князев 2010]. Звуко-графемно-цветовая ассоциативность в пермских языках до сего времени никогда не изучалась.

В статье употребляется термин *графон*, используемый в русскоязычной лингвистике, который включает признаки графемы, фонемы, буквы и звука в одном наименовании [Прокофьева 2008].

В эксперименте приняли участие 186 коми-пермяков (школьники, студенты, крестьяне, служащие, пенсионеры) в возрасте от 15 до 63 лет (средний возраст – 39 лет); получено 186 анкет, выявлено 6510 реакций, из них 5631 реакция (86,5%) на коми-пермяцком и 846 (13%) – на русском языках, в том числе 32 (0,5%) отказа.

Анализ данных показал, что достоверные результаты (от 25 до 48% реакций) были получены по 20 согласным коми-пермяцкого языка: в сознании коми-пермяков графон Ж индуцирует желтый; графоны Ч, Ц – белый; графоны Д, ДЖ, ТШ, П, Щ, К – черный; графон З – зеленый; графоны С, Г, Н, В, Л, Б – синий; графоны Р, К, М – красный; графон Ф – фиолетовый цвета.

Наиболее частотные, регулярные и устойчивые ассоциативные связи согласных и цвета располагаются в зоне синего (6 графонов), черного (6 графонов) и красного (3 графона) спектров.

2. Обсуждение результатов эксперимента

2.1. *Факторы, влияющие на звуко-графемно-цветовую ассоциативность.*

© Шляхова С.С., 2015

На сегодня ведущие факторы, влияющие на звуко-графемно-цветовую ассоциативность, остаются неясными. Исследователи отмечают множество причин графемно-цветовой синестезии: визуальная форма графемы [Brang et al. 2011; Watson et al. 2012]; звук [Asano&Yokosawa 2011, 2012]; смысл или значение понятий, с которым связывается графон [Rich et al. 2005; Asano&Yokosawa 2012]; частота графемы [Beeli et al. 2007]; цветонаименование, т.е. порядок букв в названии цвета [Cytowic 1989; Motluk 1997; Witthoft&Winawer 2006; Watson et al. 2012]; память, например, игрушки, содержащие цветные буквы, магниты на холодильнике, цвета букв в книжках и пр. [Witthoft&Winawer 2006, 2013]; комплекс перечисленных факторов [Asano&Yokosawa 2011, 2012; Watson et al. 2012].

Рассмотрим факторы, влияющие на графемно-цветовую синестезию в коми-пермяцком языке.

2.2. *Свойства речевого звука*

Соотнести явно выраженную цветовую характеристику гласных с характеристиками звуков, обозначаемых буквами, не представляется возможным. Анализ данных показывает, что признак «глухость-звонкость» согласного не влияет (или не всегда влияет) на звуко-графемно-цветовую синестезию. В материалах нашего эксперимента отмечается высокая согласованность данных по графонам В – Ф (по 31%), Б (25%) – П (24%) по синему цвету; ДЖ (35%) – ТШ (32%), К (26%) – Г (24%) по черному цвету; З (16%) – С (14%) по желтому цвету и др.

2.3. *Ведущая роль графемы*

Отмечается, что при определении цвета букв/звуков ведущую роль играет графема [Cytowic 1989; Motluk 1997; Witthoft&Winawer 2006], т. к. цветовая ассоциативность часто зависит от начальной согласной и следующей после нее буквы в цветонаименовании. Но эта тенденция не является абсолютной для русского и английского языков [Прокофьева 2008]. Не подтверждается эта тенденция у билингвов коми-пермяков для родного и русского языков (рис. 1–5).

Рассмотрим влияние цветонаименований коми-пермяцкого *гӧрд* и русского *красный* на звуко-графемно-цветовую синестезию коми-пермяков (рис. 1). Можно предположить влияние русского цветонаименования *красный* на колористику графонов К (29% реакций) и Р (31%). В то же время коми-пермяцкое цветониминование *гӧрд* не повышает достоверности результатов по коми-пермяцким графонам Г (18%) и Ӧ (15%). На относительную зависимость звуко-графемно-цветовой синестезии от первых букв цветонаименования указывает и достаточно высокая согласованность ответов респондентов по красному цвету графона М (25%).

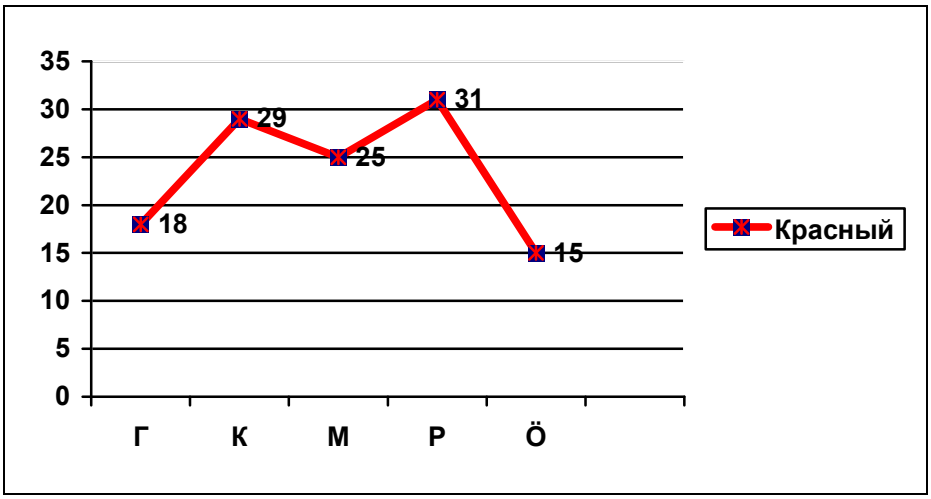

Рис. 1. Относительная зависимость цветовой ассоциативности согласных от начальной согласной и следующей после нее буквы в цветонаименовании по красному цвету

На относительную зависимость цветовой ассоциативности от начальной согласной и следующей после нее буквы в цветонаименовании указывают данные по синему, черному, желтому и белому цветам (рис. 2–5).

Максимальное количество реакций по синему цвету (рис. 2) получает графон С (36% реакций), что позволяет предположить влияние русского цветонаименования *синий* на колористику графона. Высокий процент реакций получает графон Л (30%), что может быть обусловлено

влиянием коми-пермяцкого цветонаименования *лöз*. Данный факт может рассматриваться как нормальный для естественных билингвов. Гласные И (21%) и Ö (14%), следующие за первыми буквами в цветонаименованиях, получают недостаточно высокий результат.

Однако высокая согласованность реакций по графонам Н, В, Г, ДЖ, Ф, Б (25–35% реакций) не подтверждает зависимости цветовой ассоциативности от начальной согласной и следующей после нее буквы в цветонаименовании.

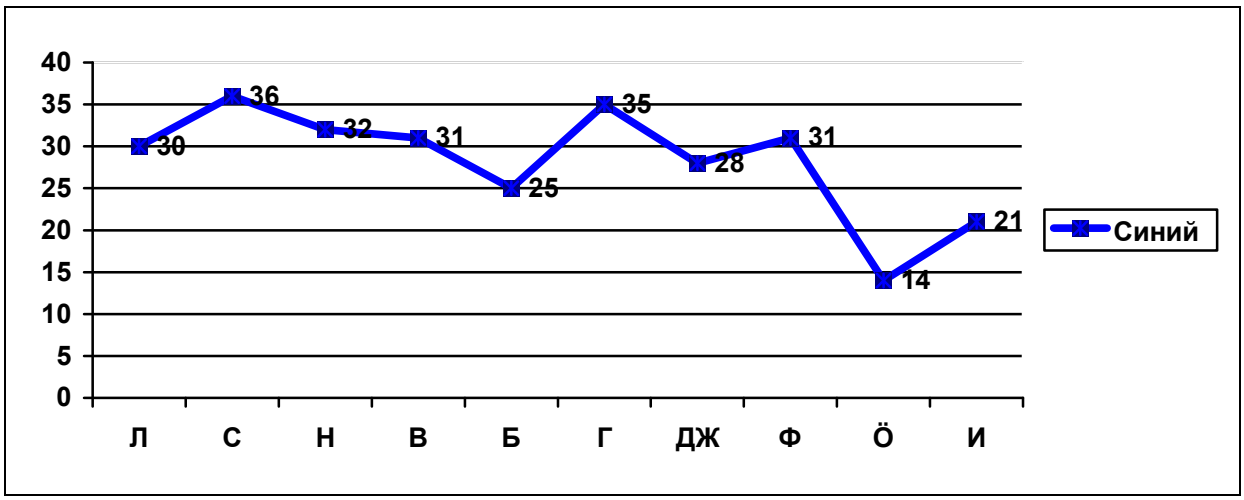

Рис. 2. Относительная зависимость цветовой ассоциативности согласных от начальной согласной и следующей после нее буквы в цветонаименовании по синему цвету

Не подтверждают зависимости цветовой ассоциативности от начальной согласной и следующей после нее буквы в цветонаименовании данные по черному цвету (рис. 3). Максимальное количество реакций получают графоны Д (36%), ДЖ (35%), ТШ (32%), П (29%), Щ и К (по 26%), которые отсутствуют как в русском (*черный*), так и в коми-пермяцком (*сьöд*) цветонаименованиях. В то же время начальные буквы в рассматриваемых цветонаименованиях (Ч, С) и следующие за ними гласные (Ё, Ö) получают недостаточно высокий процент реакций (6–22%).

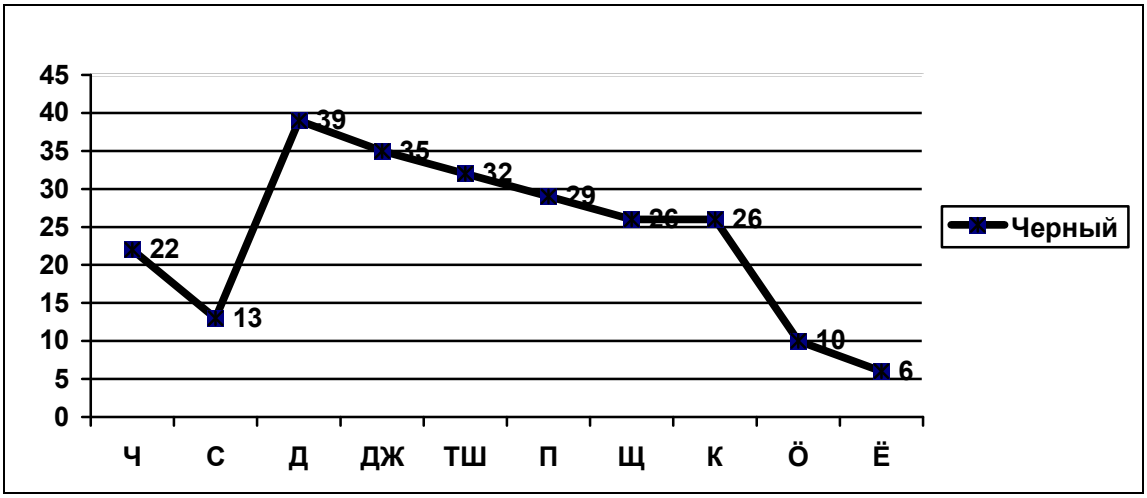

Рис. 3. Относительная зависимость цветовой ассоциативности согласных от начальной согласной и следующей после нее буквы в цветонаименовании по черному цвету

Убедительная характеристика графона Ж (48% реакций) как желтого (рис. 4) может указывать на влияние русского цветонаименования (*жёлтый*) на колористику графона. Коми-пермяцкое цветонаименование (*веж*) не влияет на цветовую ассоциативность: графемы В и Е индуцируют желтый цвет лишь в 20–22% реакций.

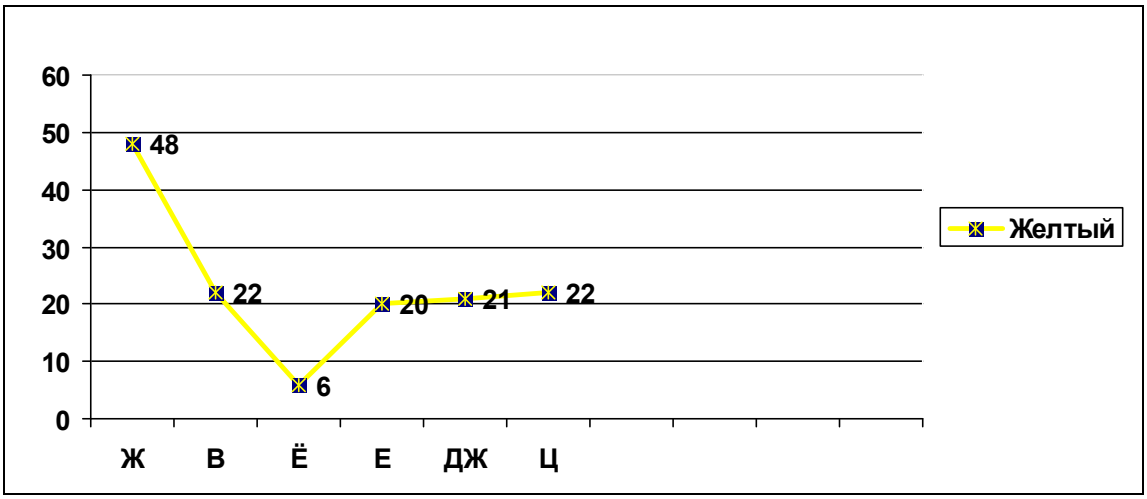

Рис. 4. Относительная зависимость цветовой ассоциативности согласных от начальной согласной и следующей после нее буквы в цветонаименовании по желтому цвету

Вместе с тем данные по белому цвету (рис. 5) могут указывать на влияние коми-пермяцкого цветонаименования (*чочком*): максимальное количество реакций приходится на графон Ч (39%). В то же время графон Ц индуцирует белый цвет в 25% реакций.

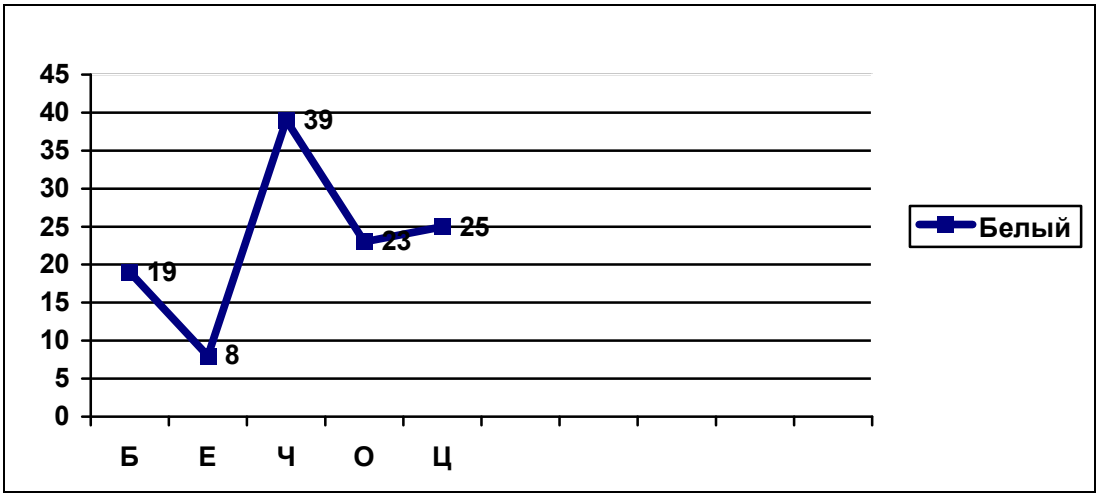

Рис. 5. Относительная зависимость цветовой ассоциативности согласных от начальной согласной и следующей после нее буквы в цветонаименовании по белому цвету

Таким образом, в нашем материале не обнаруживается устойчивой зависимости цветовой ассоциативности согласных от начальной согласной и следующей после нее буквы в цветонаименовании. «Цветовые номинации, безусловно, оказывают существенное влияние на ассоциирование графонов, но это влияние не абсолютное, а, скорее, “направляющее”». <…> сама внутренняя способность звука к интермодальным связям и его «тяготение» к тому или иному физическому цвету спектра могла стать основанием для его языкового обозначения» [Прокофьева 2008: 217].

2.3. *Влияние билингвизма*

Поскольку коми-пермяки являются естественными билингвами и свободно говорят на русском языке, то следует предположить влияние русского языка на звуко-графемно-цветовую ассоциативность коми-пермяков.

Сравним полученные результаты (таблица) по коми-пермяцкому языку с данными по русскому и английскому языкам [Прокофьева 2008]. В таблице обычным шрифтом обозначены относительно достоверные результаты (от 15 до 24%); полужирным шрифтом – достоверные результаты (от 25% и выше). Зоны полного или частичного совпадения выделены затемнением.

Матрица звуко-графемно-цветовой ассоциативности коми-пермяцких, русских и английских согласных

Цвет		Коми-пермяцкий	Русский	Английский
веж, желтый, yellow		Ж З Ш В Ц ДЖ	**Ж Л Ц**	**C H J L S Y**
гӧрд, красный, red		**Р К М** Л Б Г П Х	**К** Л **М Р** Ф	J **K** M **P Q R** V
руд, серый, grey		Р Д Ш Ц ДЗ ТШ	-	X
коричневӧй, коричневый, brown		-	**Г**	**D** H
лӧз, синий, blue		**С Б Г Н Л В ДЖ Ф** М З Д К П Т Ш Х Ц Щ	Б **В Г Й** Л М **Н С** Ф	**B M W**
сьӧд, черный, black		**Д К ДЖ ТШ П Щ** Р Ш Ж В Б Д Г Ч Т Х ДЗ	**Д П** Т **Х Ч Ш Щ**	**X Z**
зелёнӧй, зеленый, green		**З** Л Ш ТШ Щ ДЗ	**З** Щ	**F G J N T**
чочком, белый, white		**Ч Ц** Н Б Т Х	**Б** Й М Т Х Щ	**H**
оранжевӧй, оранжевый, orange		-	-	N
фиолетовый, violet		**Ф**	**Ф**	**V**

Сопоставление данных по коми-пермяцкому, русскому (предполагаемое влияние на исследуемую синестезию) и английскому языкам показывает, что влияние билингвизма в звуко-графемно-цветовой ассоциативности не является определяющим. В целом данные по коми-пермяцкому языку во многом совпадают с результатами, полученными по русскому и английскому языкам (в таблице выделено затемнением).

Частичное совпадение по трем анализируемым языкам обнаруживается по четырем цветам: желтому, красному, синему и белому. Полное или частичное совпадение данных по русскому и коми-пермяцкому выявлено по трем цветам: черный, зеленый, фиолетовый.

Отсутствуют совпадения во всех трех языках по серому, коричневому и оранжевому цветам, цветонаименования которых, согласно теории эволюции цветонаименований B. Berlin и P. Kay [Berlin&Kay 1969], относятся к самым поздним (рис. 9) в становлении цветовой лексики в большинстве языков.

Эти данные позволяют предположить, что звуко-графемно-цветовая ассоциативность у коми-пермяков не всегда связана с билингвизмом.

Однако очевидно, что в сознании коми-пермяков бóльшее количество графонов индуцируют связи с различными цветами, чем в русском и английском языках. Вероятно, это можно объяснить билингвизмом коми-пермяков.

2.5. *Универсальность и специфичность*

Согласно некоторым исследованиям национально обусловлены цветовые ассоциации согласных, а фоносемантический потенциал гласных позволяет относить их ассоциативность к универсальным феноменам [Сепир 1993; Tsuru 1933]. Данные по английскому, русскому [Прокофьева 2008; Day 2001] и коми-пермяцкому языкам показывают, что это положение требует дополнительной проверки.

Сравним данные по коми-пермяцким согласным с данными, полученными на материале русского, английского [Прокофьева 2008] и романо-германских [Day 2001] языков (рис. 6–8).

Совпадают в красной зоне спектра (рис. 6) оценки по русскому графону Р (37% реакций), коми-пермяцкому Р (31%) и английскому R (32–46%), которые во всех предлагаемых языках чаще всего индуцируют у респондентов красный цвет.

Частично совпадают данные по русскому и коми-пермяцкому графону Б и английскому B (рис. 7). Графон B в романо-германских языках воспринимается как синий (33% реакций); графон Б в коми-пермяцком и русском языках индуцирует синий и белый цвета (по двум цветам 44% реакций в коми-пермяцком и 60% в русском).

Во всех названных языках индуцируют фиолетовый и синий цвета в разных пропорциях русский графон Ф (40% реакций), коми-пермяцкий Ф (62%) и английский F (23–28%). В романо-германских и русском языках эти графоны также ассоциируются с зеленым цветом (рис. 8).

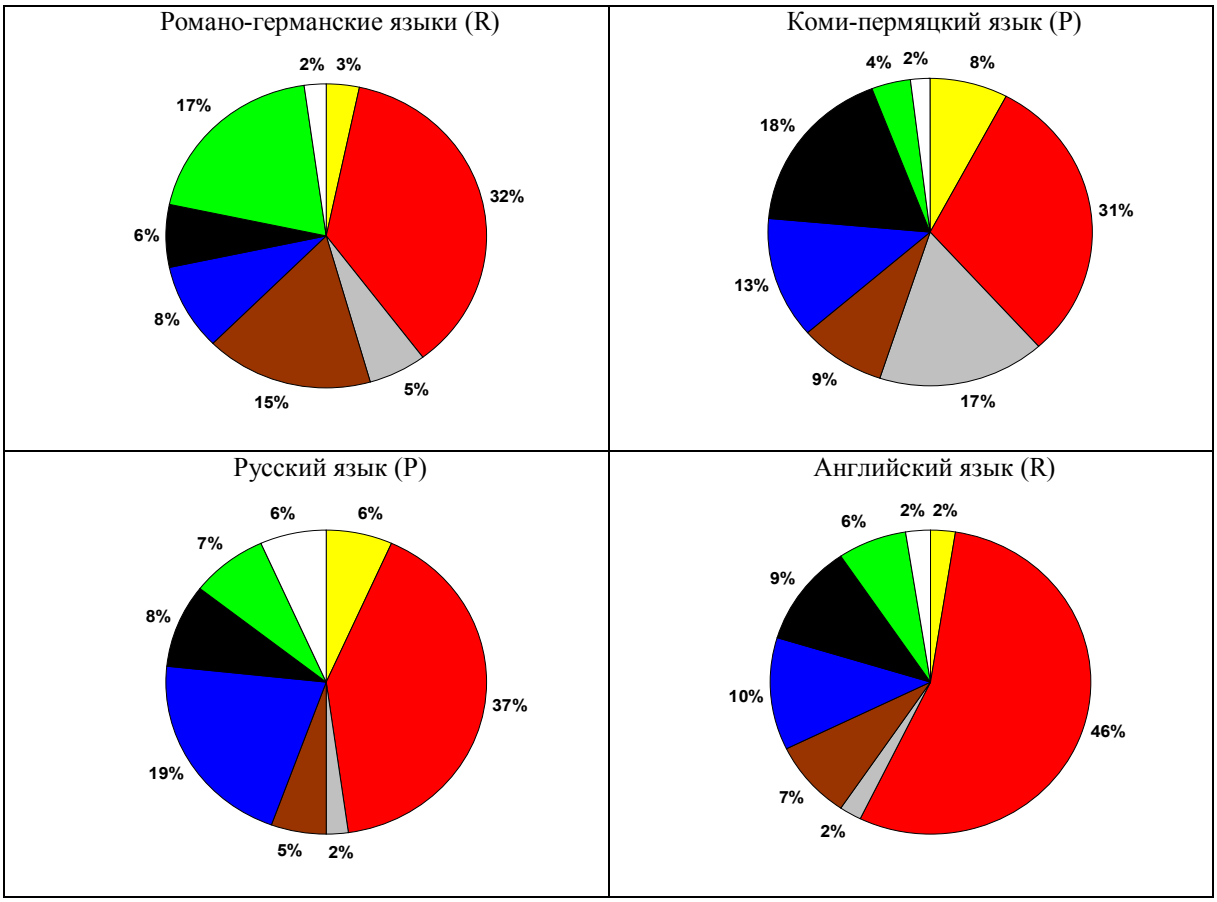

Рис. 6. Цветовая ассоциативность графонов Р, R

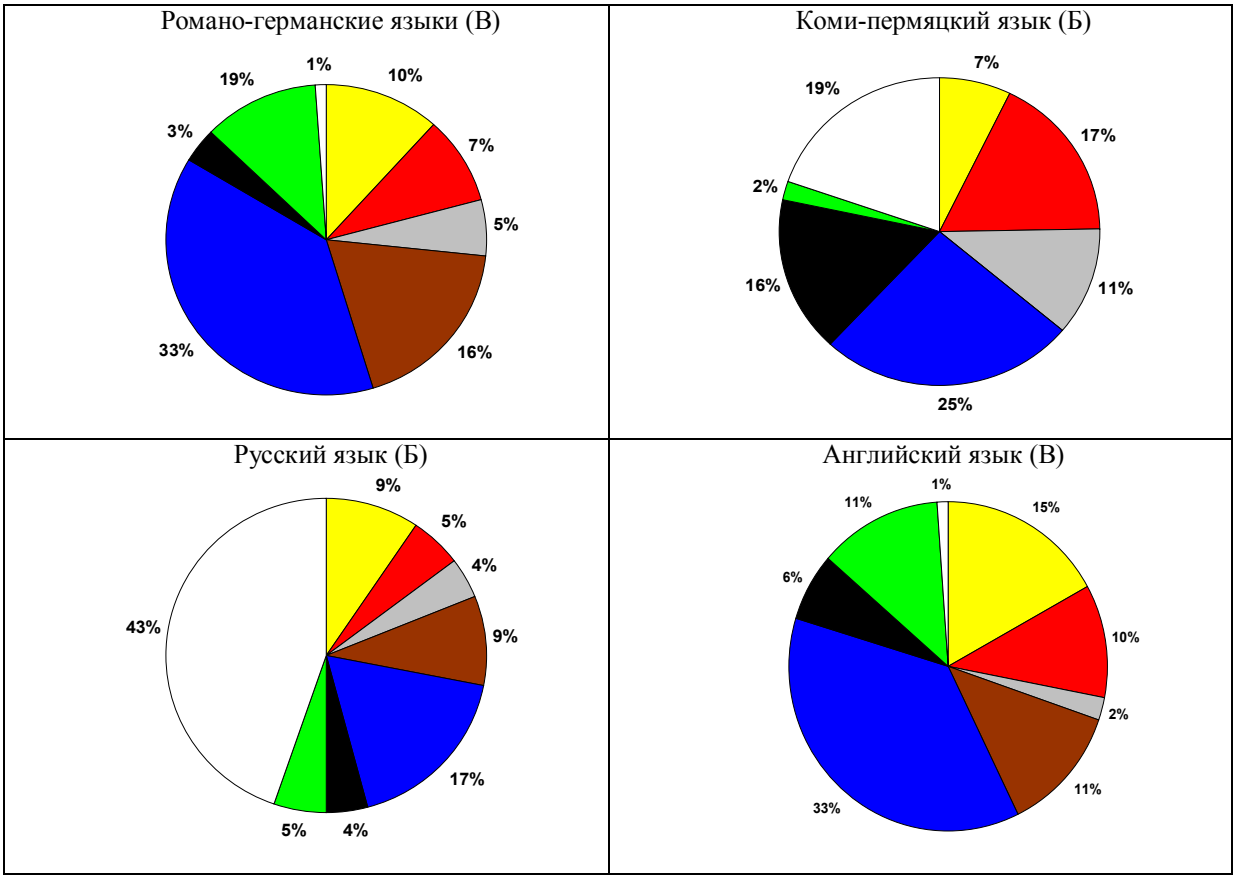

Рис. 7. Цветовая ассоциативность графонов Б, В

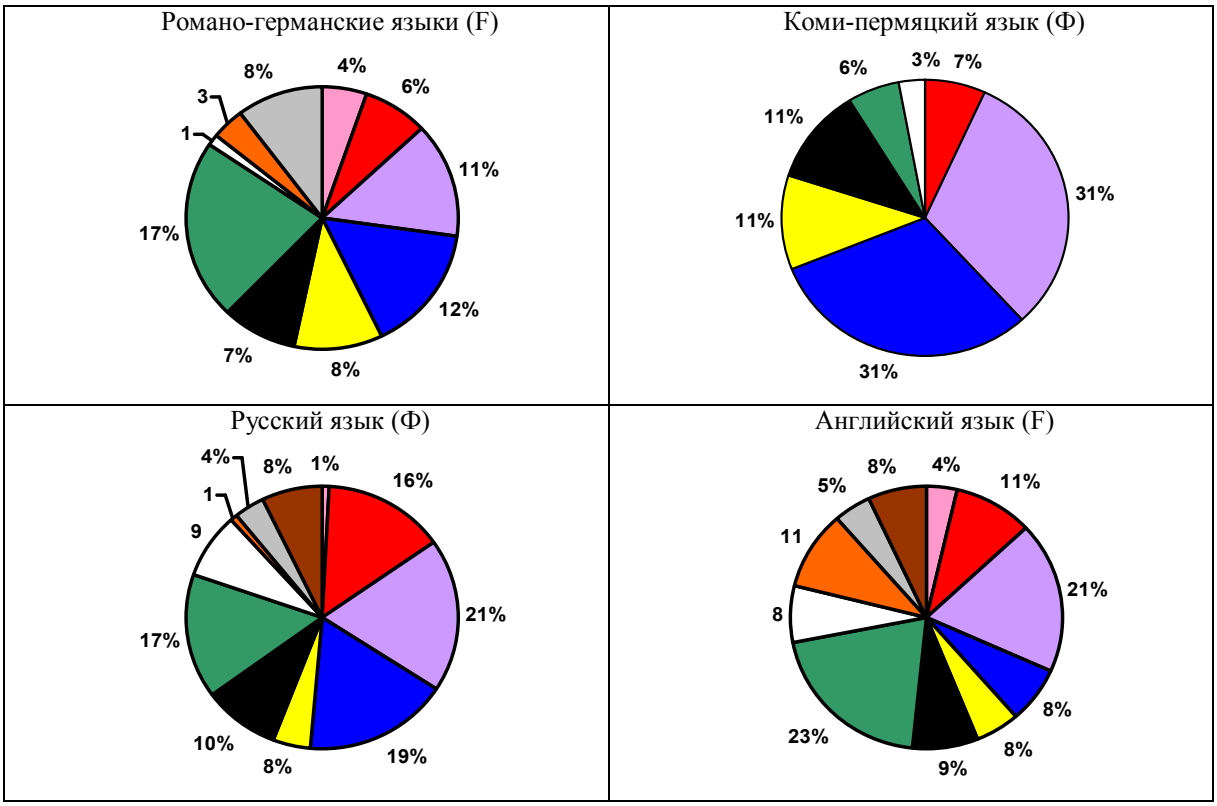

Рис. 8. Цветовая ассоциативность графонов Ф, F

Можно предположить, что звукоцветовая ассоциативность отдельных согласных графонов с высокой степенью вероятности представляет универсальное явление (например, русского и коми-пермяцкого Р и английского R), тогда как ассоциативность остальных согласных национально обусловлена, что требует дополнительной проверки.

В отдельных случаях у билингвов цветографемная синестезия согласных носит национальный характер. Так, заимствованное из русского языка цветонаименование *коричневöй* не связывается с «родными» буквами. И, напротив, «чужая» (русская) буква Ф индуцирует связь с русским цветонаименованием *фиолетовый* (31% реакций).

2.6. *Наличие в языке наименования цвета*

Наши эксперименты показывают, что коми-пермяцкие графоны не имеют устойчивой и регулярной связи с цветами, названия которых являются заимствованными из русского языка (зеленый, оранжевый, коричневый). Данный факт позволяет говорить о возможности связи «родных» букв с исконными цветонаименованиями.

На материале 98 языков Б. Берлин и П. Кей [Berlin&Kay 1969] показали, что в своем становлении система цветообозначений проходит семь стадий (рис. 9).

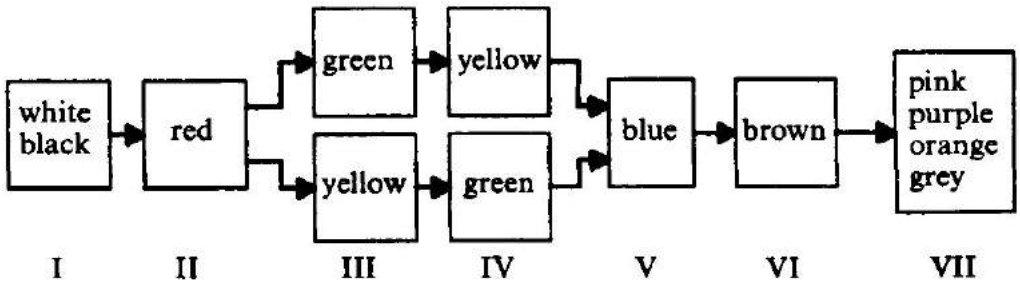

Рис. 9. Эволюция становления цветонаименований по К. Берлину и П. Кею

На I стадии язык лексически выделяет два цвета: черный, включающий темные тона, и белый, включающий все светлые тона. На II стадии появляется категория ‘красный’, включающая в себя все оттенки красного, оранжевого, желтого, коричневого, розового и фиолетового. На III ста-

дии выделяется желтый или зеленый, а наполнение категорий ‘белый’ и ‘черный’ сужается. На III и IV стадиях может быть вариативность: желтый и зеленый появляются один за другим в произвольном порядке, но не одновременно.

Правило эволюции цветонаименований по К.Берлину и П.Кею таково: если в языке есть цветообозначения определенной стадии развития, то в нем обязательно есть все цветообозначения предыдущих стадий. Так, если язык выделяет категорию ‘синий’, значит, в нем есть названия для белого, черного, красного, зеленого и желтого цветов.

В коми-пермяцком языке шесть основных цветообозначений: *гӧрд* ‘красный’, *лӧз* ‘синий’, *сьӧд* ‘черный’, *чочком* ‘белый’, *веж* ‘желтый’, *руд* ‘серый’.

В эволюции цветовой терминологии в языках Б. Берлина и П. Кея (рис. 9) формирование цветообозначения синего (V стадия) идет вслед за желтым и зеленым (III-IV стадии). На это же указывают психологические эксперименты: при выделении зеленого квадрата время реакции у русских и коми примерно одинаковое, но на выделение синего квадрата коми затрачивают значительно больше времени, чем русские [Гончаров, Князев 2010].

В коми-пермяцком языке происходит “сбой” рассматриваемой эволюционной схемы: в нем есть цветонаименование для синего – *лӧз* (V стадия) и для серого – *руд* (VII стадия) цветов, но нет названия для зеленого (III-IV стадии) и коричневого (VI стадия) цветов. Это согласуется с теорией Б. Берлина и П. Кея, в которой были отмечены некоторые исключения.

По подсчетам этнолингвистов, в мире насчитывается не более 5 % языков (преимущественно славянских), в которых синий и голубой цвета имеют собственные наименования. В то же время во многих языках весь зелено-синий диапазон обозначается одним цветом, а для теплого красно-желтого диапазона существует гораздо больше наименований.

Эта тенденция отмечается в коми-пермяцком языке: нерасчленение зелено-синего (отсутствие коми-пермяцкого цветообозначения зеленого), но наличие теплого желтого и красного цветообозначений. В настоящее время нет также основных терминов для обозначения оранжевого, розового и фиолетового цветов.

Несмотря на радикальные различия в словесном обозначении цветовых интервалов, люди различных культур воспринимают цвета сходным образом, т.е. склонны выделять те же фокальные цвета. Выделяются легконазываемые (красный, зеленый и синий) и трудноназываемые цвета, для которых нет простого названия в языке.

Таким образом, можно предположить, что большая степень совпадения наблюдается у легконазываемых (опознаваемых) основных цветов (сформированность цветообозначений в языке), меньшая степень совпадения в оценке цвета графонов в коми-пермяцком языке связана с особенностями цветовой картины мира коми-пермяков.

Анализ показывает, что коми-пермяцкие графоны не получают устойчивой связи с серым (*руд*). Ни один коми-пермяцкий графон не индуцировал связи с коричневым цветом.

В коми-пермяцком языке цветонаименование *руд* понимается и как серый, и как рыжий (цвета лисы) цвет. Наименования коричневого цвета в коми-пермяцком языке вообще нет: в коми-пермяцком есть понятие «цвета земли», а цветонаименование *коричневӧй* заимствовано из русского языка. В деревнях жители отказывались не только определять связь графона и коричневого цвета, но и вообще связывать коричневый цвет с каким-либо понятием.

Вероятно, что «не все графемы в языке имеют одинаковые ассоциативные возможности и что это связано не столько с особенностями языка, сколько с особенностями деятельности мозга человека» [Прокофьева 2008: 215].

3. Заключение

В результате проведенного эксперимента было установлено, что в коми-пермяцком языке цветовая характеристика согласных не имеет однозначной связи с характеристиками звуков, обозначаемых буквами. Выявлено, что глухость-звонкость согласных не влияет на звуко-графемно-цветовую синестезию.

В нашем материале не обнаруживается устойчивой зависимости цветовой ассоциативности согласных от начальной согласной и следующей после нее буквы в русских и коми-пермяцких цветонаименованиях. Эти позволяет предположить, что звуко-графемно-цветовая синестезия коми-пермяков не всегда связана с билингвизмом.

Однако в сознании коми-пермяков бóльшее количество графонов индуцируют связи с различными цветами, чем в русском и английском языках, что, вероятно, можно являться следствием билингвизма коми-пермяков.

Коми-пермяцкие графоны не имеют устойчивой и регулярной связи с цветами, названия которых являются заимствованными из русского языка (зеленый, оранжевый, коричневый, розовый). Данный факт позволяет говорить о воз-

можности связи «родных» букв с исконными цветонаименованиями.

Можно предположить, что звукоцветовая ассоциативность отдельных согласных графонов с высокой степенью вероятности представляет универсальное явление (например, русского и коми-пермяцкого Р и английского R), тогда как ассоциативность остальных согласных национально обусловлена, что означает необходимость продолжения исследований.

Предварительные данные, полученные по коми-пермяцкому языку, требуют дополнительной проверки. Важным представляется уточнение факторов, которые влияют на цветовую ассоциативность графонов, в том числе цветовая картина мира коми-пермяков.

Список литературы

Гончаров О.А., Князев Н.Н. Лингвистическая детерминация восприятия цветов у русских и коми // Дубна (психол. журн. Междунар. университета природы, общества и человека). 2010. № 2. URL: http://www.psyanima.ru/journal/2010/2/2010n2a1/2010n2a1.pdf (дата обращения: 07.10.2014).

Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 160 с.

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: автореф. дисс. … докт. филол. наук. Саратов, 2008. 442 с.

Ракин А.Н. Лексика цветообозначения в пермских языках // Uurali keelte aktuaalseid probleeme. Tartu (FU 16), 1990. С. 112–121.

Рябина Е.С. Основные цветообозначения в пермских языках. Тарту, 2011. URL: http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/18808/rjabina_elena.pdf?sequence=1 (дата обращения: 07.10.2014).

Рябина Е.С. Словарный запас цветообозначений у удмуртов: гендерные и возрастные различия // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2010. Вып. 2. С. 127–135.

Сепир Э. Об одном исследовании в области фонетического символизма // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 323–336.

Тараканов И.В. Термины цветообозначения в удмуртском языке в сравнении с коми, марийским и мордовскими языками // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. Ижевск, 1990. С. 103–125.

*Шляхова С.*С. Звуко-графемно-цветовая ассоциативность согласных в коми-пермяцком языке. Статья первая. Методика и результаты эксперимента // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 1(29). С. 66–74.

Asano M., Yokosawa K. Grapheme learning and grapheme-color synesthesia: toward a comprehensive model of grapheme-color association // Front. Hum. Neurosci. 2013, 7: 757. doi: 10.3389/fnhum.2013.00757

Asano M., Yokosawa K. Synesthetic colors are elicited by sound quality in Japanese synesthetes // Consciousness and Cognition. 2011. Vol. 20. P. 1816–1823.

Asano M., Yokosawa K. Synesthetic colors for Japanese late acquired graphemes // Consciousness and Cognition. 2012. Vol. 21. P. 983–993.

Beeli G., Esslen M., Jäncke L. Frequency correlates in grapheme-color synaesthesia // Psychol. Sci. 2007. Vol. 18. P. 788–792.

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. Their Universality and Evolution, Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1969. 178 p.

Blair C.D., Berryhill M.E. Synesthetic grapheme-color percepts exist for newly encountered Hebrew, Devanagari, Armenian and Cyrillic graphemes // Consciousness and Cognition. 2013. Vol. 22, Iss. 3. P. 944–954.

Brang D., Rouw R., Ramachandran V. S., Coulson S. Similarly shaped letters evoke similar colors in grapheme-color synesthesia // Neuropsychologia. 2011. Vol. 49. P. 1355–1358.

Cytowic R. The Man who Tasted Shapes. N.Y.: Putnam, 1989. 275 pp.

Day S. Trends in Sinesthetically Colored Graphemes and Phonemes. 2001. URL: http://www.daysyn.com/Day2004Trends.pdf (дата обращения: 07.10.2014).

Day S. Types of synesthesia. 2014. URL: http://www.daysyn.com/Types-of-Syn.html (дата обращения: 07.10.2014).

Hollingworth H.L., Weischer V. Presistent alphabetical synesthesis // American Journal of Psychology. 1939. № 12. P. 361–366.

Kim S., Blake R., Kim C.-Y. Is "Σ" purple or green? Bistable grapheme-color synesthesia induced by ambiguous characters // Consciousness and Cognition. 2013. Vol. 22, Iss. 3. P. 955–964.

Mills C. B., Metzger S. R., Foster C. A., Valentine-Gresko M. N., Ricketts S. Development of color-grapheme synesthesia and its effect on mathematical operations // Perception. 2009. Vol. 38. P. 591–605.

Motluk A. Two Synaesthetes Talking Colour // Synaesthesia / Baron-Cohen and Harrison (Eds.). Cambridge, MA: Blackwell, 1997. P. 267–277.

Rothen N., Tsakanikos E., Meier B., Ward J. Coloured Letters and Numbers (CLaN): A reliable factor-analysis based synaesthesia questionnaire //

Consciousness and Cognition. 2013. Vol. 22, Iss. 3. P. 1047–1060.

Simner J., Ward J., Lanz M., Jansari A., Noonan K., Glover L., et al. Non-random associations of graphemes to colours in synaesthetic and non-synaesthetic populations // Cogn. Neuropsychol. 2005. Vol. 22. P. 1069–1085.

Tsuru S., Fries H.S. Sound and meaning // Journal of General Psychology. 1933. Vol. 8. P. 281–284.

Watson M. R., Akins K. A., Enns J. T. Second-order mappings in grapheme-color synesthesia // Psychon. Bull. Rev. 2012. Vol. 19. P. 211–217.

Witthoft N., Winawer J. Synesthetic Colors Determined by Having Colored Refrigerator Magnets in Childhood // Cortex. 2006. Vol. 42(2). P. 175–183.

References

Asano M., Yokosawa K. Grapheme learning and grapheme-color synesthesia: toward a comprehensive model of grapheme-color association // Front. Hum. Neurosci. 2013, 7: 757. doi: 10.3389/fnhum.2013.00757.

Asano M., Yokosawa K. Synesthetic colors are elicited by sound quality in Japanese synesthetes // Consciousness and Cognition. 2011, Vol. 20. P. 1816–1823.

Asano M., Yokosawa K. Synesthetic colors for Japanese late acquired graphemes // Consciousness and Cognition. 2012. Vol. 21. P. 983–993.

Beeli G., Esslen M., Jäncke L. Frequency correlates in grapheme-color synaesthesia // Psychol. Sci. 2007. Vol. 18. P. 788–792.

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. Their Universality and Evolution. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1969. 178 p.

Blair C. D., Berryhill M .E. Synesthetic grapheme-color percepts exist for newly encountered Hebrew, Devanagari, Armenian and Cyrillic graphemes // Consciousness and Cognition. 2013. Vol. 22. Iss. 3. P. 944–954.

Brang D., Rouw R., Ramachandran V. S., Coulson S. Similarly shaped letters evoke similar colors in grapheme-color synesthesia // Neuropsychologia. 2011. Vol. 49. P. 1355–1358.

Cytowic R. The Man Who Tasted Shapes. New York. Putnam, 1989. 275 p.

Day S. Trends in Sinesthetically Colored Graphemes and Phonemes. 2001. Available at: http://www.daysyn.com/Day2004Trends.pdf (accessed: 07.10.2014).

Day S. Types of synesthesia. 2014. Available at: http://www.daysyn.com/Types-of-Syn.html (accessed: 07.10.2014).

Goncharov O. A., Knjazev N. N. Lingvisticheskaja determinacija vosprijatija cvetov u russkikh i komi [Linguistic determination of color perception by Russians and the Komi people]. Psikhologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna» [Psychological journal of Dubna International University for nature, society and man]. 2010. № 2. Available at: http://www.psyanima.ru/journal/2010/2/2010n2a1/2010n2a1.pdf (accessed 07.10.2014).

Hollingworth H. L., Weischer V. Presistent alphabetical synesthesis // American Journal of Psychology. 1939. № 12. P. 361–366.

Kim S., Blake R., Kim C.-Y. Is "Σ" purple or green? Bistable grapheme-color synesthesia induced by ambiguous characters. Consciousness and Cognition. 2013. Vol. 22. Iss. 3. P. 955–964.

Mills C. B., Metzger S. R., Foster C. A., Valentine-Gresko M. N., Ricketts S. Development of color-grapheme synesthesia and its effect on mathematical operations. Perception. 2009. Vol. 38. P. 591–605.

Motluk A. Two Synaesthetes Talking Colour // Synaesthesia / Baron-Cohen and Harrison (Eds.). Cambridge, MA: Blackwell, 1997. P. 267–277.

Prokof'eva L. P. Zvuko-cvetovaja associativnost' v jazykovom soznanii i khudozhestvennom tekste: universal'nyj, nacional'nyj, individual'nyj aspekty: avtoref. dis. … dokt. filol. nauk. [Sound and color associativity in linguistic consciousness and literary text: universal, national, individual aspects. Synopsis of Dr. philol. sci. Diss.]. Saratov, 2008. 442 p.

Rakin A. N. Leksika cvetooboznachenija v permskikh jazykakh [Color vocabulary in the Permic languages]. Uurali keelte aktuaalseid probleeme [Uralic languages: current issues]. Tartu (FU 16), 1990. P. 112–121.

Rjabina E. S. Osnovnye cvetooboznachenija v permskikh jazykakh [Basic color names in the Permic languages]. Tartu, 2011. Available at: http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/18808/rjabina_elena.pdf?sequence=1 (accessed 07.10.2014).

Rjabina E. S. Slovarnyj zapas cvetooboznachenij u udmurtov: gendernye i vozrastnye razlichija [The Udmurts' vocabulary relating to color names: gender and age differences]. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij [Yearbook of Finno-Ugric studies]. Izhevsk, 2010. Vol. 2. P. 127–135.

Rothen N., Tsakanikos E., Meier B., Ward J. Coloured Letters and Numbers (CLaN): A reliable factor-analysis based synaesthesia questionnaire // Consciousness and Cognition. 2013. Vol. 22. Iss. 3. P. 1047–1060.

Sapir E. Ob odnom issledovanii v oblasti foneticheskogo simvolizma [A study in phonetic symbol-

ism]. Sapir E. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow: Progress-Univers Publ., 1993. P. 323–336.

Shlyakhova S. S. Zvuko-grafemno-cvetovaja associativnost' v komi-permjackom jazyke (soglasnye). Stat'ja pervaja. Metodika i rezul'taty ehksperimenta [Sound-grapheme-color synaesthesia of consonants in the Komi-Permyak language. Article 1. Methodology and results of the experiment]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2015. Vol. 1(29). P. 66–74.

Simner J., Ward J., Lanz M., Jansari A., Noonan K., Glover L., et al. Non-random associations of graphemes to colours in synaesthetic and non-synaesthetic populations // Cogn. Neuropsychol., 2005. Vol. 22. P. 1069–1085.

Tarakanov I. V. Terminy cvetooboznachenija v udmurtskom jazyke v sravnenii s komi, marijskim i mordovskimi jazykami [Color terms in the Udmurt language in comparison with the Komi, Mari and Mordvin languages]. Voprosy dialektologii i leksikologii udmurtskogo jazyka [Issues of dialectology and lexicology of the Udmurt language]. Izhevsk, 1990. P. 103–125.

Tsuru S., Fries H.S. Sound and meaning // Journal of General Psychology, 1933. Vol. 8. P. 281–284.

Watson M. R., Akins K. A., Enns J. T. Second-order mappings in grapheme-color synesthesia. Psychon. Bull. Rev. 2012. Vol. 19. P. 211–217.

Witthoft N., Winawer J. Synesthetic Colors Determined by Having Colored Refrigerator Magnets in Childhood // Cortex. 2006. Vol. 42(2). P. 175–183.

Zhuravlev A. P. Foneticheskoe znachenie [Phonetic value]. Leningrad: LSU Publ., 1974. 160 p.

SOUND-GRAPHEME-COLOR SYNAESTHESIA OF CONSONANTS IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE
Article 2. Discussion of the experiment

Svetlana S. Shlyakhova
Head of the Department of Foreign Languages and Public Relations
Perm National Research Polytechnic University

The article presents preliminary results of experimental studies of sound-grapheme-color associativity of consonants in the Komi-Permyak language. The obtained data are interpreted within the context of data in the Russian, English and other languages. It is established that color characteristics of the consonants have no direct connection with characteristics of speech sounds. Steady dependence of sound-grapheme-color synaesthesia of consonants upon the initial consonant in Russian and Komi-Permyak color names is not observed. It is revealed that sound-grapheme-color synaesthesia of the Komi-Permyaks is not always connected with bilingualism. The Komi-Permyak graphemes do not induce steady connection with the colors whose names were borrowed from the Russian language (green, orange, brown, pink). It is assumed that sound and color associativity of certain consonant graphemes is most likely to be a universal phenomenon. Sound-grapheme-color synaesthesia of other graphemes is conditioned by national specifics, which requires further research.

Key words: psycholinguistics; phonosemantics; sound symbolism; sound and color associativity; grapheme-color synaesthesia; consonants; Permic languages, Komi-Permyak language.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК 81’28

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (по материалам архангельских говоров)

Ирина Борисовна Качинская
канд. филол. н., младший научный сотрудник кафедры русского языка
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
111991, Москва, ул. Ленинские горы, 1. kacza@yandex.ru

Термины родства относятся к группе коннотативной лексики; они легко переносятся в области, весьма далекие от протозначений, и оказываются тесно связаны с животным, растительным и предметным миром, с абстрактными понятиями; они употребляются в качестве антропонимов и топонимов, входят в междометные конструкции. Анализ производных значений терминов родства ярко демонстрирует антропоцентричность языковой картины мира. В статье рассматривается использование терминов кровного родства в русском языческом пантеоне: для обращения к мифологическим хозяевам дома, двора, овина, бани, воды, леса, поля, а также для номинации языческих духов. Показана глубокая связь язычества с христианством, что проявляется в одновременном обращении ко *всем богам.* Если в христианской традиции актуальны термины родства, связанные с понятиями ‘отец’, ‘мать’, ‘сын’, то в языческой традиции набор терминов родства гораздо шире – он связан с понятиями *бабушка ~ дедушка, мать ~ отец, сестра ~ брат, тетка ~ дядя*. Отсутствуют ‘дочь’, ‘сын’ (хотя имеются *дети*), ‘внуки’ и ‘племянники’. В научный оборот впервые вводится богатый фактический материал, собранный филологами Московского университета в Архангельской области.

Ключевые слова: термины родства; русская языческая мифология; русская диалектология; северные говоры.

Термины родства чрезвычайно активны в мифологии – языческой и христианской. Если в христианской традиции актуальны термины, связанные с понятиями ‘отец’, ‘мать’, ‘сын’ (*Бог-отец, Бог-сын и Матерь Божья* или *Господь батюшка и Царица Матушка Небесная*), то в языческой традиции набор терминов кровного родства гораздо шире и связан с понятиями *бабушка ~ дедушка, мать ~ отец, сестра ~ брат, тетка ~ дядя*. Отсутствуют ‘дочь’, ‘сын’ (хотя имеются *дети*), ‘внуки’ и ‘племянники’.

К русскому «языческому пантеону» мы относим всех представителей «нечистой силы», всех «пенатов»: это мифологические хозяева дома, двора, бани, овина, хозяева воды (моря, рек, ручьев, колодцев), леса, поля, персонажи заговоров, привидения. Посредниками между «нечистой силой» и людьми являются колдуны. В народной культуре православие и язычество тесно сплетены: появление духов может объясняться как свергнутое с небес воинство Сатаны (см. также: [Черепанова 1983: 68; Славянская мифология 1995: 348; Слав. древности, 2: 121] и мн. др.): *Бох всех спихнул, много валилося: на избу – избяной бес, на дворе – дворовой, баня – дак банной, в воду – дак водяной. КРАСН.* В задачи этой работы не входит перечисление всех наименований домового, водяного, лешего и прочей нечистой силы (значительный по объему синонимический ряд слов со значением ‘мифическое существо, обитающее в доме, в помещении для скота’, ‘в бане’, ‘в лесу’ и проч. см. в словарной статье **домовой**[2] [АОС, 11] или [Черепанова 1983: 58–59]) – нам важно показать, как часто и регулярно в номинации и обращении к языческим духам-хозяевам используются термины кровного родства.

© Качинская И.Б., 2015

Представители «нечистой силы» чаще всего выступают в одиночку, но иногда парами (*батюшко ~ матушка, дедушка ~ бабушка*), а порой даже целыми семьями (*с детьми, с приходящими гостьми*) [Качинская 2008: 105]. Соотносительные пары образуют понятия *мать ~ отец, бабушка ~ дедушка*: ***Дедушка-домовеюшка, бабушка-хозеюшка**, благослови детей, пусти жити, храни, береги, пой, корми. МЕЗ.* ***Батюшко-**хозяюшко,* ***матушка-**хозяюшка, с малыми* ***детьми**, с приходящими* ***гостьми**, пойте, корьмите, храните, берегите мою скотинушку, любите, как мы её любим. ОНЕЖ.* Отсутствуют как пары *сестра ~ брат, тетка ~ дядя*. Эти термины используются либо по отдельности (*Лазаревы сёстры, злые долговолосые тётки, суседко-братанко*), либо совсем в ином «родственном» наборе (*дедушко-братанушко, дяденька-батюшка*).

Исследуя использование терминов родства в отношении к представителями «нечистой силы», мы распределили мифологические существа по месту их обитания (дом, двор; овин; баня, вода; лес), как это принято в фольклорной и этнографической традиции, и по функциям, для чего иногда пришлось использовать примеры, не содержащие терминов родства.

1. Мифологические хозяева дома, **двора.** По народным представлениям, бытующим в большинстве архангельских деревень до сих пор, в доме обязательно есть невидимый хозяин: *А на земле всё есть: бох есть и* ***домовой хозяин** есть. КАРГ. В каждой хоромине живёт* ***дедушко**, хоромина без* ***хозяина** не живё. В кажном доме есть* ***дедушко домовой**, уж он тут хозяйничат, дом стерегёт. ПИН.* Дух дома, двора (*домовой* или *дворовой*) заботится о людях – хозяевах дома – и домашнем скоте. Он может являться в человеческом образе: *Он покажется, домоваюшко, маленьким* ***мальциком** или старым* ***дедом**. ПИН. Сохожу с листницы – а* ***мужик** стоит, это* ***батюшка** стоял,* ***батюшка-хозяюшка**. КАРГ.* Но может предстать как близкий покойник; как животное – домашнее (кот) и дикое (ласка), птица, насекомое (в архангельской деревне паука могут назвать *дедушко,* а насекомое сороконожку – *дедушка-братанушка* [Качинская 2011: 192–193]); домовой может обратить на себя внимание каким-нибудь неожиданным действием: *Хозяин может почудиться* ***в мать*** *или* ***в бабушку**. ПРИМ. Мне дак показалося* ***свекровкой**. КАРГ. Раньше не знали ласки, это* ***дедушка домовой**. ЛЕШ.* ***Дедушко домовой** показывается всё котёнком. В-Т. Говорит, всё* ***дедушко-домоведушко** то птицей цёрной показался, то кошкой цёрной, то ворота открыл. ВИН. Дверь открыла, а там* ***мужик** стоит, высокой такой – и как ростаял, домовой дак. ШЕНК.* Об обликах домового см. также: [Даль 1996: 16; Максимов 1994: 31–32; Померанцева 1975: 102; Мифы народов мира 1991: 391–392; Криничная 2004: 119–139 и мн. др.].

В названии домового и обращении к нему используются термины кровного родства *дед, дедко (дедка), дедо, дедушко (дедушка), батька, батюшко (батюшка), братанко, братанушко (братанушка), дяденька; бабушка, матушка.* Лексем, обозначающих мужских персонажей, намного больше, чем женских. Часто термины родства сопровождаются определением – как адъективом, так и приложением.

Можно увидеть некий параллелизм в отношениях человека и подвластных ему домашних животных и мифологических хозяев дома (двора) и людей. В отношении к домашним животным хозяйка берет на себя функции *матери-кормилицы*, в отношении к мифологическим хозяевам дома, двора, бани, леса и т.д. все домочадцы считают себя его подчиненными, признают главенство домового хозяина как «отца». Обычно домовой выступает в мужской ипостаси: *А* ***батька** у овцы стал вязку вить из сена, овцы не полюбил* ***хозяин**. ОНЕЖ. У тебя* ***батюшко-**хозяюшко есть? КАРГ.*

Многочисленны примеры, где домовой выступает как ‘дедушка’: *Зовут хозяином, а когда и* ***дедом**. ХОЛМ. Домовичёк Анну Михайлну не любит,* ***дед дома** ей не любит. ОНЕЖ. Опеть* ***дедко** не полюбит – овцу шчыплет. ПИН. А ей* ***дедко** выдавил – к цему выдавил, к худу ли к лиху? К добру ли к лиху? ПИН. В каждой постройки* ***дедушко** всё хозяин. ПИН.* ***Дедушко** скота, коровушек кормил, гладил. ЛЕШ. Ковда вот спишь, бывает, он так на тебя навалится – говорят:* ***дедушко** давил. «**Дедушко**» скажут, не домовой, а «**дедушко**». ПИН.*

В качестве адъектива при лексемах *дедко, дедушко* (*дедушка*) выступают прилагательные *домовой, модовой*, *дворовой* (в других случаях они же могут являться субстантиватами): *Ведь в таком доме* ***дедко домовой**, а тут (в бане) обдериха. ПИН. В этом доме* ***дедушко домовой**, на ём, говоря, дом стоит. ХОЛМ. Не любит её* ***дедушка дворовый**, не гладит. КОН. А уж коли во дворе што померещилось, так то уж, верно,* ***дедушка дворовый**. НЯНД.* ***Дедушко модовой** как котушко придё иногды. ПИН.* Лексема *модовой* и ее дериваты считаются метатезами к *домовой*

(и его дериватам) как следствие табуирования (см.: [Черепанова 1983: 73; Слав. древности, 2: 52]).

Термины родства «дедушка», «отец» (*батюшка*) сопровождаются приложениями: *доможирко, доможирушко (доможирушка, доможилушко), домоведушко (домоведышко), домовей, домовейко, домовеюшко (домовеюшка, домовоюшко, домоваюшко), домоводушко, домовидушко, домовишко, доманушко, модовеюшко (модовеюшка), медведушко, мадамушко, домохозяюшко, атаманушко (отоманушко), батаманушко (ботаманушка), батанушко, ватамушко, братанушко, романушко, романьюшка, суседко, сусед, суседушко (суседушка), соседушко (соседушка), хозяюшко (хозяюшка), хозяинушко (хозяйнушко), хозяин*; они могут находиться как в пре-, так и в постпозиции. Все эти лексемы могут выступать в данном значении самостоятельно, но в рамках настоящей работы они нас интересуют только как приложения к терминам родства. В перечне примеров мы постарались разделить номинативную и вокативную функции – как видно, и в номинативной функции данные сочетания достаточно частотны: ***Дедко-доможирко*** *там будто есть, это давнёшно. ЛЕШ.* ***Дедушко-доможирушко*** *скотину не залюбит, на ноги навяжет. МЕЗ. Дом новой построят,* ***дедушку-доможирушку*** *берут с собой. ЛЕШ. В доме, где жито, был* ***дедушко-домоведушко****. ВИН. На чердаке живёт* ***дедушко-домоведушко****. ЛЕШ.* ***Домоведушко-батюшко*** *в дому, без него жить нельзя. ВИН. Все волосы розвили! Это што, ночному-то* ***деду-домовею*** *готовишь? МЕЗ.* ***Дедушко-домовей*** *всё просится. ПИН. Один мне мушина сказывал, братан, он пришёл в зарод, меня выгнало, ложился – не попросился* ***дедушка-домовеюшко****: приють меня не знай-ко. МЕЗ.* ***Дедушко-домовеюшко*** *ей жалел, под сенеми плакал.* ***Дедушко-домовеюшко*** *– плохо живёт человек, дак жалет, плацёт. МЕЗ.* ***Дедушко-домовоюшко****,* ***дедушко-домовеюшко*** *– домовой. Всё просят* ***дедушка домовеешко****. ПИН. Придёшь и кланяешься* ***дедушку-домовеюшку****. ЛЕШ.* ***Дедушко домовиюшко****,* ***дедушко доможирушко****, и просто* ***дедушком*** *назовут. ЛЕШ. Про* ***дедушку-модовеюшку*** *говаривали.* ***Дедушко-модовеюшко*** *как не хозяин в доме?! ЛЕШ. Он ведь невидимка, он ить катитсе. Я сама ить не видала, какой он,* ***дедушко-медведушко****. Иногды вот так приснится. ПИН. Там (на чердаке)* ***дедушко-домохозяюшко****. ВИН.* ***Дедушко-атаманушко*** *– он есть, девка, он у овец весь нос выцярапа, он живё, цярапа нос у овец. ПИН. А батаманушко – тот домовой. А почему-то скотину заносишь, просишиэ у* ***дедушки-батаманушки****, штобы любил. Попробуй потрогай – такое натворит, домовой, батаман,* ***дедушко-батаманушко****. КРАСН.* ***Дедушко-ватамушко*** *у всех есть. То у кажново есть, то* ***дедушко-соседушко-ватамушко****. КРАСН. Это был* ***дед-сусед****. ВЕЛЬ. Как любит* ***дедушко-соседушко****, так гладка корова, а нет – так не гладка. Да* ***дедушко-соседушко*** *есть, а мы ево не видали. ВЕЛЬ.* ***Дедушко-соседушко*** *просят, штобы гладил да поил да кормил. КОН. У тебя* ***батюшко-хозяюшко*** *есть? КАРГ. А овец заводишь – накинай в четыре угла по горстоцке ржи и тоже слова-ти говорят про* ***батюшко-хозяйнушко****. КАРГ.*

Среди записей очень много вокативов: у домового необходимо «проситься»: спрашивать, «к добру» или «к худу» домовой «давит» человека: *Домовой давит целoвека, только заможь спросить:* ***Дедушко домовой****, к добру или худу? ЛЕШ. Душить стал, на грудь повалился:* ***Хозяйнушко-батюшко****, к чему ты меня душишь? ХОЛМ.* У него просят позволения переночевать, погостить в незнакомом доме: ***Дедушко-домовеюшко****, пусти пожить-переноцевать одну ночку, прими меня, люби да храни. МЕЗ.* Просят, чтобы в новом доме новоселам хорошо жилось: *Туфельку вносят к пеци: заходи,* ***дедушко****, в туфельку, пойдём в новой дом от старого. ЛЕШ.* Просят ухаживать за скотом: *Ково заводиш во двор, так у* ***дедушки домового*** *просисся. До трое раз говорят, да в угол кланяются. ПИН.* Ухаживать за только что родившимся младенцем: ***Батюшко-домовеюшко****, привезла я нового чёловечка, прими, не май, не катай – ну, не мучай, штобы не трясло да не болел дак – стели мягко, корми-пои сладко, а води гладко, дай доброго здоровья на долгие годы. ПИН.* Просят вернуть пропавшую в доме вещь: ***Батюшко-домовеюшко****, поиграл – и отдай! Да и нашли кошелёк. Всё домовейко просят. ПИН.* При этом домового могут даже называть *безруким* или *безруким дедком*, который, шаля, берет какую-н. вещь: *От* ***безрукого****-то* ***дедка****. КАРГ. Опять* ***безрукой*** *взял! ЛЕШ.* Гадают о близких родственниках, живших в этом доме: *Придут, ево вызовут:* ***батюшко-хозяюшка****, скажи мне, жив ли мой муж? Сперва навоз заподнимают, он вылезет (домовой). А как нету жива, скажет: «Нету жива», и убирается (прячется обратно). КАРГ.*

Мифологический хозяин дома чаще всего является одновременно и хозяином скотного двора (ср.: «На значительной территории произошли совмещения образов домового и дворового, ней-

трализация их признаков, в результате чего персонажи не различаются» [Черепанова 1983: 24]), но иногда эти функции – и, соответственно, представления о количестве домашних духов – разделяются, как это произошло с сочетанием *дедушко хлевной*: *Хлевной – дак уш* ***дедушко хлевной****, а доможирушко – в доме.* ***Дедушко хлевной****, я тебе балюшек (овец) привела. Храни, не обижай, пой, корми. ЛЕШ.*

Домовой (или дворовой) хозяин часто выступает не один, а вместе с *хозяйкой*, даже с *семьей*: *В кажном дворе есть* ***хозяин*** *и* ***хозяйка****. КАРГ.* ***Дедушко*** *домовой,* ***бабушка*** *домовая,* ***деточки*** *домовые, вы нас примите, поладьте и погладьте и поухаживайте за нами. Аминь. Животину-то приведёшь, так нать попроситься:* ***Дедушко-атаманушко****,* ***дедушко-доможирушко****, пусти на подворье пару божью... пой, корми, гладко веди, сам не тронь,* ***жену*** *унимай и* ***детям*** *не дозволяй. ПИН. Совсем на дорожку средитесь, сядьте, потом станете вдруг:* ***Дедушко-доможилушко****, подём с нами, сам нейдёшь –* ***деток*** *дай. ПИН. Скотину приведёшь во двор:* ***Дедушко-доможирушко****, пусти Пестронюшку пожить, пой да корми да поглаживай, сам не обидь да* ***детям*** *не давай. ПИН.* ***Хозяюшка-матушка*** *и все ваши* ***деточки****, примите мою животинку, пойте, кормите досыта, гладьте ей догладка, дайте спокой в каждом местечке, во всех уголочках. ХОЛМ.*

Мир духов параллелен миру людей (ср.: «Существует… представление о том, что сколько живет в доме домочадцев, столько же в нем и домовых» [Слав. древности, 2: 120–121; см. также: Никитина 2008: 17, 34–35]. Если хозяевами дома является семейная пара, то и домашние духи будут представлять собой пару: *Домовой –* ***муж и жена****, хозяин и хозяюшка. ШЕНК. Не домового просят, а* ***батюшко****-хозяин,* ***матушка****-хозяйка… КАРГ.* ***Хозяин с хозяюшкой****, с малыми* ***деточками****, напои, накорми, на путь наставьте – из медных денег, копейку там, в шшэль спускают. ОНЕЖ.* В редких случаях их функции могут разделяться: *Парой: хозяин – тот был по коням, а хозяйка – по двору. ОНЕЖ.*

Если в доме нет мужчины-хозяина, а все хозяйство ведет женщина, то домовой оказывается в женской ипостаси хозяйки; обращаться могут именно к ней: ***Бабушка-адамушка*** *– это просто как святыня. ВИН.* ***Матушка-хозяюшка*** *называют, в каком доме какая хозяйка живёт, так и «****матушка-хозяюшка****» называется. Так и обращаются:* ***Хозяюшка-матушка****, спаси да сохрани.* ***Хозяюшка-матушка****, я переезжаю на второе место… КАРГ.* ***Хозяюшка- матушка****, к худу ли к добру? – она бы мне и сказала, к добру ли, к худу. КАРГ.* К ней обращаются в тех же случаях, что и к домовому в мужском обличье: ***Бабушка-адамушка****, я тебе дам хлеба и соли, а ты нам дай жить до доволи. ВИН.*

Если мифологические хозяева выступают парой, то они оказываются *дедушкой (дедушком) и бабушкой* или *батюшкой (батюшком) и матушкой*: *Веду коровушку:* ***Дедушко-бабушко****, пустите на подворице коровушку пожить, шёрстки не троньте, еды не мешайте, реветь не давайте. ПИН. А вот когда заносишь в избу ребёнка маленького, вот просим:* ***Дедушка-домовеюшка****,* ***бабушка****, пойте-корьмите досыта, гладь догладка. МЕЗ. Я тожо у хозяина просилась, вот:* ***Хозяин-батюшка*** *и* ***хозяйка-матушка****, пойте, корьмите и спокой давайте. ХОЛМ. Хвост (коровий) обрезают, под матицу ложат:* ***хозяюшко-батюшко****,* ***хозяюшко-матушка****, любите её, берегите её, храните её (корову). В каждой угол поклониться ещё надо. КАРГ. В армию походят, у хозяина спрашиваются:* ***Батюшко-хозяюшко****,* ***матушка-хозяюшка****, я похожу в Красну армию. Берегите меня, охраняйте меня, дайте мне здоровья, в пути при дороженьке спасите меня и сохраните меня. КАРГ.*

Если в отношении к мифологическим хозяевам дома термины *дедушко, бабушка* могут рассматриваться в качестве метафоры как от основного значения (кровного родства), так и от производного (‘старый человек, неродственник’), то пару *батюшко ~ матушка* мы связываем непосредственно с терминами кровного родства.

В номинации мифологического хозяина дома и в обращении к нему используются также термины кровного родства *братанушко* (*братанко*) и *дяденька*. Оба термина активны в обращении к неродственникам (и в их номинации), и, видимо, уже оттуда происходит дальнейший метафорический перенос. *Братанко, братанушко* = ‘родственник мужского пола по боковой линии, двоюродный или родной брат’, ‘мужчина’; *дяденька* = ‘родственник мужского пола по боковой линии, брат отца или матери’, ‘мужчина’, ‘человек среднего возраста’. Термин *братанушко* (*братанко*) образует сочетания с дериватами лексемы *сусед* (*суседушко, суседко*): *Домовой – сусетко,* ***суседушко-братанушко****. А* ***сусетушко-братанушко*** *в кажном доме живёт уж.* ***Суседушко-братанушко****, он не можот через дорогу перейти. Стары люди не натакали –* ***сусетушка-братанушка*** *и то не prиlacula с собой (в*

*новый дом). ВИЛ. Кошку грех обижать – **светушко-братанушко** не велеw обидеть кошечку, кошечка за скотиной ухаживат. ВИЛ.* В обращении: ***Суседушко-братанушко**, корми мою коровушку. ВИЛ. **Суседко-братанко**, приходи ко мне дрова колоть. ВИЛ.*

Наименование и обращение к домовому может состоять одновременно из двух терминов родства: *дедушко-братанушко* (*дедушка-братанушка*), *дяденька-батюшка, дедушко-богоданушко*: ***Дедушко**-то **братанушко** – он всем видится, не одной мне. Навеку я не ноцеивала у вас, да стала ноцевать, ну, **дедушко-братанушко**, цё привидится? У кого не ноцеивал, дак просиссе у **дедушки-братанушки**. ЛЕШ. Скота вот заводишь когда: **Дедушко-братанушко**, пой-корми мою скотинушку, не забывай. ЛЕШ. Во хлев скотиненку заводишь: **Дяденька-батюшка**, пусти мою коровушку. КАРГ. У **дедушка домового** просиссе: **Дедушко-богоданушко**. ПИН.*

Термин *богоданушко, богоданной* обычно используется в отношении к родственнику по браку: мужу или (чаще) свёкру, ср.: ***Богоданной отец** тоже был старовер. КАРГ. **Батюшко богоданой** мой. НЯНД.*

2. Мифологический хозяин овина. Мифологическое существо, обитающее в овине, – *овинной дедко (дедушко, дедушка), дедушко домовой овинник*: *Пошёл в овин, его **овинной дедко** задавил. ПРИМ. Есть **овинной дедушка**, и в байне есть. **Овинной** есть **дедушко**. ОНЕЖ.*

Овин (*овинник*) – хозяйственное помещение с печью, предназначенное для просушки снопов зерновых перед молотьбой, одно из «нечистых мест», где могут случиться неприятности: *Не ходите в овин, там овинник. ПИН. В байне баенник живёт, а в овине опять овинник. ЛЕШ. Тоже егабовой какой. Придешь снопы выносить из овина-то, лучину приткнёшь, а пугали – там егабова, а бывай, и ницего нет. ПИН.* Часто в овине происходили святочные гадания, но в обращении к овинному духу в его мужской и женской ипостасях (к *овиннику* и *овиннице*) термины родства не зафиксированы, имеется лишь пример, когда у *дедушки домового овинника* просят позволения совершить действия, обычно совершаемые в овине: ***Дедушко домовой овинник**, пусти меня помолотить. ЛЕШ.*

3. Мифологические хозяева бани. Мифологическим хозяином бани может быть *дедушко (дедушка), дедко, баенной дедко, дедко-баянник, дедушко-байничек, дедушко-братанушко, дедушко-оведушко, батюшка-хозяюшка, хозяинушко-батюшко, а также бабушка-байница, бабушка-овбабушка, хозяюшка-матушка, матушка-саламандрушка, баба*: *Сецяс байни побелому, говорят, дак там нет **дедушки**, а в байне по-цёрному – так там есть. ЛЕШ. **Дедушко-байницёк** да **бабушка-байница**, как домовы. ПИН. **Хозяюшка-матушка** в парной баньке. КАРГ.*

Хозяин бани может «подменить» (*переменить*) ребенка, оставленного без присмотра: забрать себе человеческое дитя, а на его место подложить колоду, веник или что-то, внешне похожее на ребенка (такой ребенок очень прожорлив, но не растет, никогда не начнет ходить и разговаривать): *Переменил цёртушко в байны, **баенной дедко**. ПРИМ.* Он может пугать, «затаскивать» на печь-каменку, «давить» насмерть: *Пойдёшь в байну после 12 часов – и может **дедушка** тебя заташшыть на каменку. ОНЕЖ. Последний жар прошёл, дак нагишком выскочил из байны – на каменку его **дедко** потащил. ОНЕЖ. Кажной день стала девка ходить туды (в баню), так задавил **дедко**. ПРИМ. Ево **батюшка-хозяюшка** уволок под полок и до смерти там запетал. КАРГ.* Его присутствием пугали детей: *Задериха-то – **баба** в байне, злая да, пугали детей-то и всех. ЛЕШ. У-у, там придет **дедко баянник**, штобы не плакали. У-у, **дедко** придет, схватит тебя! ОНЕЖ.*

Заходя в баню, нужно было «проситься» помыться, а уходя, благодарить мифического хозяина: *А в байну идёшь: **Дедушко-братанушко**, пусти меня помыться, – это в первый рас. А в байну войдете: Сохрани, Господи, – в кажных дверях (скажете), – **дедушко-братанушко**, пусти меня помыться. ЛЕШ. **Матушка-саламандрушка**, пусти меня помыться, погреться, здоровица набраться. ПИН. Я из байны пойду да скажу: **Дедушко**, спасибо за парну баенку. ОНЕЖ. В байне ведь: спаси Господи помилуй, **хозяинушко-батюшко**, **хозяюшка-матушка**, спасибо на баенке, спасибо, пары парница, намылась я, мойтесь теперь вы. КАРГ. Спасибо, **дедушко-банничёк**, дал помыться. ШЕНК. **Дедушко-оведушко**, **бабушка-овбабушка**, пустите баенку истопить, погреться-попариться, помыться-пожариться, – перекреститься нать и попроситься обязательно, когда в баню идёшь. Ну это как домовые в бане. В бане и в комнаты, я ложусь – обязательно перекрешшусь: **Дедушко-оведушко**, **бабушка-овбабушка**, дайте мне спокойно отдохнуть. ПИН.*

Одной из номинаций мифологического хозяина бани является *дедуха* – дериват от корня *дед-*: *В бане бука была, **дедуха**, в бане да вот под полом бука и живёт. **Дедухи** не надо-то никому, только дедушко домовой надо-то, а бука не надо-то никому. В-Т.* Ср. с этим немного ниже название русалки, мифологического обитателя реки: *дедушиха*.

4. Мифологические хозяева воды. По народным представлениям, различаются духи, надзирающие над пространством, которым управляет человек (дом, скотный двор, амбар, овин, баня), и пространством, не подчиненным человеку: реками, лесами, полями: *Есть людской. Скажут: царь людской, царь воденой. Другим не приходилося, а другим ведь приходится. КАРГ. В каждой в реки-то семь девушек было хозяек. ОНЕЖ.* Это пространство осознается как опасное: ***Дедко** злой – в леси, в омуту. ПРИМ.* Духами воды пугали детей: *Говорят, што **домовеюшко** в реке живёт, дак я малых и не спускаю купатьсе. ЛЕШ.*

В последнем примере мифологического хозяина воды называют *домовеюшко* – функции представителей нечистой силы могут совмещаться, накладываться друг на друга. Но обычно в номинации хозяина воды используется корень *вод-*: *водяной, водяней, водянейко, водяное, водяная сила, водяной чёртушко* и проч. Наряду с этим употребляются и термины родства с корнем *дед-* (*дедко, дедушко*): *Пугали детей, што **дедко** будет грабать. **Дедко** уташшыт в воду. ОНЕЖ. Пугаем тоже детёнков: не ходите, там **дедушко воденой** есть. ЛЕШ. Есть какой **водяной дедушко**, нас всё оговаривали (запрещали купаться). ЛЕШ.* Гибель в воде объясняется тем, что нечистая сила, живущая там, «утаскивает» человека: *Купатьсе стала, пришла да запуталась в травы, **дедушко** утащил. ОНЕЖ. И он в воду, и она в воду – и **дедушко** их прибрал, у них **дедушком** зовут. ПИН.*

К водяному хозяину нужно обращаться, когда берешь воду из реки (ручья, колодца): *Царь земной, **дед водяной**, дай мне воды ключевой. КРАСН. Он в ведри принёс, я и попросила: **дедушко водяной**, дай водыцки рецной. ЛЕШ. **Дедушко руцьевой**, дай воды клюцевой. ЛЕШ.*

К водяному хозяину обращаются, когда надо переправиться через реку (в следующем примере переправляются с конем по кличке *Карько*): ***Дедушко водяной**, храни и береги Карька. ЛЕШ.* Мифологическое существо, обитающее в ручье, – *дедушко ручьевой*: *А в руцьях **руцьевой дедушко**. ЛЕШ.*

Встречаются и женские персонажи, живущие в воде. Так, например, зафиксирована *бабка яга* – обычно это персонаж сказок или существо, которым пугают детей: *В колодце **бабка-яга**, уволокёт! – вру. ПИН.*

Одним из синонимов женского мифологического персонажа, живущего в воде (*русалки, водяницы*), является лексема с корнем *дед-*: *дедушиха*: *Я **дедушиху** видела в детстве. Шли мы, а в реке што-то красное сидит, копошится – **дедушиха**! ОНЕЖ.* С *дедушихой* сравнивают простоволосых девушек (девочек, женщин) – распущенные волосы являлись серьезным нарушением нормы поведения, приравнивающего человека к нечистой силе: *Роспустят девушки волосы, как **дедушихи**. Они («дедушихи») в реке живут. Роспустят волосы, што **дедушихи**. ОНЕЖ.*

5. Мифологические хозяева леса. Свои невидимые «хозяева» есть и в лесу: *Есть **лешой лисной**, а есть и воденой, царица воденая. КАРГ. **Лесной** был, и дворовой был, и батюшко-хозяюшко. КАРГ. Под ёлкой – и то **хозяин** есть. ПИН.* В основном это антропоморфный мужской персонаж: ***Мужицёк-лесницёк**, пособи ягод набрать, а мы тебе хлеба дадим. УСТЬ. Леший – он **человек**, всяк покажется. ВИН.* Но бывают указания на иную гендерную принадлежность: *В лесу живёт леший с лешухой, говорят, леший выше ёлки водил их. ШЕНК. Леший есть да лешачихи есть, **жена**-то ево. Боровуха – эта сама лешачиха и есть. ПИН. Лешачиха мы называли, **женщина-леший**. ПРИМ.*

«Лесного хозяина» могут именовать с использованием терминов родства: *дедко, дедушко (дедушка), дяденька, батюшко, отец*: ***Дедко** в лесу – на смех называют. ШЕНК. Вот в большую старину говорили: **леший отец**. КОН.* В отношении к женской ипостаси лешего (лешачихе) зафиксирован единичный случай использования термина родства (*лесавая бабушка*): ***Бабушки** такие **лесавые**. ВИН.*

Термин родства сопровождается адъективами ***лесной**, **лешев*** (которые часто выступают и как субстантиваты): *Да их не пропускает этот **дедко**, **лесной**-то. Могла бы тебя свадьба упястать, **дедка леснова** свадьба. ШЕНК. Ишшо **дедко** есть **лешов**. НЯНД.* В качестве приложений выступают лексемы *лесовик, лесовичёк, лесной хозяин*: ***Дедушко**-то отвёл домой, **дедушко**-то **лесовик**. ПИН. В лесу есть **дедушко-лесовицёк**. КОН.*

Чаще всего леший «водит» человека по лесу, и тот перестает узнавать знакомые места: ***Дедко** тебя таскал-то по лесу какой-то. ВЕЛЬ. **Де-***

душко *водил. КАРГ. Паренька трои сутки искали. Трои сутки искали: Меня* ***дедушко*** *седатой водил,* ***дедушко*** *седатой, с палочкой ходит. ПЛЕС. Водил (в лесу) какой-то* ***дяденька****. УСТЬ.* Он может привидеться человеку в лесу или рядом с лесом: *Мужик рубил дрова в лужке, стал воду пить, выстал – а перед ним маленький* ***дедушко*** *седатый-седатый стоит. Повидился ему этот* ***дедушка****. МЕЗ. Видел кто-то:* ***дедушко*** *идёт с батожком (с палочкой) выше лесу. ЛЕШ.* К лешему обращаются, когда заходят в лес, чтобы выйти назад: ***Дедушко лесной хозяин****, прими меня, помоги меня и выведи, – знаюшшы люди говорят, все сказки-присказки боле знают. ЛЕШ.* ***Дедушко****, покажи ты, где дорога. Я подошла шагов десять – и дорога. КАРГ.* Он помогает пасти скот, его просят вернуть пропавших коров (традиционно на Русском Севере скот пасли в лесах): *И лесной есть, и дворовой есть, все ести. Этот лесной всё лето пасёт евонный скот. За еица (яйца) всё лето* ***батюшко-хозяюшко*** *ему помогал. КАРГ.* ***Лесной дитятко****, на тебе яичко, а ты мне отдай бычка. Лешой,* ***лесной дитятко****. ШЕНК.*

Как видно из последнего примера, возрастной диапазон «лешего» достаточно велик: от ‘дедушки’ и ‘батюшки’ – до ‘ребенка’, *лесного дитятка*. Чаще леший все же оказывается «старым». Он не только *дедко, дедушко, царь лесной* – но и *лесной старик, старичёк, старичёк-лесовичёк*. Многочисленны былички о детях, попавших к «лесному хозяину» в результате материнского проклятия: *У нас мама ругачая была, всё: Понеси вас леший! Понеси вас леший! Лучше матекнись, чем лешему отдавай. Раньше уносили детишек маленьких, которых мать, отец погорячатся и скажут: Понеси тебя леший! Поносит-поносит, может и домой вернуть. ШЕНК.* Проклятый родителями ребенок рассказывает, как *леший* его удерживал или, невидимого для односельчан, водил по знакомым домам в деревне: *На клочу сидят под берёзовым (кустом), бабушка подошла – они (дети) заревели: нас* ***дедушко*** *не спускат! И на кукорешках принесли. МЕЗ. У кажного дому был, в кажной квашне место брал, всё с* ***дедушкой*** *ходил, с лешим, с нецистой силой. Я с* ***дедушкой*** *ходил, он меня мусёноцкой кормил. ПИН.*

«Лесной хозяин» может и позаботиться о потерявшихся в лесу или даже проклятых детях: *Меня, говорит, всё* ***дедушко*** *носил на закурках да шаньгами кормил. ВЕЛЬ. Большой* ***дяденька*** *меня за руку водил, а меня* ***дяденька*** *ягодыма кормил, спал под лесинкой. ВИН. Его (ребенка) где-то на островок, на песоцек выбросило (из чащи леса),* ***старицёк****, говрит, его водил, кормил. В-Т.*

К представителям «нечистой силы» относятся не только с опаской, но и с уважением. Зафиксирован пример, когда на обычную формулу проклятия (*Понеси тебя леший*) накладывается уважительное обращение-величание с использованием термина родства – *батюшко*: *Унеси тебя* ***батюшко лешой****, больше не приноси! ПРИМ.*

К лешему могли обращаться во время святочных гаданий, при этом тоже использовалось комплиментарное величание ***батюшко***: ***Леший батюшко****, скажи, кому што сбудется. Зачертятся сковородником, и потом тоже крикнешь, што* ***леший-батюшко****, зачертились, на замок заложились, скажи, кому што будет?* ***Батюшко леший****, скажи, кому што сбудется? ПЛЕС.*

6. Мифологические хозяева поля. Мифологический персонаж, обитающий в ржаном поле, – *баба*. Видимо, это метафора не от термина родства, а от значения ‘женщина, обычно замужняя’. С этим согласуется описание мифологического персонажа *полудницы* (*русалки*) как *жёнки*: ***Баба*** *во ржи васильки рвёт, говорит, зашшэкатывала до смерти. ВИН. Какийе-то раньше были полудницы – как русалки* ***жёнки*** *выходили, с длинными волосами, бабки говорили. Говорят, нарядилась, как полудница. ВИН.*

Не вполне ясен персонаж *бабушка Соломидушка* – ее просят прийти из *чиста поля*: ***Бабушка Соломидушка****, приди из чиста поля. ПИН.*

Обычно ***Бабушка*** *Соломидушка* (*Соломанидушка, Соломонаюшка, Исаламия, Степанидушка*) – персонаж заговоров, помогающий роженице при родах. Имя бабушки восходит к персонажу, известному в народной христианской традиции как *Соломонида* (*Саломея, Соломония*) – повитуха, присутствующая при родах младенца Христа (см.: [Википедия. Саломея-повитуха; Слав. древности, 4: 83] с отсылкой к апокрифическим Протоевангелию от Иакова и Евангелию Псевдо-Матфея). К *бабушке Исаламии* обращаются, чтобы легче прошли роды: ***Бабушка Исаламия****, возьми ключи золотые, отопри замки кожаные, косточки роспуститесь, жилочки ростянитесь, родись младенец на белой свет и на мяккой пышной хлеб. Заговорите, заградите в кажной жилочке, в рученьках и в ноженьках, в больной головушке, в пупе и в жилах. КРАСН.* Персонаж *бабушка Соломанидушка* может сближаться с женской ипостасью домового, помогая разродиться корове: *Когда корова телится:* ***Бабушка*** *Соломанидушка, помоги моей ми-*

лой коровушке Апельсинке, кровушку в ней разгоняй да телёночка на свет божий давай. ВЕЛЬ. К *бабушке Соломонаюшке* обращаются и после родов (в данном случае проходивших в хлеву), причем поминают одновременно ее и «хозяина дома» (домового), просят заботиться о новом члене семьи: *А ребёнка-то принесут из хлева: **Дедушко-доможирушко**, **бабушка Соломонаюшка**, прими сердечного дитятка, полюби-сохрани, вперёд пусти. Говорят, заносят когда младенца. МЕЗ.*

В данной публикации мы опускаем примеры, в которых термины родства связаны с другими персонажами заговоров, персонажами фольклора и с колдунами (знахарями).

7. Мифологические «хозяева» и народное православие. В народной культуре бытует представление о том, что христианская традиция должна исключать языческую, что использование заговоров, обращение к местным духам является «грехом». Вот женщина кается, что однажды, когда это было необходимо, она использовала заговор, чтобы найти (или вылечить) корову: *У меня один раз делано было, грешна богу. ПИН.* Так, Н.И. Толстой отмечал, что «язычество и его элементы не следует воспринимать как нечто совершенно чуждое христианству, как его антипод... Эволюция славянского паганизма привела его к особой форме монотеизма, уживающегося с политеизмом» [Толстой 2003: 24]. Язычество и христианство столь тесно наложились друг на друга, что молитва, заговор, а иногда и матерная брань (как оберег) оказываются функционально равными. Встречаются признания, что в случае необходимости на помощь призывают *всех богов*: *Как пословица сказано: Богу молисси, а с бесом водисси. КАРГ. Надо всех богов в кучу собирать, молиться, он, говорят, материков (мата) боится. Материков, говорят, боится лешак. ЛЕН.*

Домовой хозяин иногда может приравниваться к христианскому Богу: ***Дедушко** ты мой, **хозеинушко домовой**, прими мою короушку, пой и корми большую, хорошую, дойную. Как на Бога надеюсь, так же и на тебя, **дедушко домовой**. ЛЕШ.*

К традиционному обращению к домовому прибавляется христианская молитва или конечная формула христианской молитвы (она регулярно встречается и в заговорах): ***Дедушко-домовеюшко**, пусти на жительство пар божью скотинушку, мякко стели, сладко корми. В начале слов – исусова молитва. ПИН. **Дедушко-адамушко**, **бабушка-адамушка**, пой-корми сытно, сено отойчиво, вода опойчиво, во имя **отца**, и **сына**, и святово духа. Аминь. ВИН.* В традиционном обряде первого выгона скота корову обходят с *распятием*, обращаясь к *нечистой силе*; в воротах ставится икона, а на землю кладется снятый пояс хозяйки: *Распятьем обходила: **Батюшко-хозяюшка**, **матушка-хозяюшка**, я погоню на всё красно летушко. На матушку Фиалочку. Штобы пила-ела, кажной к ночи домой ходила. Иконку кладёшь в ворота, пояс распоясывашь с себя, стелешь в ворота, штобы она через этот пояс прошла. Потом убираешь. КАРГ.* Обращаясь к нечистым духам, можно креститься – так же, как при обращении к Богу и Богородице: *В бане и в комнаты, я ложусь – обязательно перекрешшусь: **Дедушко-оведушко**, **бабушка-овбабушка**, дайте мне спокойно отдохнуть. ПИН.*

Баня традиционно считается «нечистым» местом, но и здесь могут одновременно обращаться и к Господу, и к «хозяевам бани»: *А в байну войдёте: Сохрани, Господи, – в кажных дверях (скажете), – **дедушко-братанушко**, пусти меня помыться. ЛЕШ. В байне ведь: Спаси Господи помилуй, **хозяинушко-батюшко**, **хозяюшка-матушка**, спасибо на баенке, спасибо, пары парница, намылась я, мойтесь теперь вы. КАРГ.*

Нередки примеры, когда ко *всем богам* относятся одновременно мифологические духи, Бог, Богородица и христианские святые: ***Матушка-хозяюшко**, **батюшко-хозяинушко**, Михаил Архангел, Николай угодник, все **святые угодники**, **земные и небесные**, **бог земной**, **бог лесной**, **бог** и **небесный**, спасите и сохраните меня на седнишней день **господний** от всякой боли и скорби, от беды и напасти во веки веков, аминь. КАРГ. Царь морской, царь двинской, царь пинежской, **мати пресвята богородица**, с*охрани нас, спаси нас, помоги нам переехать (через реку). ПИН.

Почему термины кровного родства так активны в мифологической сфере? О.А. Черепанова предлагает теорию функционального распределения терминов родства по отношению к духам дома, по которой «старшие родственники» (*деды* и *бабки*) указывают на «мифологизированных предков», и таким образом домовой является персонифицированным предком, духом-охранителем, тогда как «младшие родственники» – «*матушка, батюшка, браток, сестрица*, как правило, имеют комплиментарную функцию, являясь сигналом почтительного отношения к персонажу» [Черепанова 1983: 64–65, 71–72]. Но, как следует из вышеприведенных примеров, раз-

ница между «старшими» и «младшими» мифологизированными предками если и есть, то только количественная: *дедушки* используются чаще, чем *батюшки*, «мужские» персонажи значительно чаще, чем «женские». В пользу комплиментарной функции, возможно, говорит тот факт, что из нескольких корней, служащих для наименования отца (*батя, тата, татя, тятя, отец*) в качестве номинации и обращения к домашним и прочим духам используется в основном корень *бат-*. В архангельских говорах насчитывается около двух десятков однословных лексем со значением ‘предки’, среди них не только *деды, прадеды, правдеды, дедки, прадедки, бабки, прабабки, старухи, прародители,* но и *родители, отци, мамы*, а также около пяти десятков словосочетаний, среди которых встречаются не только «старшие», но и «младшие» родственники: *бабки* да *матки, отцы* да *деды* [Качинская 2009: 117]. Кроме того, *бабушками* и *дедушками*, *батюшками* и *матушками* называются «хозяева» не только дома, но и воды, леса и пр.

В терминологии С.М. Толстой одна система может становиться «донором» для других систем. К таким «донорам» относится и система терминов родства. С.М. Толстая подходит «к категории родства как к *коду* или семантической модели, используемым в языке и культуре... Тенденция к расширению понятия родства характерна не только для языка, но и для культуры, где мы можем наблюдать распространение этой категории за пределы собственно родственных отношений, определяемых связью людей по рождению, и формирование целой системы видов родства, в разной степени и в разных направлениях отступающих от прототипической модели генетического родства» [Толстая 2009, 9: 12]. Термины родства относятся к группе коннотативной лексики, они легко переносятся в области, весьма далекие от протозначений. «Семейный код» оказывается тесно связан с кодом зоологическим (самка и детеныши часто именуются как *матка, мамаша* и *дети*; вспомним насекомое *бабочка*), ботаническим (растение *мать-и-мачеха*; привитые черенки – *пасынки*), с предметным миром (женское чрево – *матка*; деталь компьютера – *материнская плата*), с абстрактными понятиями (*земля-мать, небо-отец, Волга-матушка*; *лень-матушка, природа-мать, война-матушка, старина-матушка*); термины родства употребляются в качестве антропонимов и топонимов, входят в междометные конструкции (*батюшки мои!*). Анализ производных значений терминов родства ярко демонстрирует антропоцентричность языковой картины мира. И не случайно «параллельный мир», мир духов, также осваивается через «близкие», «родные» образы – через термины родства.

Исследование проведено на материале вышедших томов «Архангельского областного словаря», картотеки Словаря и собственных полевых записей автора.

Районы Архангельской области. Список сокращений

В-Т.	Верхнетоемский	МЕЗ.	Мезенский
ВЕЛ.	Вельский	НЯНД.	Няндомский
ВИЛ.	Вилегодский	ОНЕЖ.	Онежский
ВИН.	Виноградовский	ПИН.	Пинежский
КАРГ.	Каргопольский	ПЛЕС.	Плесецкий
КОН.	Коношский	ПРИМ.	Приморский
КОТЛ.	Котласский	УСТЬ.	Устьянский
КРАСН.	Красноборский	ХОЛМ.	Холмогорский
ЛЕН.	Ленский	ШЕНК.	Шенкурский
ЛЕШ.	Лешуконский		

Список литературы

Архангельский областной словарь (АОС) / под ред. О.Г. Гецовой, с 13-го вып. – под ред. О.Г. Гецовой и Е.А. Нефедовой. М., 1980–2013. Вып. 1–15 (изд. продолжается). http://www.philol.msu.ru/~dialectology/dictionary/ Вып. 11. М.: Наука, 2001.

Википедия. Саломея-повитуха. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E0%EB%EE%EC%E5%FF-%EF%EE%E2%E8%F2%F3%F5%E0 (дата обращения: 08.05.2015).

Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.: Литера, 1996. 480 с.

Качинская И.Б. Матушка да батюшко // Русская речь. 2008. № 2. С. 102–108.

Качинская И.Б. Дедки-прадедки: обозначения предков в архангельских говорах // Этнолингви-

стика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сент. 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 117–118.

Качинская И.Б. Термины родства и животный мир (по материалам архангельских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования – 2011. СПб.: Наука, 2011. С. 177–195.

Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Акад. проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: ТОО «Полисет», 1994. 448 с.

Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. 671 с.

Никитина А.В. Русская демонология. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 400 с.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 194 с.

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1–5. М.: Междунар. отношения (Ин-т славяноведения РАН). 1995–2012. Т. 2. 1995. 584 с. Т. 4. 2009. 656 с.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь / науч. ред. В.Я. Петрухин и др. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.

Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2009. С. 7–22.

Толстой Н.И. Язычество древних славян // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 10–24.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. 169 с.

References

Arkhangelskij oblastnoj slovar' [Dictionary of Archangelsk regional dialects] / Ed. by O. Gecova, E.A. Nefedova. Moscow. 1980–2013. Moscow. Nauka Publ., 2001. Vol. 11. Available at: http://www.philol.msu.ru/~dialectology/dictionary/.

Cherepanova O. Mifologicheskaja leksika russkogo severa [Mythological lexicon of the Russian North]. Leningrad: Leningrad St. Univ. Publ., 1983. 169 p.

Dahl V.I. O poverijakh, sueverijakh i predrassudkakh russkogo naroda [On the beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people]. St. Petersburg: Litera Publ., 1996. 480 p.

Kachinskaya I. Dedki-pradedki: oboznachenija predkov v arkhangelskih govorakh [Grandfathers and great-grandfathers: nomination of predecessors in Arkhangelsk dialects]. Etnolingvistika. Onomastika. Etimologia. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg, 8-12 sentjabrja 2009 g. [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Proceeding of the international scientific conference. Ekaterinburg, 8-12 September 2009]. Ekaterinburg, 2009. P. 117–118.

Kachinskaya I. Matushka da batjushka [Mother and Father]. Russkaja rech [Russian speech]. 2008. № 2. P. 102–108.

Kachinskaya I. Terminy rodstva i zhivotnyj mir (po materialam arkhangelskikh govorov) [Kinship terms and the animal world (based on the material of Archangelsk dialects)]. Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov [Lexical atlas of Russian folk dialects]. St. Petersburg: Nauka Publ. 2011. P. 177–195.

Krinichnaja N. Russkaja mifologija: mir obrazov fol'klora [Russian mythology: the world of folk imagery]. Moscow: Gaudeamus Publ., 2004. 1008 p.

Maksimov S. Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila [Devilry, unknown forces and power of the Lord]. St. Petersburg: TOO "Poliset" Publ., 1994. 448 p.

Mify narodov mira: Ehnciklopedija v 2 t. [Myths of the world. Encyclopedia in 2 vols.]. Moscow: "Sovetskaja ehncyklopedija" Publ, 1991. Vol. 1. 671 p.

Nikitina A. Russkaja demonologija [Russian demonology]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 2008. 400 p.

Pomeranceva E. Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klore [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 194 p.

Slavjanskaja mifologija: ehncyklopedicheskij slovar' [Slavic mythology. Encyclopedic dictionary] / Ed. by V.J. Petrukhin et al. Moscow: Ehllis Lak Publ., 1995. 416 p.

Slavjanskije drevnosti: ehncyklopedicheskij slovar' v 5 t. [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 vols.] / Ed. by N.I. Tolstoy. Moscow:

Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1995-2012. Vol. 2. 1995. 584 p. Vol. 4. 2009. 656 p.

Tolstaja S.M. Kategorija rodstva v ehnolingvisticheskoj perspektive [The category of kinship in terms of ethnolinguistics]. Kategorija rodstva v jazyke i kul'ture [The category of kinship in language and culture]. / Ed. by *S.M. Tolstaya.* Moscow: «Indrik», 2009. P. 7-22.

Tolstoy N.I. Jazychestvo drevnikh slavjan [Paganism of the early Slavs]. *Tolstoy N.I.* Ocherki slavjanskogo jazychestva [Essays on Slavic paganism]. Moscow: «Indrik», 2003. P. 10–24.

Wikipedia. Salomeja-povitukha [Salome the midwife]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E0%EB%EE%EC%E5%FF-%EF%EE%E2%E8%F2%F3%F5%E0 (accessed: 08.05.2015).

KINSHIP TERMS IN THE MYTHOLOGICAL DIMENSION
(a case study of Arkhangelsk dialects)

Irina B. Kachinskaya
Junior Researcher in the Department of Russian Language
Lomonosov Moscow State University

Kinship terms belong to the group of connotative vocabulary. They are easily transferred to the spheres quite distant from protomeanings, and become strongly associated with the animal, vegetable and object world, as well as with abstract concepts. These terms are used as anthroponyms and toponyms; they can be parts of interjection constructions. The analysis of the secondary meanings of kinship terms clearly demonstrates anthropocentrism of the linguistic view of the world. The article discusses the use of the natural kinship terms of Russian pagan pantheon for addressing mythological owners of the house, yard, barn, banya, water, forest, field, and also for designating pagan spirits. It proves the existence of strong connection between paganism and Christianity, which manifests itself in appealing to all the gods simultaneously. Whereas in the Christian tradition the most important kinship terms are associated with the concepts of *father*, *mother*, *son*, in pagan tradition the range of the terms is much wider. They are associated with the concepts of *grandmother ~ grandfather, mother ~ father, sister ~ brother, aunt ~ uncle*. There are no *daughter*, *son* (although there is *children*), *grandchildren* and *nephews* notions. This is the first time when such vast factual material, collected by philologists of Moscow State University in Arkhangelsk region, is introduced into scientific use.

Key words: kinship terms; Russian pagan mythology; Russian dialectology; northern dialects.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК 811.161.1’28

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ-ЗООФОНОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ (на материале «Лексического атласа русских народных говоров»)

Светлана Алексеевна Ганичева
аспирант кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации
Вологодский государственный университет
160000, Вологда, ул. Ленина, д. 15. sganicheva@mail.ru

Статья посвящена особенностям семантики глаголов-зоофонов, выявленным при работе над картами «Лексического атласа русских народных говоров». Рассмотрены методологические вопросы, связанные с семантическим описанием материалов атласа. Проанализированы различия глаголов-зоофонов по объёму семантики, выделены два вида синонимических рядов глаголов-зоофонов: 1) ряды, в которых преобладают слова широкой семантики (обозначения вокализаций певчих птиц, сороки, медведя); 2) ряды, большую часть которых составляют видоспецифичные глаголы (обозначения вокализаций волка, лося, кукушки, гуся, тетерева, журавля и др.). Охарактеризованы случаи отсутствия специальных лексем для обозначения вокализаций некоторых диких животных и птиц (соответствующие значения выражены глаголами широкой семантики или глаголами, обычно соотносящимися с домашними животными или птицами). В заключение рассмотрена семантическая дифференциация глаголов-зоофонов, относящихся к одному и тому же виду живых существ, связанная с гендерным или ситуативным варьированием вокализаций.

Ключевые слова:глаголы-зоофоны; семантика; русские говоры; «Лексический атлас русских народных говоров».

Глаголы-зоофоны (глаголы, обозначающие звуки, издаваемые животными и птицами) – одна из подгрупп лексико-семантической группы глаголов звучания. Семантика глаголов-зоофонов, входящих в состав русского литературного языка, описана достаточно подробно. Чаще всего эти слова рассматривались при изучении глаголов звучания [Карунц 1975; Васильев 1981; Ивлиева 2008 и др.], звукоподражательных глаголов [Третьякова 1985; Алиева 1997 и др.], средств выражения семантического поля «Звук» [Курашкина 2007 и др.], ономатопеической лексики [Карпухин 1979; Шляхова 1991 и др.]. К настоящему времени описаны семантические группы глаголов-зоофонов [Васильев 1981; Ивлиева 2008; Курашкина 2007 и др.], особенности сем в семантической структуре данных слов [Алиева 1997; Курашкина 2007; Ивлиева 2008 и др.], особенности образования производных и переносных значений [Третьякова 1985; Ивлиева 2008, др.].

Семантика диалектных глаголов-зоофонов предметом специального исследования практически не становилась; среди немногочисленных исключений можно назвать статьи Ю. С. Азарх и Е. П. Андреевой [Азарх1974; Андреева 2008].

В настоящей работе представлен ряд наблюдений, касающихся особенностей семантики глаголов-зоофонов, функционирующих в русских говорах. Эти наблюдения были сделаны нами при работе над картами «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). Одним из этапов предкартографической интерпретации материала является отбор из картотеки слов, соответствующих теме карты, что требует предварительного исследования семантики картографируемой лексической группы.

В основу работы легли данные картотеки ЛАРНГ по тринадцати вопросам: «Издавать звуки, характерные для грача», «Петь (о жаворонке)», «Кричать (о журавле)», «Издавать звуки, характерные для синицы», «Куковать», «Издавать звуки, характерные для сороки», «Издавать звуки, характерные для тетерева», «Издавать звуки, характерные для гуся», «Издавать звуки, характерные для курицы», «Петь (о петухе)», «Издавать громкие, характерные для волка звуки», «Издавать громкие, характерные для медве-

© Ганичева С.А., 2015

дя звуки», «Издавать громкие, характерные для лося звуки».В качестве сопоставительных источников привлекались данные региональных словарей [СРНГ, СГРС, СРГК и др.].

Лексический атлас предполагает отказ от дифференциального принципа отбора материала, поэтому мы рассматриваем не только собственно диалектные лексемы, но и литературные глаголы, функционирующие в говорах.

Описание семантики диалектных глаголов-зоофонов сопряжено с рядом методических трудностей, в некоторых случаях – неразрешимых на имеющемся материале проблем.

Во-первых, данные для карт глаголов-зоофонов в ЛАРНГ собираются по вопросам типа «Издавать звуки, характерные для того или иного живого существа», что предполагает описание семантики собранных слов с позиции ономасиологического подхода. Количество глагольных рядов в нашем материале ограничено, что не позволяет выполнить самостоятельное ономасиологическое исследование, т.е. получить полный объем глагольных средств, используемых в говорах для обозначения вокализаций живых существ. Для уточнения объёма семантики лексем в собранном материале нам необходимо обращаться к региональным словарям, сочетая таким образом семасиологический подход с ономасиологическим и неизбежно упрощая при этом описание системы глаголов-зоофонов.

Во-вторых, изучение глаголов-зоофонов, используемых в говорах, осложняется такими общими особенностями диалектной лексики, как семантическая диффузность [Коготкова1979: 17], возможность создания окказиональных единиц вследствие стремления наиболее точно выразить смысл в рамках конкретной речевой ситуации [Оссовецкий 1982: 65–66] и т.д. Материалы картотеки ЛАРНГ в ряде случаев могут отражать окказиональное употребление глаголов-зоофонов. Поэтому при описании семантики мы не учитывали глаголы, зафиксированные в синонимическом ряду один или два раза (если эти слова не являются фонематическими вариантами более частотных лексем).

Для диалектной лексики характерно широкое формальное варьирование (как в рамках одного говора, так и в рамках диалектного языка). Согласно данным словарей некоторые менее распространённые фонематические варианты имеют меньшее количество значений, чем более распространённые. Возникает вопрос, действительно ли это так или для менее частотных фонематических вариантов была зафиксирована не вся система значений. Если считать, что они имеют меньшее количество значений, то насколько правомерно рассматривать подобное явление как фонематическое варьирование одного слова? Эти вопросы требуют отдельного теоретического рассмотрения в рамках диалектной вариантологии.

В-третьих, в региональных словарях, к которым мы постоянно обращаемся при семантическом анализе лексики, глаголы-зоофоны представлены неполно, а их значения часто толкуются непоследовательно. Глаголы-зоофоны находятся на периферии лексической системы языка, относительно редко употребляются в речи, поэтому существует вероятность неточной записи значений, неточного определения круга живых существ, к которым могут относиться эти слова.

Несмотря на возникающие методологические сложности, возможно описать ряд семантических черт глаголов-зоофонов в русских говорах. В первую очередь нас интересуют вопросы, связанные с объёмом семантики и видоспецифичностью глаголов, важные при отборе лексики для составляемых карт.

1. Глаголы-зоофоны в говорах, как и в литературном языке (см. подробнее: [Ивлиева 2008: 38]), могут иметь разный семантический объём: быть видоспецифичными (использоваться в отношении одного-двух живых существ) или иметь широкую семантику. В первом случае в семантике глагола основной является субъектная сема (сема принадлежности вокализации определённому живому существу), а во втором – значительную роль играют семы характера звука (о типах сем в глаголах-зоофонах и в глаголах звучания в целом см. подробнее: [Алиева 1997; Курашкина 2007]).

В наших материалах самую широкую семантику имеет лексема *крича́ть*; ср.: *крича́ть*‘ издавать громкие звуки (о животных, птицах)’[МАС 2: 131].Она встретилась в большей части синонимических рядов: о граче – 134 (здесь и далее цифры обозначают количество фиксаций в картотеке ЛАРНГ), о журавле – 51, о лосе – 44, о петухе – 24,о сороке – 20, о медведе – 7,о синице – 5, о тетереве – 4, о гусе – 4, о курице – 4,о жаворонке – 3.Широкую семантику имеет и лексема *петь*, употребляемая преимущественно по отношению к птицам (ср.: *петь* ‘издавать свист, щелканье и другие характерные звуки (о певчих и некоторых других птицах)’[МАС 3:117]): о жаворонке – 293, о петухе – 117, о синице – 32, о волке – 3, о журавле – 3, о курице – 3.

Остальные глаголы широкой семантики встречаются в меньшем количестве синонимических рядов. При этом семы характера звука в семантической структуре глаголов соотносятся с особенностями вокализаций животных и птиц.

Так, например, у волка преимущественно громкие, протяжные, низкие вокализации; не случайно для обозначения волчьего воя используются слова *гуде́ть* (*гуда́ть*), *стона́ть*, *рыча́ть* (ср.: *гуде́ть* ‘издавать длительный протяжный низкий звук, гул’ [МАС 1: 355], ‘плакать навзрыд, рыдать’, ‘выть, завывать’ [СРНГ 7: 201]; *стон* ‘протяжный жалобный звук, издаваемый человеком от боли или при сильном горе’ [МАС 4: 274], в СРНГ у глагола *стона́ть* отмечено значение ‘жалобно выть (о волке)’ [СРНГ41: 228]; *рыча́ть* ‘издавать громкие, низкого тона, угрожающие звуки (о животном)’ [МАС3: 747], ‘издавать звуки (о животных, птицах и т.п.)’ [СРНГ 35:23–324]).

В глаголах-зоофонах широкой семантики на первый план могут выходить семы ‘звонко, тонко’ (*звене́ть*: о жаворонке – 23, о синице – 6; *пища́ть*: о синице – 48, о жаворонке – 6, о гусе – 4, о граче – 3; *свисте́ть*: о синице – 23,о жаворонке – 17, др.), ‘громко, резко’ (*треща́ть*: о сороке – 168; о жаворонке – 5; *стрекота́ть*: о сороке – 535, о жаворонке – 3, о синице – 3, др.), ‘негромко, тонко’ (*чири́кать*: о жаворонке – 232, о синице – 97, о сороке – 6; *те́нькать*: о синице – 323, др.), ‘громко, низко, протяжно’ (*стона́ть*: о лосе – 14, о волке – 12; *гуде́ть*: о волке – 12, о лосе – 12; *труби́ть* / *трубе́ть*: о лосе – 461; *реве́ть*: о медведе – 562, о лосе – 129,о волке – 33;др.),‘громко, низко’ (*рыча́ть*: о медведе – 125, о лосе – 10,о волке – 6; *ря́вкать*: о медведе – 108, о лосе – 3), ‘негромко, низко’ (*урча́ть* / *у́ркать*: о медведе – 164, о волке – 3).

К видоспецифичным глаголам в наших материалах, по данным словарей, относятся лексемы *во́я́ть* (обычно о волке, собаке [СРНГ 5: 169; АОС 5: 132]), *выть* (обычно о волке, собаке [МАС 1: 288; ПОС 5: 109]), *грать* (обычно о грачах [СРНГ 7: 117]), *гра́кать* (обычно о воронах, грачах [СРНГ 7: 110; СРГК 1: 387]), *гра́ять* (обычно о воронах, галках, грачах [СРНГ 7: 119; АОС 10: 129; ЯОС 3: 105]), *кво́кать* (о курице [СРНГ 13: 171]), *кукаре́кать* (о петухе [МАС 2: 146]), *куку́кать* (о кукушке) [СРНГ 16: 45], *кукова́ть*(о кукушке [МАС 2: 146])и др.

В ряде случаев на основании имеющихся данных сложно определить, насколько широкой является семантика глагола. Например, глагол *кага́кать* двадцать два раза зафиксирован в картотеке вопроса «Издавать звуки, характерные для гуся» и только один раз в картотеке вопроса «Издавать звуки, характерные для курицы». Однако в СРНГ при основном значении ‘издавать звуки, кричать (о гусях)’ отмечается, что глагол *кага́кать* может употребляться вообще по отношению ко всякой домашней птице [СРНГ 12: 296]). Это сразу делает семантические границы слова менее определёнными. Кроме того, глаголы-зоофоны обладают значительной способностью к образованию новых значений (см. подробнее: [Алиева 1997]), которая усиливается благодаря семантической диффузности лексики говоров.

2. Вокализации одного и того же живого существа могут обозначаться словами разного семантического объёма. Это наблюдается не только в рамках синонимического ряда глаголов в целом, но и в отдельных пунктах сетки обследования.

Если в синонимическом ряду есть видоспецифичные глаголы, употребление слов широкой семантики в большинстве случаев, очевидно, является ситуативным. Оно обусловлено возможностью использовать тот или иной глагол широкой семантики для обозначения вокализаций, соотносимых с набором сем в его значении.

Для обозначения вокализаций некоторых животных и птиц видоспецифичные глаголы не используются или не используются вообще. В этом случае синонимический ряд составляют лексемы широкой семантики, часть из которых можно считать узуально закреплёнными (об этом свидетельствует большое количество их фиксаций и распространённость в говорах).

Во-первых, видоспецифичные глаголы не используются для обозначения звуков, которые издают певчие птицы (жаворонок, синица); это наблюдается и в литературном языке (см. подробнее: [Курашкина 2009: 807; Ивлиева 2008: 38–39]).Так, по отношению к жаворонку употребляются глаголы *заливáться*, *заливáть*, *чири́кать*, *тре́лить* и т.п. Применительно к синице говорят *се́нькать*, *си́нькать*, *те́нькать*, *чири́кать*, *щебета́ть* и т.п.

Во-вторых, нет видоспецифичных глаголов касаемо обозначений звуков, издаваемых медведем: *реве́ть*, *ря́вкать*, *рыча́ть*, *ры́кать*, *урча́ть*, *у́ркать*, *ворча́ть*, *мерявкать*и др.

В-третьих, глаголы широкой семантики составляют бо́льшую часть материала в картотеке вопроса «Издавать звуки, характерные для сороки»: *трещáть*, *стрекотáть* (и фонематические варианты этого глагола), *кричáть* и др. Однако в этом синонимическом ряду есть и видоспецифичная лексема *сокота́ть*(*сокота́ть* ‘стрекотать (о сороке)’[СРНГ39: 248]).

Подобные случаи позволяют говорить о том, что иногда для обозначения вокализаций того или иного живого существа узуально закрепляются глаголы широкой семантики.

3. Обычно в говорах различается денотативный объём глаголов, употребляемых по отноше-

нию к домашним и к диким существам (на это обратила внимание Е. П. Андреева [Андреева 2008]). Для обозначения вокализаций домашних животных и птиц, как правило, существуют специальные видоспецифичные глаголы: *кудáхтать*, *кокодáкать*, *клоктáть* – о курице; *кукарекать*, *кикирúкать* – о петухе; *мычáть* – о корове; *ржать* – о лошади и т.д.

Для обозначения вокализаций многих диких животных и птиц отсутствуют специальные глаголы. В этом случае для выражения соответствующих значений диалектоносители используют или глаголы широкой семантики (см. выше), или видоспецифичные глаголы, чаще соотносимые с домашними животными и птицами (ср.: [Андреева 2008: 59]), или видоспецифичные глаголы, относящиеся к нескольким сходным диким существам.

При обозначении голоса дикого животного путём сопоставления с голосом домашнего животного в выборе глагола отражается не только сходство вокализаций, но и существование параллелей между образами животных в традиционной народной культуре.

Так, большая часть глаголов, используемых для обозначения издаваемых волком звуков, обозначает и вокализации собаки: *лáять*, *скулúть*, *выть*, и этимологически родственные ему *вóять* (*вýять*, *выять*) и *вóить* (*вýить*). Ср.: *выть* ‘издавать вой, т.е. продолжительный, протяжный стон собаки, волка и некоторых других животных’ [МАС 1: 288]). Это не случайно: волк в народной культуре чаще всего сопоставляется с собакой [Гура 1997: 122–159].

В синонимическом ряду глаголов, обозначающих голос лося, частотным является слово *мычáть* (89; единично *мýкать*). Оно свидетельствует о возникновении в сознании диалектоносителей аналогии между вокализацией данного животного и голосом коровы (быка). Это подтверждают контексты: *Лоси, как быки в деревне,* ***мычат*** (Ленинградская обл., Волховский р-н); ***Мычат*** *лоси, они как коровы* (Нижегородская обл., Княгининский р-н).

Следует отметить также, что материалы к картам глаголов, обозначающих процесс вокализации лисы и дикого кабана, в пробном выпуске ЛАРНГ (составитель – Т. И. Вендина) показывают, что параллели возникают между образами лисы и собаки (*брехáть*, *тя́вкать*, *лáять*, *гáвкать* / *гáмкать*), кабана и домашней свиньи (*рéхать*, *хрю́кать* / *хрýкать* и т.д.) [Пробный выпуск 2004]. Последние три параллели занимают значительно меньшее место в культуре, чем первая (волк – собака): образы лисы и лося слабо отражены в славянских мифологических представлениях [Гура 1997: 122]; то же самое, видимо, можно сказать и о диком кабане.

Отсутствие специальных глаголов может быть связано с тем, что для диалектоносителей незначимо различение некоторых сходных между собой видов живых существ. В наших материалах это отражает синонимический ряд «Издавать звуки, характерные для грача». Глаголы, зафиксированные в нём, могут употребляться применительно к вороне (*гáркать* [СРНГ 6: 140–141], *грáять* [МАС 1: 345], *грáкать* [СРНГ 7: 110], *кáркать* [МАС 2: 34] и др.), галке (*грáять* [СГРС 3: 123]), сороке (*грáять* [СРГК 1: 389]), гусю (*гáркать* [СРНГ 6: 140–141], *кáркать* [ЯОС 5: 21] и др.), утке (*крáкать* [СРНГ 15: 165]), курице (*кáркать* [ЯОС 5: 21]). Более того, обозначение крика грача часто вторично по отношению к обозначению крика вороны, сходной с грачом, но занимающей бóльшее место в народном сознании.

Для обозначения голосов диких животных нам не встретились специальные видоспецифичные глаголы, не имеющие параллелей среди обозначений вокализаций домашних животных. Однако существуют специальные глаголы для обозначения звуков, которые издают птицы, представляющие промысловую ценность или иным образом часто попадающие в поле зрения человека [Андреева 2008: 56]: *чувы́кать*, *чувы́шкать* – о тетереве (промысловая птица), *сокотáть* – о сороке, *кукýкать*, *куковáть* – о кукушке, *курлы́кать* – о журавле(образы сороки, кукушки, журавля занимают значительное место в системе традиционных мифологических представлений о животных, см.: [Гура 1997: 556–709]) и т.д.

Таким образом, особенности семантики глаголов-зоофонов во многом определяются местом, которое занимает животное или птица в жизни человека и в традиционной культуре. Специальные видоспецифичные глаголы обычно используются для обозначения вокализаций домашних животных и птиц, а также диких птиц, представляющих хозяйственную ценность или играющих значительную роль в традиционной народной культуре (тетерев, сорока, кукушка, журавль). Исключение составляют глаголы, обозначающие пение жаворонка. Образ этой птицы важен в традиционной культуре [там же: 633–639], однако для обозначения вокализаций жаворонка практически не используются видоспецифичные глаголы. Видимо, это связано с тем, что в отношении певчих птиц обычно используются глаголы широкой семантики (см. выше).

4. В некоторых случаях слова, обозначающие вокализации одного и того же живого существа, имеют разные акустические денотаты. Это свя-

зано с тем, что звуки, издаваемые любым животным / птицей, разнообразны. Они различаются в зависимости от ситуации (сигналы тревоги, вокализации в брачный период и т.д.), пола и возраста животных, конкретной популяции. Особенно разнообразны вокализации певчих птиц.

Анализ материала показывает, что в некоторых синонимических рядах бóльшая часть глаголов-зоофонов имеет один акустический денотат, т.е. соотносится с одним из видов вокализаций, наиболее часто попадающим в поле внимания людей (вокализации самца лося в брачный период, перекличка журавлей во время перелёта, брачные вокализации самца кукушки, гоготание гуся, громкий резкий крик сорок и грачей). В таких рядах глаголы, обозначающие другие вокализации, являются немногочисленными и ситуативными. Так, например, в картотеке вопроса «Издавать громкие, характерные для лося звуки» встретилось несколько слов ситуативного характера со значением ‘с шумом выпускать из ноздрей воздух’: *фы́ркать*, *фырча́ть*, *фы́рскать*, *храпе́ть* и др.; большая часть этих лексем зафиксирована единично.

Однако в некоторых синонимических рядах существование семантической дифференциации глаголов в зависимости от акустического денотата прослеживается на большом количестве материала. В этих случаях для человека по тем или иным причинам оказывается значимым различение вокализаций животного или птицы.

Ситуативное варьирование вокализаций отражается в семантике глаголов, обозначающих звуки, издаваемые медведем, тетеревом, курицей. Так, взрослый медведь имеет два основных типа вокализаций (ворчание и рёв), в соответствии с чем существуют, с одной стороны, глаголы *урча́ть*, *у́ркать*, *ворча́ть*, а с другой стороны, глаголы *реве́ть*, *рыча́ть*, *ры́кать*, *ря́вкать*, *меря́вкать*. Среди вокализаций полевого тетерева в центр внимания человека попадают песни самцов во время брачного ритуала – токования. Большей частью брачная песня состоит из булькающих звуков, но в моменты наивысшего возбуждения тетерев издаёт звук типа «чуффффы» [Потапов 1985: 193–203]. Поэтому в диалектах могут употребляться две группы слов: 1) глаголы, акустически сходные с *бормота́ть* (*болмота́ть*, *болбота́ть*, *гуркова́ть*, *гу́ркать*и др.); 2) слова типа *чуфы́кать* (*чувы́кать*, *чувы́шкать*, *чуфы́ркать* и др.). Среди глаголов, называющих вокализации курицы, основную оппозицию оставляют слова, обозначающие звуки, издаваемые при несении яйца, и слова, обозначающие звуки, издаваемые птицей, которая высиживает яйца или ходит с цыплятами. Первое значение в говорах чаще всего выражают глаголы типа *куда́хтать* (*куда́ктать*, *кутыка́ть*, *куда́кать*, *куда́чить*, *кутака́чить*, *кудкуда́кать* и др.), а также слова *кокота́ть* и *ро́ститься*. Второе значение чаще присуще глаголам *кло́хта́ть*, *кво́хта́ть* и однокоренным с ними лексемам (*кво́кта́ть*, *кло́кать*, *клу́кать*, *квы́кать*, *кво́кать* и др.). Нередко, однако, глаголы смешиваются и употребляются безотносительно к типу вокализации.

Варьирование вокализаций в зависимости от пола животного представлено, в первую очередь, глаголами, обозначающими вокализации самцов и самок кур. В народном сознании чётко противопоставлены женские и мужские особи кур, что обусловлено их значительным внешним, поведенческим и голосовым различием. Противопоставление проявляется в существовании разных слов для самца (*пету́х*, *ко́чет* и др.) и самки (*ку́рица*, *кво́чка* и др.), а также для обозначения их вокализаций (*куда́хтать*, *кокота́ть* – *кукаре́кать*). В ЛАРНГ глаголам-зоофонам, обозначающим вокализации курицы и петуха, посвящены разные вопросы.

Таким образом, в некоторых случаях в одном и том же синонимическом ряду оказываются слова, имеющие разные акустические денотаты. Подобные лексемы могут употребляться в одном пункте сетки обследования.

Существование акустических различий в денотатах, как правило, невозможно последовательно проследить в синонимическом ряду, содержащемся в картотеке ЛАРНГ. Это обусловлено как формулировками вопросов программы ЛАРНГ, так и толкованиями значений глаголов-зоофонов в региональных словарях: ни то ни другое не предполагает отражение семантической дифференциации слов.

Таким образом, система глаголов-зоофонов в русских говорах характеризуется большой сложностью. В отношении одного и того же животного или птицы могут использоваться слова разного семантического объёма. Это связано с существованием глаголов узкой и широкой семантики, а также с отражением в лексике полового и возрастного варьирования звуков, издаваемых тем или иным видом живых существ. Синонимические ряды глаголов-зоофонов можно разделить на ряды с преобладанием видоспецифичных глаголов и ряды, в которых большую часть составляют глаголы широкой семантики; среди первых особую группу составляют те обозначения звуков диких существ, которые являются вторичными по отношению к обозначениям звуков домашних животных и птиц.

Список литературы

Азарх Ю. С. О сводных картах слов одной лексико-семантической группы (на материале русских диалектных глаголов, обозначающих крики животных) // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. 1972. М.: Наука, 1974. С. 104–139.

Алиева С. А. Функционально-семантический анализ звукоподражательной лексики в современном русском языке: дисс. … канд. филол. наук. Махачкала, 1997. 216 с.

Андреева Е. П. Фонетически мотивированные слова в вологодских говорах (на материале лексики природы) // Говоры Вологодского края: Аспекты изучения. Вологда: Легия, 2008. С. 46–59.

АОС – Архангельский областной словарь. М.: Изд-во МГУ; Наука, 1980–2010. Вып. 1–13.

Васильев Л. М. Семантика русского глагола: Глаголы речи, звучания, поведения. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1981. 72 с.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Ивлиева И. В. Русские глагольные модификации: Опыт составления словаря. М.: ООО «ЭЛПИС», 2008. 275 с.

Карунц Р. Г. Семантическая структура глаголов звучания в современном русском языке: дисс. … канд. филол. наук. М., 1975.

Карпухин С. А. Звукоподражательные слова в русском языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Куйбышев, 1979. 19 с.

Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. М.: Наука, 1979. 335 с.

Курашкина Н. А. Звукообозначения как репрезентация звукосферы в языке (на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов): дисс. … канд. филол. наук. Уфа, 2007. 194 с.

Курашкина Н. А. Особенности языкового отражения вокализации птиц (на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов) // Вестник Башкир. ун-та, 2009. Т. 14, №3. С. 806–808.

ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск. СПб.: Наука, 2004. 304 с.; 36 карт.

Осовецкий А. И. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 198 с.

Потапов Р. Л. Отряд курообразные (Galliformes). Отряд тетеревинообразные (Tetraonidae). Л.: Наука, 1985. 638 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда: ВГПИ; ВГПУ, 1983–2006. Вып. 1–12.

СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь: Книжный мир, 2000. Т. 1–2.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., СПб.: Наука, 1965–2013. Вып. 1–44.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1988. Т. 1–7.

МАС – Словарь современного русского литературного языка. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1–4.

Третьякова В. С. Звукоподражательные глаголы в русском языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 1985. 25 с.

Шляхова С. С. Типы и функции ономатопов в русской речи: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л., 1991. 24 с.

References

Azarkh Ju.S. O svodnykh kartakh slov odnoj leksiko-semanticheskoj gruppy (na materiale russkikh dialektnykh glagolov, oboznachajushhikh kriki zhivotnykh) [On integral maps of a lexico-semantic group (based on the material of the Russian dialect verbs denoting animal voices)]. Obshheslavjanskij lingvisticheskij atlas: Materialy i issledovanija. 1972 [All-Slavic linguistic atlas: Materials and researches. 1972]. Moscow: Nauka, 1974. P. 104–139.

Alieva S.A. Funkcional'no-semanticheskij analiz zvukopodrazhatel'noj leksiki v sovremennom russkom jazyke. Diss. kand. fil. nauk [The functional and semantic analysis of onomatopoeic lexicon of modern Russian. Cand. philol. sci. Diss.]. Makhachkala, 1997. 216 p.

Andreeva E.P. Foneticheski motivirovannye slova v vologodskikh govorakh (na materiale leksiki prirody) [Phonetically motivated words in the Vologda dialects (based on the material of vocabulary related to nature)]. Govory Vologodskogo kraja: Aspekty izuchenija [Dialects of the Vologda region: aspects of studying]. Vologda: Legija, 2008. P. 46–59.

AOS – Arhangel'skij oblastnoj slovar' [Arkhangelsk regional dictionary]. Moscow: Nauka, 1980–2010. Iss. 1–13.

Gura A.V. Simvolika zhivotnykh v slavjanskoj narodnoj tradicii [Symbolics of animals in Slavic national tradition]. Moscow: Indrik, 1997. 912 p.

Ivlieva I.V. Russkie glagol'nye modifikacii: Opyt sostavlenija slovarja [Russian verbs' modifications: Experience of compiling a dictionary]. Moscow: OOO «EhLPIS», 2008. 275 p.

Karpukhin S.A. Zvukopodrazhatel'nye slova v russkom jazyke. Avtoreferat diss. kand. fil. nauk [Imitative words in the Russian language. Synopsis of Cand. philol. sci. Diss.]. Kujbyshev, 1979. 19 p.

Karunc R.G. Semanticheskaja struktura glagolov zvuchanija v sovremennom russkom jazyke [Seman-

tic structure of the verbs of sounding in modern Russian]. Moscow, 1975.

Kogotkova T.S. Russkaja dialektnaja leksikologija [Russian dialect lexicology]. Moscow: Nauka, 1979. 335 p.

Kurashkina N.A. Osobennosti jazykovogo otrazhenija vokalizacii ptic (na materiale anglijskikh, francuzskikh i russkikh antropo- i ornitofonov) [Peculiarities of language reflection of birds' vocalizations (based on the material of English, French and Russian anthropophones and ornithophones)]. Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bashkir University Herald]. 2009. Vol. 14. Iss. 3. P. 806–808.

Kurashkina N.A. Zvukooboznachenija kak reprezentacija zvukosfery v jazyke (na materiale anglijskih, francuzskikh i russkikh antropo- i ornitofonov). Diss. kand. fil. nauk [Sound designations as representation of the sound sphere in the language (based on the material of English, French and Russian anthropophones and ornithophones). Cand. philol. sci. Diss.]. Ufa, 2007. 194 p.

LARNG – Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov: Probnyj vypusk [Lexical atlas of Russian folk dialects]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2004. 304 p.

MAS – Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow: Russkij Jazyk Publ., 1985–1988. Vol. 1–4.

Osoveckij A.I. Leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov [Lexicon of modern Russian folk dialects]. Moscow: Nauka, 1982. 198 p.

Potapov R.L. Otrjad kuroobraznye (Galliformes). Otrjad teterevinoobraznye (Tetraonidae) [Galliformes. Tetraonidae]. Leningrad: Nauka Publ., 1985. 638 p.

Shljahova S.S. Tipy i funkcii onomatopov v russkoj rechi. Avtoreferat diss. kand. fil. nauk [Types and functions of onomatopa in the Russian speech. Synopsis of cand philol. sci. Diss.]. Leningrad, 1991. 24 p.

SPG – Slovar' permskikh govorov [Dictionary of Permic dialects]. Perm: Knizhnyj mir Publ., 2000. Vol. 1–2.

SRGSU – Slovar' russkikh govorov Srednego Urala [Dictionary of Russian dialects of the Central Urals]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhn. izd-vo; Ural Univ. Publ. Vol. 1–7.

SRNG – Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1965–2010. Vol. 1–44.

SVG – Slovar' vologodskikh govorov [Dictionary of Vologda dialects]. Vologda: Vol. St. Ped. Inst.; Vol. St. Ped. Univ., 1983–2007. Vol. 1–12.

Tret'jakova V.S. Zvukopodrazhatel'nye glagoly v russkom jazyke. Avtoreferat diss. kand. fil. nauk [Onomatopoeic verbs in the Russian Language. Synopsis of cand. philol. sci. Diss.]. Moscow, 1985. 25 p.

Vasil'ev L.M. Semantika russkogo glagola: glagoly rechi, zvuchanija, povedenija [Semantics of the Russian verb: verbs of speech, sounding, behavior]. Ufa: Bashkir St. Univ. Publ., 1981. 72 p.

SEMANTIC FEATURES OF RUSSIAN DIALECT VERBS DENOTING ANIMAL AND BIRD VOICES (BASED ON «LEXICAL ATLAS OF RUSSIAN FOLK DIALECTS»)

Svetlana A. Ganicheva
Postgraduate Student in the Department of Russian Language, Journalism and Communication Theory
Vologda State University

The article is devoted to the semantics of Russian dialect verbs denoting animal and bird voices, in particular, methodological aspect of semantic description of lexical units included in «Atlas of Russian Folk Dialects». The author analyzes the differences in the semantic volume of such verbs distinguishing two types of synonymic rows: 1) rows consisting mainly of verbs with broad semantics (e.g. verbs denoting the songbird, magpie and bear voices); 2) rows of verbs with mainly narrow semantics, referring to specific species (e.g. the wolf, elk, cuckoo, goose, black grouse, crane). In addition, the cases in which there are no special verbs for the designation of some wild animal and bird voices are described (in such cases, the meanings are expressed by verbs of broad semantics or verbs which usually refer to pets or poultry). Finally, the author deals with the gender- and situation-related semantic differentiation of verbs denoting the voices of the same type of living beings.

Key words: verbs denoting animal and bird voices; semantics; Russian dialects; «Lexical Atlas of Russian Folk Dialects».

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК 81

О ВОСПРИЯТИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ВЕРБАЛЬНЫХ ХЕЗИТАТИВОВ НОСИТЕЛЯМИ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ[1]

Наталья Георгиевна Кутруева
студентка 2 курса магистратуры (направление «Русский язык»)
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. kytrysha@mail.ru

Настоящая статья продолжает серию исследований, посвященных вербальному заполнению хезитационных пауз в русской устной спонтанной речи, конечной целью которых является создание специального *словаря вербальных хезитативов*. В разговорной речи существует довольно большой пласт единиц, не зафиксированных в традиционных словарях и грамматиках. Одной из ярких особенностей спонтанной речи, которая обдумывается и порождается в одно и то же время, являются разного рода хезитационные элементы, в том числе и целые хезитационные конструкции, в которых вербализуются колебания говорящего в выборе речевых средств. Такие элементы, как показал анализ корпусного материала, весьма разнообразны – *(не) это самое, (я) не знаю, (я) (не) думаю (что), в (на) самом деле, короче (говоря), собственно (говоря)* и под. – и легко поддаются систематизации с точки зрения функций, выполняемых ими в спонтанной речи. Такие единицы в дальнейшем мы будем называть дискурсивными. В состав дискурсивных единиц входят неречевые (*э-э, м-м, а-а*), условно-речевые хезитативы (*вот, ну, типа*) и вербализованные хезитационные конструкции. Конкретным объектом исследования стала «лексикализованная конструкция с местоименным компонентом» (В. И. Подлесская) *как его (ее, их)*. Статья посвящена восприятию носителями немецкого и английского языков исследуемой конструкции спонтанной русской речи и специфике ее перевода с русского на родной язык иностранцев.

Ключевые слова: устная спонтанная речь; пауза хезитации; хезитационная конструкция; вербальный хезитатив; звуковой корпус.

Проблемы восприятия русской устной спонтанной речи иноязычной аудиторией требуют серьезного изучения. Зачастую студенты, понимающие русскую речь и хорошо говорящие по-русски в университетской аудитории, теряются в условиях естественной коммуникации. И часто их коммуникативные неудачи обусловлены не недостаточным запасом лексики или незнанием русской грамматики, а неумением ориентироваться в естественной речевой стихии, в обилии присущих спонтанной речи особенностей, таких как разного рода речевые ошибки, самоперебивы, самокоррекция, хезитации и т.п. [Звуковой корпус ... 2013, 2014, 2015].

Одной из наиболее ярких особенностей устной спонтанной речи, которая обдумывается и порождается в одно и то же время, что создает условия временного дефицита, является наличие разного рода хезитационных элементов – показателей раздумий говорящего в процессе речепорождения, поиска им нужного слова или выражения.

Термин «пауза колебания» появился во второй половине прошлого века. Помимо этого термина в литературе встречаются и другие подобные: «пауза нерешительности», «пауза размышления», «пауза обдумывания», которые так и не получили широкого распространения [Александрова, Иваницкий 2003]. Термин «хезитация» появился благодаря транслитерации английского *hesitation* – ‘колебание’. Хезитация – это «внутренний перебив в процессе речепорождения, связанный с тем, что говорящий в силу каких-либо причин оказывается неспособным продолжать говорение» [Яковлев 1998: 176]. В зарубежном научном мире пауза колебания обычно трактуется как нежелательный, или деструктивный, компонент речи, о чем свидетельствуют следующие термины: «disruptions» (разрывы), «disturbances» (нарушения) «speech disfluences» (прерывистость речи) [Александрова 2004].

© Кутруева Н.Г., 2015

Паузы хезитации могут быть заполоненными и незаполненными. Незаполненная пауза хезитации образует перерыв в звучании. К заполненным же паузам можно отнести вокализации (*э-э, м-м, гм* и др.); затяжки звуков (*ходил в кино-о на-а выходных*); «пустые» вводные слова, выражения, местоимения, наречия, которые часто называют «словами-паразитами» или «пустыми словами» (*так сказать, значит, ну, это, вот* и др.); вставные фразы говорящего – метатекстовые комментарии, обращенные к адресату или к самому себе, обеспечивающие непрерывный контакт с собеседником (*как вы знаете, видите ли, понимаешь* и др.); непреднамеренные повторы, в том числе частичный повтор (*я хотела ла*), полный повтор слова (*он купил купил новый блокнот*) и даже повтор целого словосочетания (*это было на летних каникулах на летних каникулах в деревне*); невербальные паузы колебания – покашливания, вздохи, смех, цоканье языком; самопрерывания, в том числе рестарты – повторные начала (*общ... общение с начальником*) и фальстарты – неудачные начала (*не афиш... с глазу на глаз поговорить*); незаконченные высказывания, в которых смысл, необходимый для коммуникации, невозможно извлечь ни из контекста, ни из ситуации, ни из фоновых знаний говорящих [Белицкая 2014].

Для спонтанной речи весьма характерно, в частности, лексическое заполнение пауз хезитации разного рода единицами: словами или целыми конструкциями – *вербальными хезитативами* (ВХ). Исследователями [Кибрик, Подлесская 2009] было показано, что именно заполненные паузы являются типичным маркером хезитации.

Объектом внимания в настоящей статье является одна из таких «лексикализованных конструкций с местоименным компонентом» [Подлесская 2013: 634] – вербальный хезитатив *как его (ее, их)*, точнее – его восприятие носителями других языков и специфика его перевода с русского на родной язык иностранцев.

В рамках исследования был проведен эксперимент, в котором приняли участие 10 носителей немецкого языка и 4 носителя английского языка. Уровень их владения русским языком определялся исходя из данных, опубликованных на сайте Министерства образования и науки РФ.

Российская государственная система тестирования иностранных граждан была создана в 1995 г. и включает в себя пять уровней [Уровни владения русским языком http://www.russia.edu.ru/rus/levels/].

1. A1 ***/ элементарный уровень***. Кандидат может устанавливать и поддерживать социальные контакты в стандартных ситуациях повседневной жизни; владеет минимумом языковых средств, его словарь может достигать 900–1000 лексических единиц, в т.ч. 240 интернационализмов и около 30 единиц речевого этикета (курс обучения – не менее 60–80 аудиторных часов).

2. ***A2 / базовый уровень***. Достигнув этого уровня владения русским, иностранец при общении с носителями языка сможет удовлетворять коммуникативные потребности в необходимых случаях, но в ограниченном числе предсказуемых ситуаций. Ситуации общения на данном уровне связаны с бытовой, социально-культурной и учебной сферами. При этом набор языковых средств, обеспечивающих общение в данных сферах, строго ограничен коммуникативными потребностями данного уровня. Предполагается, что для достижения базового уровня владения русским языком требуется 160–180 учебных часов. При этом объем лексического минимума должен достигать 1300 единиц.

3. ***B1 / пороговый уровень.*** Владение русским языком как иностранным на этом уровне достаточно для начала обучения в российских учебных заведениях, в т.ч. высшего профессионального образования, т.е. в университетах, институтах и академиях. Кандидат может решать практические задачи в типичных ситуациях повседневной жизни (в том числе в профессиональной и учебной сферах), поддерживать социально-деловое взаимодействие. Он владеет основами русской языковой системы. Чтобы сдать экзамен этого уровня, необходимо изучать русский язык 400–480 часов.

4. ***B2 / постпороговый уровень.*** Кандидат может решать задачи социально-делового и межличностного взаимодействия, свободно понимать информацию из СМИ, пользоваться различными стилями языка. Чтобы сдать экзамен этого уровня, необходимо изучать русский язык 560–680 часов. Объем лексического минимума должен достигать уже 2300 единиц.

5. ***C1 / уровень компетентного владения.*** Кандидат может свободно решать задачи в типичных ситуациях социально-бытовой, социокультурной и профессиональной сфер общения, пользуясь средствами русского языка разных стилей речи и распознавая скрытые компоненты значений. Кандидат может говорить без подготовки в быстром темпе, не испытывая затруднений с подбором слов и выражений, и активно участвовать в полемическом общении. Гибко и эффективно использовать язык в учебе и профессиональной деятельности. Объем лексического минимума на этом уровне должен достигать 12 000 единиц, в том числе 7 000 единиц из активной части словаря.

Испытуемым предлагалось перевести отрывки, взятые из Звукового корпуса русского языка (блок «Один речевой день» – ОРД, см. о нем подробнее: [Степанова и др. 2008]), сохраняя особенности спонтанной речи[2]:

1. – *Так, ну что, это каким сделаем?*
– *Давайте просто красным?*
– *Да, вишнёвым таким вот.*
– *Ты понимаешь, прям вот таким вот вишнёвым, ты думаешь?*
– *Да!*
– *Нет, а я думаю, знаешь что? Вот этот вот дом, он… можно тоже таким, это* ***как его****, ну, как брёвна, как доски. А вот эту сторону... она будет немножко потемнее, в тени потому что.*

2. *Ну вот, я Данилевского что-то посмотрел уже, когда-то в прошлом году, наверное, она, кстати, есть в Интернете, если тебе интересно, эта монархическая, эта* ***как ее*** *государство у нас есть в Интернете.*

3. *Мне сегодня студенты что-то такое рассказали, а я и не знаю, врут они мне вообще или это действительно произошло, на самом деле? Так а что, умер этот* ***как его*** *Игорь Моисеев*?

Носители английского и немецкого языков дали следующие варианты перевода предложенных фрагментов – рассмотрим их последовательно. В статье приведены переводы не всех фрагментов, а только интересующих нас конструкций.

Переводы носителей английского языка

- И1: пол – мужской, возраст – 23 года, уровень – C1

1. ***What's it called****, like logs or a board – как это называется.*

2.*...that monarchy state thing or* ***whatever*** – английский аналог вербального хезитатива.

3. ***what's his name****, Igor Moiseev – как его зовут.*

- И2: пол – мужской, возраст – 21 год, уровень – C1

1. ***It's like it, well*** *like logs or planks* – английский аналог вербального хезитатива.

2. *...it's monarchic like the government* – испытуемый переводит конструкцию дословно.

3. *It's said that Igor Moicev died – Говорят, Игорь Моисеев. умер*. Испытуемый вообще не переводит вербальный хезитатив.

- И3: пол – женский, возраст – 30 лет, уровень – C1

1. ***Something like*** *with those logs – что-то типа*.

2. Испытуемый не перевел предложение.

3. *It maybe that what's his name, Igor Moiseev – как его зовут.*

- И4: пол – женский, возраст – 68 лет, уровень – C1

1. ***like that****, see like the logs – как эти*.

2. *this monarchic – эту монархическую*. Испытуемый переводит только указательное местоимение.

3. *that this one died like Igor Moiseev* – Испытуемый неверно понял предложение (*кто-то умер как Игорь Моисеев*).

Все испытуемые указали для себя один и тот же уровень владения русским языком (C1), поэтому установить корреляцию этого параметра с особенностями восприятия и перевода русских речевых оборотов не представляется возможным.

Из-за разнообразия вариантов перевода исследуемой конструкции дадим каждому предложению отдельную количественную характеристику в рассматриваемом отношении (см. рис. 1–3).

Рис. 1. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на английский язык; предложение 1)

Из рис. 1 видно, что для данного предложения каждый испытуемый предложил свой вариант перевода конструкции *как его (ее)*. Стоит отметить, что при этом никто не опустил эту конструкцию и постарался тем или иным способом показать речевой сбой.

Со вторым предложением все носители английского языка справились хуже. Два испытуемых не предложили никакого варианта перевода исследуемой конструкции, один практически опустил ее и перевел только указательное местоимение, и только один из испытуемых подобрал аналог этой конструкции на английском языке (рис. 2).

Что касается третьего предложения, то два испытуемых перевели конструкцию как *как его зовут*, остальные двое пропустили это предложение (см. рис. 3).

Рис. 2. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на английский язык; предложение 2)

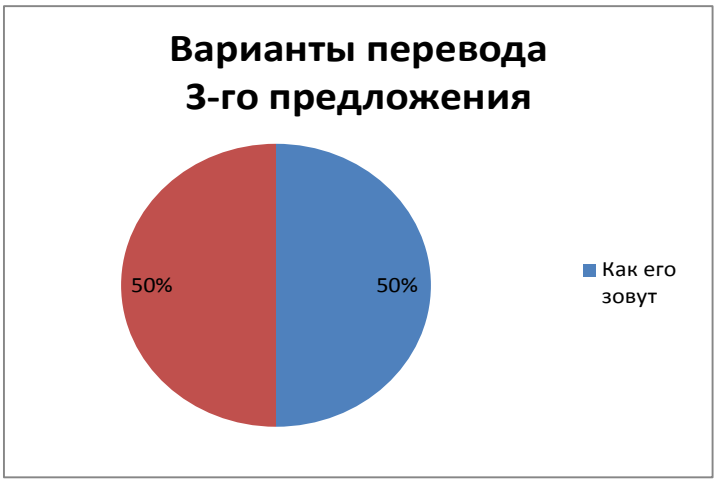

Рис. 3. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на английский язык; предложение 3)

В ОРД и в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка обнаруживаются контексты, которые можно отнести к так называемым *пограничным случаям*, по которым можно восстановить своего рода историю возникновения (реконструкцию) исследуемой в настоящей работе конструкции:

1. *да кстати а* ***как его зовут*** *// л как // *П не помню // *П забыл // *П в принципе тоже кажется что @ он просто знает *Н / кто такой* [И29, М1][3];

2. [№ 1, жен, 61] *Была одна передача / выступала председатель комиссии / где / я забыла /* ***как её там / как её фамилия / имя / отчество*** *её*

[Беседа с социологом о переписи населения, 7 (Владивосток) // Интернет, 2001].

Можно предположить, что именно из таких полных форм и могли родиться (под действием *закона экономии*) усеченные *как его (ее, их)*. В ходе эксперимента испытуемые трижды использовали варианты перевода *как его зовут* или *как это называется,* что подтверждает своего рода историю возникновения данной конструкции (см. об этом подробнее: [Богданова-Бегларян, Кутруева 2013]).

Переводы носителей немецкого языка

- И1: пол – мужской, возраст – 28, уровень – B1

1. ***es ist wie er*** *– это есть как он*. Испытуемый дословно переводит конструкцию, местоименный компонент употребляется в начальной форме.

2. ***Ist wie ihr*** *– это есть как её*. Также дословный перевод, однако местоимение стоит в форме косвенного падежа женского рода.

3. ***Wie Igor Moiseev sagt*** – Испытуемый неверно понял смысл предложения (*как говорит Игорь Моисеев*).

- И2: пол – женский, возраст – 20 лет, уровень – B1

1. ***Irgeud wie so wie*** *– какие-то такие, как*. Испытуемый не переводит конструкцию соответствующим немецким вербальным хезитативом, но пытается как-то передать замешательство говорящего.

2. ***Diese wie war das gleich*** *– эта как её там, сейчас (вспомню)*. Испытуемый переводит конструкцию, используя немецкий аналог вербального хезитатива.

3. ***Ist der Igor*** *– тот самый Игорь*. Испытуемый переводит конструкцию, используя определенный артикль *der*.

- И3: пол – мужской, возраст – 42, уровень – B1

1. ***Es ist wie ihm*** *– этот как его*. Испытуемый дословно переводит конструкцию, используя косвенную форму местоимения.

2. Испытуемый не понял предложения (*как наше государство*).

3. Испытуемый не переводит предложения.

- И4: пол – женский, возраст – 22, уровень – B1

1. ***Das wie ihm*** *– это как его*. Испытуемый дословно переводит конструкцию, употребляя форму косвенного падежа местоимения, но забывая поставить глагольную форму, обязательную для немецкого языка.

2. ***Das wie ihr*** *– это как её*. Дословный перевод с использованием косвенной формы местоимения.

3. ***Diese wie sein*** *– это как твой*. Испытуемый переводит исследуемую конструкцию притяжательным местоимением, но он либо путает формы местоимений, либо чувствует, что конструкция *как его* носит здесь особенный характер, и пытается ее передать с помощью местоимения *твой*.

- И5: пол – мужской, возраст – 23, уровень – B1

1. ***Das wie sagt man, wie*** *– этот есть как говорят*. Испытуемый неверно понял смысл предложения.

2. ***Diese*** *– эта*. Испытуемый переводит только указательное местоимение.

3. ***Dieser*** *– этот*. Испытуемый переводит только указательное местоимение.

- И6: пол – женский, возраст – 22, уровень – B1

1. ***Wie dann das*** *– как это*. Испытуемый переводит немецким аналогом конструкции как ее.

2. ***Wie Ihre*** *– как её*. Дословный перевод.

3. Испытуемый не перевел предложения.

- И7: пол – женский, возраст – 22, уровень – B1

1. ***Das sind wie seine*** *– эти есть как твои, такие же как доски*.

2. Испытуемый не перевел предложения.

3. Испытуемый не перевел предложения.

- И8: пол – женский, возраст – 34 , уровень – B1

1. Испытуемый не перевел предложения.

2. Испытуемый не перевел предложения.

3. ***Wie heib er noch mal*** *– как его там зовут*.

- И9: пол – женский, возраст – 20, уровень – B1

1.***Genau die se ben*** *– точно такие как бревна, точно такие же как доски.*

2. Испытуемый не перевел предложения.

3. Испытуемый не перевел предложения.

- И10: пол – женский, возраст – 23, уровень – B1

1 ***Also wie*** *– ну как его. Аналог вербального хезитатива*.

2. Испытуемый не перевел предложения.

3. *Heib er noch mal* *– как его зовут*.

Все носители немецкого языка также указали один уровень владения русским языком (B1), но он ниже того, что указали носители английского языка (C1). В настоящей работе мы постараемся проследить, влияет ли уровень владения языком на восприятие русской спонтанной речи. На рисунках ниже показано соотношение тех вариан-

тов перевода исследуемой конструкции, которые избрали немецкие испытуемые.

В случае с первым предложением пять из десяти испытуемых неверно перевели исследуемую конструкцию, при этом три из пяти перевели ее дословно, полученное в результате предложение не несет никакой смысловой нагрузки. Однако еще пять испытуемых либо перевели *как его* с использованием немецкого аналога вербального хезитатива, либо постарались каким-то иным способом передать поиск говорящим подходящего слова (см. рис. 4).

Второе предложение, так же как в случае с испытуемыми, владеющими английским языком, для носителей немецкого языка оказалось сложным для перевода. Всего один испытуемый перевел *как её* аналогом вербального хезитатива. Остальные либо переводили дословно, либо не переводили вообще, а один испытуемый перевел только указательное местоимение, но опустил сам вербальный хезитатив (см. рис. 5).

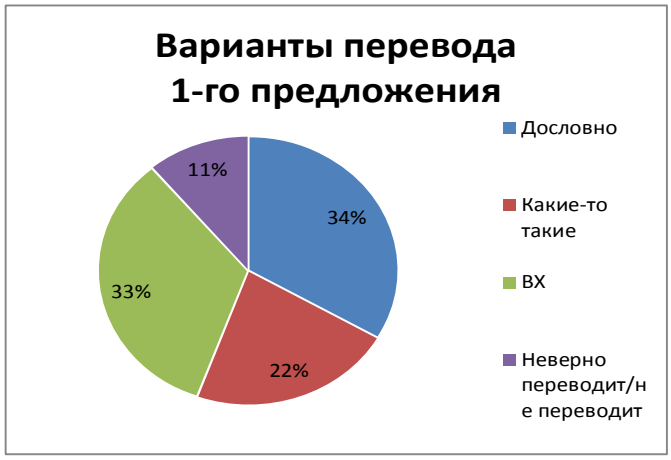

Рис. 4. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на немецкий язык; предложение 1)

Рис. 5. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на немецкий язык; предложение 2)

Рис. 6. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на немецкий язык; предложение 3)

В переводах третьего предложения носителями немецкого языка дважды представлен вариант *как его зовут*, еще два испытуемых предложили вариант перевода *тот самый / твой*, т.е. перевели исследуемую конструкцию не аналогом ВХ, но стараясь подчеркнуть поиск говорящим подходящего слова. Но большинство испытуемых с немецким языком просто не перевели предложения или саму исследуемую конструкцию. Так, И5 вновь дает перевод только указательного местоимения.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что уровень владения языком определенным (и вполне ожидаемым) образом влияет на восприятие русской спонтанной речи. Так, носители английского языка, указавшие для себя более высокий уровень, показали и более высокий процент верных переводов. Носители немецкого языка оставляли больше непереведенных предложений и редко использовали в переводах аналоги ВХ. Выявить какие-то закономерности в собственно переводе исследуемой конструкции не удалось. Однако стоит отметить, что второе предложение оказалось наиболее сложным для перевода, а в третьем предложении носители как немецкого, так и английского языка использовали «пограничную конструкцию *как его зовут*».

В семи случаях (17 %) носители немецкого и английского языков дословно перевели исследуемую конструкцию, 5 раз (13 %) испытуемые перевели конструкцию *как его (её, их)* как *как зовут / как называется*, 10 раз (25 %) использовали аналог вербального хезитатива из родного языка или попытались иным образом передать замешательство говорящего, 14 раз (35 %) носители немецкого и английского языков предложения не перевели, 4 раза (10 %) перевели конструкцию соответствующим указательным местоимением.

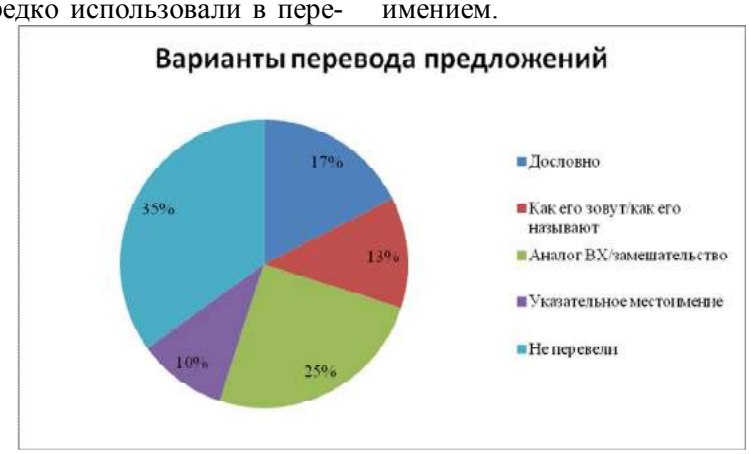

Рис. 7. Количественное соотношение избранных испытуемыми вариантов перевода исследуемой конструкции (перевод на немецкий языки на английский языки; предложение 1, 2 ,3)

Полученные данные интересно было сравнить с данными, полученными Е.Ю. Риехакайнен в перцептивном эксперименте на материале русской спонтанной речи. Испытуемым (носителям русского языка) предлагались фрагменты звучащих диалогов с заданием записать их в орфографии. Конечной целью эксперимента было проследить степень распознаваемости русских редуцированных форм, столь типичных для спонтанного речепорождения. Любопытно, что наличие в речи вербальных хезитативов и редуцированных слов практически никак не сказалось на процессе восприятия и интерпретации сообщения слушающим. Испытуемые успешно справлялись с этим заданием, но были «склонны опускать <…> повторы, неполные слова, прерываемые паузами хезитации (*абсол*…), и некоторые малозначимые дискурсивные слова (*вот*, *вроде*, *то есть*, *знаешь*, *понимаешь*)» [Риехакайнен 2010: 15]. Иными словами, всякие «мусорные» дискурсивные элементы отнюдь «не мешают носителям русского языка воспринимать звучащий текст, они легко “очищают” его от этого “мусора”, “высвобождая” смысл сказанного и не считая нужным фиксировать его в письменной форме» [Богданова 2011: 41].

Иначе дело обстоит с носителями других языков: наличие в тексте непривычных единиц, отсутствующих в традиционных словарях и грамматиках, по которым обычно изучают русский язык иностранцы, часто сбивает их с толку и затрудняет восприятие высказывания. «Спасением» может стать небольшой, но в практическом отношении очень полезный *Словарь вербальных хезитативов русской речи*, с целью создания которого и проведено это небольшое исследование (см. подробнее о проекте такого словаря: [Богданова-Бегларян 2013]).

Примечания

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

[2] Для упрощения задачи фрагменты расшифровок были представлены испытуемым в привычном орфографическом виде, со знаками препинания.

[3] Об особенностях расшифровки материалов ОРД см.: [Шерстинова и др. 2009].

Список литературы

Александрова О.А. Речекоммуникативный статус паузы колебания: дисс. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004. 208 с. (машинопись).

Александрова О.А., Иваницкий В.В. Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 25. С. 95–101.

Белицкая А.А. О роли хезитационных пауз в спонтанной речи // Филология и литературоведение. 2014. № 2. URL: http://philology.snauka.ru/2014/02/698 (дата обращения: 20.03.2015).

Богданова Н.В. Действительно ли наша устная речь экономна в средствах? // Язык и речевая деятельность. 2010-2011. Т. 10–11. [В честь Н.Д. Светозаровой]. СПб., 2011. С. 33–44.

Богданова-Бегларян Н.В. О словаре «не-слов»: возможности лексикографического описания вербальных хезитативов русской речи // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко): материалы Всеросс. науч. конф., Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена,13-15 ноября 2013 г. / отв. ред. *В.Д. Черняк*. СПб.: Сага, 2013. С. 359–364.

Богданова-Бегларян Н.В., Кутруева Н.Г. Об одном из вербальных хезитативов русской устной речи: *как его (ее, их)* в различных функциональных разновидностях // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4 (24). С. 7–18.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2013. 532 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / отв. ред. *Н.В.* Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2014. 396 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2015. 364 с.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки слав. культуры, 2009. 736 с.

Подлесская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интел-

лектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В.П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.

Риехакайнен Е.И. Взаимодействие контекстной предсказуемости и частотности в процессе восприятия спонтанной речи: на материале русского языка: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 26 с. (машинопись).

Степанова С.Б., Асиновский А.С., Богданова Н.В., Русакова М.В., Шерстинова Т.Ю. Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: Концепция и состояние формирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог-2008» / гл. ред. *А.Е. Кибик*. М.: РГГУ, 2008. С. 488–494.

Уровни владения русским языком. URL: http://www.russia.edu.ru/rus/levels/ (дата обращения: 15.03.2015).

Шерстинова Т.Ю., Рыко А.И., Степанова С.Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16-20 марта 2009 г.) / отв. ред. *П.А. Скрелин*. СПб.: Факультет филологии и искусств, 2009. С. 66–75.

Яковлев А.Е. К проблеме тождества и различия в функционировании хезитаций в устной русской речи // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 176–178.

References

Aleksandrova O.A. Rechekommunkativnyj status pauzy kolebanija: diss. … kand. filol. nauk [Function of the hesitation pause in speech: Cand. philol. sci. diss.]. Veliky Novgorod, 2004. 208 p.

Aleksandrova, O.A., Ivanickij V.V. Pauza kolebanija – kompleksnyj fenomen sovremennoj kommunikacii [The hesitation pause as a complex phenomenon of modern communication]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Novgorod State University Herald]. 2003. № 25. P. 95-101.

Belickaja A.A. O roli khezitacionnykh pauz v spontannoj rechi [On the role of hesitation pauses in spontaneous speech]. Philology and Literary Criticism. 2014. №. 2. Available at: http://philology.snauka.ru/2014/02/698 (accessed 20.03.2015).

Bogdanova N.V. Dejstvitel'no li nasha ustnaja rech' ehkonomna v sredstvakh? [Is our speech really economical with linguistic means?]. Jazyk i rechevaja dejatel'nost' [Language and speech activity. 2010-2011. Vols. 10-11]. St. Petersburg, 2011. Vols. 10-11. P. 33-44.

Bogdanova-Beglarjan N.V. O slovare "ne-slov": vozmozhnosti leksikograficheskogo opisanija verbal'nykh khezitativov russkoj rechi [On the dictionary of "non-words": the possibilities of lexicographical description of Russian verbal hesitation fillers]. Slovo. Slovar'. Slovesnost': Kommunikacija. Tekst. Sintaksis: materially Vseross. nauch. konf. [Word. Dictionary. Philology: Communication. Text. Syntax: proceedings of All-Russian scientific conference]. St. Petersburg: Saga, 2013. P. 359-364.

Bogdanova-Beglarjan N.V., Kutrueva N.G. Ob odnom iz verbal'nykh khezitativov russkoj ustnoj rechi: kak ego (ejo, ikh) v razlichnykh funkcional'nykh raznovidnostjakh [On a hesitation filler in Russian spontaneous speech]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 4(24). P. 7-18.

Jakovlev A.E. K probleme tozhdestva i razlichija v funkcionirovanii khezitacij v ustnoj russkoj rechi [On the problem of identity and differences in functioning of hesitation fillers in Russian speech]. Filologicheskie ehtjudy: sb. nauch. st. molodykh uchjonykh [Philological studies: collected scientific articles of young scholars]. Saratov: Saratov Univ. Publ. 1998. Vol. 2. P. 176-178.

Kibrik A.A., Podlesskaja V.I. (ed.) Rasskazy o snovidenijakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Stories about dreams. Corpus-based research of Russian speech discourse]. Moscow: Jazyki slav. kul'tury, 2009. 736 p.

Podlesskaja V.I. Nechjotkaja nominacija v russkoj razgovornoj rechi: opyt korpusnogo issledovania [Vague nomination in Russian speech: a case study of corpus-based research]. Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2013». Tom 1. Osnovnaja programma konferencii [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue 2013». Vol. 1. The Main Program of the Conference]. Iss. 12 (19). Moscow: RSUH Publ., 2013. P. 631-643.

Rahikainen E.I. Vzaimodejstvie kontekstnoj predskazuemosti i chastotnosti v processe vosprijatija spontannoj rechi: na materiale russkogo jazyka. Diss. … kand. filol. nauk [Interaction of contextual predictability and frequency in the process of spontaneous speech perception: a case study of the Russian language. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg., 2010. 26 p.

Sherstinova T.Ju., Ryko A.I., Stepanova S.B. Sistema annotirovanija v zvukovom korpuse russkogo jazyka "Odin rechevoj den'"[Annotating in the Russian speech corpus «One Speaker's Day»]. Formal'nye metody lingvisticheskogo analiza. Materialy Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferencii (mart, 16-20, 2009) [Formal methods of linguistic analysis. Proceedings of international philological conference (March, 16-20, 2009)]. St. Petersburg, 2009. P. 66-75.

Stepanova S.B., Asinovskij A.S., Bogdanova N.V., Rusakova M.V., Sherstinova T.Ju. Zvukovoj korpus russkogo jazyka povsednevnogo obshhenia: Koncepcia i sostojanie formatirovanja [Speech corpus of Russian everyday communication language «One Speaker's Day»: Basic conception and current state]. Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj conferencii «Dialog 2008»]. Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the international conference «Dialogue 2008». Bekasovo, 2008. P. 488–494.

Urovni vladenija russkim jazykom [Levels of the Russian language proficiency]. Available at: http://www.russia.edu.ru/rus/levels/ (accessed: 15.03.2015).

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Ch. 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Speech corpus as material for Russian speech analysis. Part 1. Reading. Retelling. Description]. / *N.V. Bogdanova-Beglarjan* (ed.). St. Petersburg: Philological Faculty of StPbSU Publ., 2013. 532 p.

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Ch. 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza [Speech corpus as material for Russian speech analysis. Part 2. Theoretical and practical aspects of analysis]. / *N.V. Bogdanova-Beglarjan* (ed.). St. Petersburg: Philological Faculty of StPbSU Publ., 2013. Vol. 1. 396 p.

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Ch. 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza [Speech corpus as material for Russian speech analysis. Part 2. Theoretical and practical aspects of analysis]. / *N.V. Bogdanova-Beglarjan* (ed.). St. Petersburg: Philological Faculty of StPbSU Publ., 2015. Vol. 2. 364 p.

ON THE PERCEPTION OF SOME RUSSIAN HESITATION FILLER WORDS BY SPEAKERS OF OTHER LANGUAGES

Natalia G. Kutrueva
Student in the Faculty of Philology
Saint Petersburg State University

This article continues a series of research works devoted to hesitation pauses filling in Russian spontaneous speech and aimed at creation of a special dictionary of verbal hesitation units. The subject of the research is the hesitation collocation *как его (ее, их)* (*kak ego (ejo, ikh)*) that basically appears in difficult speech situations and signifies that the speaker is searching for the right word/phrase to continue the speech. Problems of perception of Russian spontaneous speech by foreign language audience require serious study. Students who understand Russian speech and are good at speaking at university, often get lost in real-life communication. And their communicative failures are often connected not with insufficient vocabulary or lack of knowledge of Russian grammar, but with their inability to understand natural spontaneous speech with its peculiarities. In spontaneous speech there is a fairly large number of units that are not presented in traditional dictionaries and grammars. One of the principal features of spontaneous speech, which is thought over and produced at the same time, is hesitation units of different kind, including whole hesitation structures, in which a speaker's doubts as to what speech means to choose are verbalized. As is shown by the analysis of a speech corpus material, such elements are various and easy to systematize in terms of the functions they perform in spontaneous speech. We will call such units discourse units. Among the discourse units there are non-speech units (*э-э, м-м, а-а*), conventional speech hesitation fillers (*вот, ну, типа*) and verbalized hesitation units. In the context of our research an experiment was conducted, in which ten native German speakers and four native English speakers participated. The level of the Russian language proficiency was determined on the basis of data published on the website of the Ministry of education and science of the Russian Federation. Respondents were asked to translate extracts taken from a speech corpus of the Russian language.

Key words: spontaneous speech; hesitation pause; hesitation word; hesitation collocation; verbal hesitation unit; speech corpus.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК (811.111)

ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СОДЕРЖАНИЕ, ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА, МЕТОДЫ

Брылина Елена Александровна
старший преподаватель кафедры германской филологии
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620000, Екатеринбург, ул. Ленина 51. brulina@list.ru

Сидорова Ольга Григорьевна
д.филол.н., зав.кафедрой германской филологии
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620000, Екатеринбург, ул. Ленина 51. ogs531@mail.ru

Исследуется особая группа книг – грамматические руководства по английскому языку XVIII – начала XIX в., изданные русскими авторами. Последовательный анализ этих грамматик выявляет их структурно-тематическое единство на этапе становления и постепенные структурные трансформации в начале XIX в. Рассматривается проблема толкования термина «грамматика» в диахронном аспекте. Авторами анализируются методы подачи грамматического материала и грамматическая терминология пособий. Особое внимание уделяется изменению подходов к преподаванию иностранного языка. Делаются выводы о сужении термина «грамматика» в современном понимании и об изменении предъявления материала.

Ключевые слова: английский язык как иностранный; первые российские грамматики английского языка; термин «грамматика» в XVIII в.; грамматическая терминология; методы преподавания; практическое применение теоретических основ.

Точкой отсчета современного образования стал для России XVII в. Фундаментом послужили реформы Петра I, которые носили не только политический, но и глубоко просветительский характер.

Появление в XVIII в. большого количества иноязычных грамматических и учебных пособий на русском языке было обусловлено рядом причин политического, экономического и культурного характера [Алексеев 1944: 86–90; Сидорова 2009: 538–539]. Развитие промышленности, создание военно-морского флота и регулярной армии потребовали большого количества различных специалистов.

Первый указ Российского правительства о распространении знаний живых иностранных языков относится ещё к 15 (28) мая 1697 г. Согласно высочайшему повелению 55 детей бояр и иных чинов были направлены на обучение итальянскому языку у греков братьев Лихудов.

В 1703 г. в Петербурге была образована школа пастора Глюка, в этом же году – школа латинского, шведского и немецкого языков в Москве, где среди других предметов преподавались и живые иностранные языки. Школы с преподаванием иностранных языков открывались повсеместно (1706 г. – открытие училища в Новгороде братьями Лихудами, 1711 г. – открытие шведской школы в Тобольске).

В этот же период постепенно распространялась мода на изучение иностранных языков в семье: детям нанимали учителей, дававших уроки иностранных языков. Это явление описано у В.Н. Татищева в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» (1733).

В.Н. Татищев неоднократно указывает на необходимость изучения живых языков. По мнению А.М. Сафроновой, в первой половине XVIII в. «не было более страстного пропагандиста пользы изучения иностранных языков, чем В.Н. Татищев» [Сафронова 1999: 26].

© Брылина Е.А., Сидорова О.Г., 2015

В.Н. Татищев неоднократно бывал за границей, владел немецким, польским, шведским и латинским языками, был хорошо знаком с литературой и культурой Запада. В «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» он обосновал тезис об «умопросвещении» как основном двигателе прогресса. В.Н. Татищев приводит следующую классификацию наук: «полезные», «щегольские», «любопытные и тщетные» и «вредные». В перечень полезных наук он в первую очередь включает «письмо, чрез которое мы прошедшее знаем и в памяти сохраняем <…> Письмо же всякаго стана и возраста людям есть полезно» [Татищев 1979: 91]. Далее он подчеркивает необходимость «научиться правильно, порядочно и внятно говорить и писать. Для того полезно учить и своего языка грамматику… и инородные языки» [там же]. Он акцентирует внимание на том, что «всякому шляхтичу надобно думать какой-либо знатной чин достать и потом или самому для услуги государственной в чужие края ехать или в России иметь с иноязычными обхождение. И тако ему необходимо нуждно другой европейский язык знать» [там же: 101].

По мнению В. Татищева, несмотря на тот факт, что «губернаторы и воеводы везде переводчиков и толмачей довольно имеют», сложно говорить о хорошем качестве переводов, так как «грамматики, без которой переводчику никак правильно переводить невозможно, ни един не знает» [там же: 102]. В данной работе он также констатирует, что русские «лексикона и грамматики достаточной не имеют» [там же: 130].

Подобную картину рисует и историк Ф.Ф. Веселаго [Веселаго1852: 108]. Он пишет, что после смерти Фарварсона в 1739 г., когда в собственность Академии поступили книги на разных иностранных языках, «кроме Латинских, Английские, Голландские, Немецкие и Французские книги; то для них сей час начали искать переводчиков: но для последних трех языков и «наймом не нашли». Только английские обещал переводить бухгалтер Академии Наук Гордон» [там же: 110].

В монографии «Очерк истории языкознания в России» С.К. Булич, описывая ситуацию второй половины XVIII в., отмечает, что «скудость пособий начинает уступать место сравнительному обилию по некоторым языкам» [Булич 1905: 310]. Он указывает также на то, что в России в рассматриваемый период «появляется довольно богатая литература важнейших школьных пособий по древним и новым языкам (грамматики, словари и хрестоматии)» [там же: 320]. Несомненно, важную роль в развитии учебной литературы сыграло открытие научных и учебных заведений светского характера. В 1725 г. была учреждена Академия наук в Петербурге, которая создавалась одновременно как научное и высшее учебное заведение, в 1755 г. – Московский университет. При университетах открывались гимназии, где преподавали мертвые и живые иностранные языки. Обучение иностранному языку в университетских гимназиях проводилось на базе родного языка и в сравнении с ним.

Во второй половине XVIII в. в России стали масштабно создаваться также народные училища, о которых до этого писал В.Н. Татищев. В Уставе народных училищ, утвержденном в Российской Империи 5 августа 1786 г., было прописано, что «таковые заведения существовать должны во всех Губерниях и наместничествах Российской Империи» [База законов 2013]. Согласно Уставу обучение в 3-м классе во втором полугодии предусматривало «изучение Российской Грамматики с упражнениями в правописании». В отдельной части документа прописана необходимость изучения иностранных языков, «какой по соседству каждого наместничества». Четко изложены книги, по которым необходимо «учить сим языкам»: «1. Букварь. 2. Грамматика того языка. 3. Прописи на иностранных языках и 4. Словарь» [там же]. Таким образом, приведены необходимые источники для изучения иностранного языка, за рамки которых выходить не рекомендовалось.

Первая английская грамматика на русском языке Михаила Пермского (1741–1770) вышла в свет в 1766 г. М. Пермский, воспитанник Александро-Невской семинарии, проживший в Англии два года, сумел «на благо применить полученное знание английского языка и занять собственное, пусть и скромное, место в истории знакомства россиян с английским языком и литературой» [Кросс 1996: 69].

После возвращения из Лондона в 1760 г. М. Пермский поступил в Московский университет и учился там до 1765 г., когда был назначен преподавателем английского языка в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Преподавательская работа скоро поставила его перед необходимостью создания учебного пособия, впоследствии названного «Практической английской грамматикой». Этот труд стал первым учебником английского языка для русских. По мнению Э. Кросса, грамматика М. Пермского «была совсем не приспособлена к особенностям России и представляла собой попросту прямой перевод английского оригинала» [там же: 69–70]. Данной точки зрения придерживается и С.К. Булич, характеризующий пособие

М. Пермского как «простой перевод английского грамматического учебника» [Булич 1905: 331].

Структурно книга М. Пермского состоит из 15 глав и нескольких приложений (о принятых в языке сокращениях и о существующих формах числительных). Форма подачи материала – вопросно-ответная, причем автор обращается к собеседнику на «ты».

Первая глава «О грамматике вообще» интересна, в частности, с точки зрения употребления в ней лингвистической терминологии. М. Пермский пишет, что «грамматика есть наука о буквах, или знание писать и говорить исправно и правильно» и подразделяет её на четыре части: на орфографию, или правописание, просодию, или ударение слов, аналогию, или произведение слов, и синтаксис, или сочинение слов [Пермский 1766: 2]. Далее он подробно описывает каждый раздел, например, «орфография учит справедливым начертаниям и произношению букв, и исправному разделению слогов, слов и речей» [там же: 3]. В первой главе рассматриваются последовательно все 26 букв английского алфавита и приводятся их характеристики, формулируются главные правила «разделения о слогах», уделяется внимание «точкам и знакам разделения», а также дается информация о структуре деления книг на главы, отделения, параграфы и стихи. Вторая глава «О просодии» полностью посвящена «справедливому произношению». Далее в отдельных главах рассматриваются все части речи. Самой объемной является пятая глава «О глаголах», что объективно соответствует развернутости глагольной системы в английском языке. В ней рассматриваются разные группы глаголов («недостаточные глаголы» – современная группа модальных глаголов, «помогающие глаголы» – современные вспомогательные глаголы, «возвратительные» – возвратные, «безличные»), дается представление о глагольных формах страдательного залога, приводится список неправильных глаголов (около 10 страниц). В конце ряда глав автор помещает «нужные примечания», которые, как правило, являются авторскими комментариями сравнительного характера. Например, в главе 12 «О сочинении слов» можно встретить следующее примечание: «Когда в русском глаголы есть, или суть в речи изображаются, или токмо о том доразумеваться должно, тогда во англиском употребляется thereis, thereare» [там же: 107]. Данное примечание сопровождается примером:

«There is a man, who — человек, который
There are many, who — много, которые»
[там же: 108].

Можно утверждать, что основу грамматики М. Пермского составляют теоретические наблюдения, которые подтверждаются немногочисленными примерами. Тот факт, что автор ограничился лишь изложением теории, отражает тенденцию времени – все учебники иностранных языков второй половины XVIII в. демонстрируют отсутствие практических языковых упражнений [см.: Рост 2007: 140; Сидорова 2009: 539].

Автором второго учебника английского языка в России стал П.И. Жданов (?–1802). Он также преподавал английский язык в Морском шляхетном кадетском корпусе и издал несколько пособий по английскому языку. Обратимся к «Английской грамматике» П. Жданова, выдержавшей несколько переизданий. Первое пособие датируется 1772 г. и включает в себя основную часть (грамматику) и «Словарь Английский и Российский» (более 3000 слов), составленный по тематическому принципу, дающий перевод слов без каких-либо помет, – первый отечественный англо-русский словарь; далее идут разделы «Употребительные речи» и «Употребительные разговоры».

Согласно П. Жданову, «грамматика есть наука показующая свойственное мыслей изображение словами» [Жданов 1772: 1]. В учебнике грамматика подразделяется на четыре части, а именно: 1) на орфографию, или правописание; 2) этимологию, или произведение слов; 3) синтаксис, или сочинение слов; 4) просодию, или ударение слов. П. Жданов отмечает, что «поелику из слов составляется речь, слова из слогов, а из букв слоги, то можно грамматику разделить на 5 частей» [там же: 2]. В дальнейшем автор конкретизирует и детализирует составляющие грамматики. Он пишет: «Часть описующая буквы или удобные и приличные для изъяснения слов знаки в письме называется орфографиею, а в речах орфоэпиею; которая долженствовала бы быть положена пред орфографиею; поелику письмо последует речи, и вменяться за часть грамматики, а именно 1. На Орфоэпию или праворечение. 2. Орфографию или правописание. 3. Этимологию или произведение слов. 4. Синтаксис или сочинение слов. 5. Просодию или ударение слов» [там же: 3].

Основной массив грамматики представлен в пяти частях: «О грамматике и её частях», «О этимологии или произведении слов», «О этимологии или произведении слов», «О сочинении слов» (по П. Жданову, «сочинение есть часть грамматики, которая учит, как надлежит порядочно располагать» [там же: 85]) и «О просодии». Большинство глав носят теоретический характер, хотя в некоторых из них теория заме-

няется простым перечислением языковых единиц. Так, в гл. 18 «О предлогах» автор дает списки предлогов на английском языке с переводом их на русский язык.

В практической части грамматики приводятся употребительные фразы (22 раздела) и диалоги/разговоры (37 диалогов). Заканчивается грамматика списком числительных («Числы»).

В течение тридцати лет преподавания английского языка автор не оставлял работы над пособиями по английскому языку, и в 1801 г. увидело свет третье издание «Англинской грамматики, вновь сочиненной Морского шляхетного кадетского корпуса учителем и секретарем 6-го класса Прохором Ждановым». Опираясь на ранние издания своего пособия, П. Жданов значительно переработал отдельные части учебника. Определение грамматики было изменено следующим образом: «*Грамматика учит правильно употреблять как в разговоре так и в письме язык Английский»* [Жданов 1801: 1]. В тексте учебника встречаются авторские комментарии метаязыкового характера, например: «Следующие глаголы в разговорах выговариваются обыкновенно кратко или сокращенным образом. Также употребляются и в письменном слоге как и в разговорах» [там же: 106].

На страницах учебника автор проводит мысль о необходимости изучать иностранные языки с помощью носителя языка, принимая во внимание особенности его выговора: «Надобно замечать выговор у самих Англичан, у искусного учителя или выправляться в лексиконе» [там же: 204]. В конце грамматики приводится таблица омофонов или, как их описывает автор, слов, «коих выговор сходственен, но знаменование и складывание разнообразное» [там же: 507].

Известный московский педагог В.С. Кряжев (1771–1832), который преподавал иностранные языки в Московском коммерческом училище, а позднее организовал собственный пансион для мальчиков, большое количество времени посвятил составлению учебных пособий по иностранным языкам для учеников своего пансиона. Помимо ряда учебников по французскому и немецкому языкам, он создал несколько учебников английского языка, первым из которых было «Руководство к англицкому языку» (1791), написанное для учеников Благородного пансиона при Московском университете.

В руководстве рассматриваются «буквы и произношение оных», помещено «Примечание о буквах вообще», «Краткое руководство к аглинской грамматике», краткий словарь и «Употребительнейшие речения». Словарь строится по тематическому принципу и включает в себя следующие темы: «О времени», «Дни недели», «Месяцы года», «Праздники и достопамятные времена в году», «О роде человеческом», «Части тела», «Об одежде и вещах», «Достоинства светские», «Платье и другие вещи для женщин» и др. Объем грамматического руководства составляет 70 страниц. Более подробно грамматический материал изложен в написанной В.С. Кряжевым «Аглинской грамматике» (1795), которая состоит из двух частей. Часть первая «О выговоре» (с. 3–17) затрагивает вопросы произношения, чтения дифтонгов («двоегласных»), а также разного рода «выключений» (т.е. исключений). Часть вторая «О частях речи и о изменениях слов» (с. 17–63) посвящена разным частям речи, наибольшее внимание уделяется системе глагола и глагольным категориям (в частности, наклонениям изъявительному, повелительному, «могущественному» и «неопределенному»; выделяется категория «возвратительного» глагола и глагола «безличного»). Акцент делается и на предлогах, которые «заслуживают особливое внимание» [Кряжев, 1795: 54]. В практической части «Дружеские разговоры» (с. 63–116) приводятся диалоги бытового и этикетного характера. Так же, как у М. Пермского и у П. Жданова, в ранних пособиях В. Кряжева отсутствуют упражнения для тренировки материала, вопросы для самоконтроля. Данный подход к презентации материала объясняется традицией – именно так строились все учебники иностранного языка указанного периода.

Интересное пособие «Английская грамматика» (1812) было написано профессором медицины Московского университета И.Е. Грузиновым (1781–1813). Оно было задумано автором как учебник в двух частях, но ранняя смерть автора, вступившего в ополчение и погибшего в 1813 г., помешали осуществлению авторского замысла – в свет вышел лишь первый том, посвященный правилам чтения и фонетике английского языка. Во вступлении И. Грузинов пишет: «…зная, что в России до сих пор еще не издано ни одной книги, могущей служить с пользою желающим приобресть настоящий выговор Английского языка, я решился при всех своих недосугах <…> издать небольшое сочинение, содержащее впрочем полное наставление о свойстве Английского языка. Я предлагаю на суждение благосклонным читателям прежде один способ показывающий произношение…» [Грузинов 1812: V]. По мнению И.Е. Грузинова, «английская грамматика есть наука говорить и писать правильно по Английски»; автор подразделяет её на четыре части: орфографию, этимологию, синтаксис и просодию [Грузинов 1812: 1].

В части I «Орфография» он подробно рассматривает «литеры» и их деление. Говоря о гласных, подмечает следующую особенность английского произношения: «Одна буква служит к представлению разных звуков в разных словах. Что самое и составляет главную трудность в изучении Английского языка» [там же: 13].

Особую роль автор пособия отводит ударению, первым из русских авторов учебников выделяя в английском языке главное и вспомогательное ударения.

Объем «Грамматики» И. Грузинова невелик, всего 192 страницы. Автор предлагает теорию на 130 страницах, во второй части дает примеры для «произношения из разных авторов»:

Lord Chesterfield's
ло.дчест*.филд'з
Advicetohisson
адвайс ту хіс с*н [там же: 128].

Далее он приводит целые предложения по-английски с подстрочным произношением английских слов, используя для этого русские буквы и предложенные им же транскрипционные знаки. Например:

Orthography or spelling well, is so absolutely necessary for a man of letters.

О.ѳографі о. спелі= ўел, іссӧ äбсӧлютлі несесарі фор ά ма'н *влет*з.[там же: 133].

Подробнее система транскрипций И. Грузинова была описана нами в других статьях [Сидорова 2009; Брылина 2014]. Фактически это была первая попытка среди отечественных авторов предложить вариант транскрипции английского произношения.

В практической части пособия приводятся диалоги, транскрибированные автором по предложенной им системе, т.е. путем передачи «выговора» русскими буквами и дополнительными знаками. Подчеркнем: именно фонетическим особенностям английского языка посвящена изданная И.Е. Грузиновым первая часть пособия. Несмотря на общее название «Англинская грамматика», мы не встретим в книге описания грамматических явлений в современном смысле этого слова; английский язык в данной работе рассматривается исключительно с точки зрения «выговора», т.е. его фонетических особенностей. Очевидно, что в XVIII в. термин «грамматика» понимался расширенно, т.е. грамматическое пособие могло включать изучение правил чтения, рассмотрение фонетических особенностей «выговора», вопросы этимологии слов и другие языковые явления разных уровней. Грамматическое пособие И. Грузинова демонстрирует подобное понимание термина «грамматика». В конце «Английской грамматики» дается краткое объяснение знаков, употребляемых для «означения выговора». Вероятно, во второй части планировалось рассмотрение других составляющих грамматики, но, согласно В.С. Сопикову, «часть вторая не выходила» [Сопиков 1904: ч. II, 76].

Последующие английские грамматики, изданные на русском языке в первые десятилетия XIX в., заметно отличаются от упомянутых выше. Само название стало в большей степени отражать сущность учебных пособий. Ярким примером перехода к грамматике нового типа можно считать «Теоретико-практическую грамматику англинского языка, составленную Михайлом Паренаго» (1820). Выходец из старинного дворянского рода, впоследствии поступивший в Коллегию Иностранных дел юнкером, в 1800 г. он был назначен переводчиком. В 1812 г. М. Паренаго находился при государственном канцлере, который сопровождал императора в его постоянных разъездах. Он является автором ряда переводных словарей, таких как «Новый английско-российский словарь, составленный по английским словарям Джонсона, Еберса и Робинета», в двух частях (1811–1817), «Словарь немецкой и французской купеческой юриспруденции, с присовокуплением в алфавитном порядке сокращений, употребительных в языках латинском, немецком, французском и английском» (1824).

Теоретическая часть учебника М. Паренаго строится по той же схеме, что и описание теоретической грамматики в учебниках П. Жданова и В. Кряжева. Существенным отличием его учебника от грамматик предшественников является «принцип построения практической части», а именно наличие после каждого раздела примеров и «задач» на то или иное грамматическое правило [Рост 2007: 156].

Структурно учебник состоит из трех частей. На титульном листе грамматики находится следующая надпись: «Of all the present European languages, the English Tongue is the most simple in its form and construction; but the most complex in its pronunciation» [Паренаго 1820: I]. Автор традиционно выделяет произношение как самый сложный элемент английского языка. Изначально можно было предположить, что вслед за И. Грузиновым М. Паренаго будет рассматривать главным образом аспекты произношения, так называемого «специфического выговора английского языка» [Грузинов 1812:IV]. Действительно, первая часть целиком «посвящена правописанию, краткому показанию выговора гласных букв, о произношении согласных букв <…> о числах, о днях в неделе и месяцах в году» [Паренаго 1820: 1]. В разделе «Предуведомление»

М. Паренаго по-своему характеризует трудности усвоения фонетических особенностей английского языка. Автор еще раз отмечает, что по произношению английский «один из труднейших языков Европейских. Трудность же сия происходит частию от несогласия просвещеннейших Англичан в разсуждении выговора, частию от звуков единственно сему языку свойственных и для иноземца, не жившего между природными Англичанами... Почему издатель Грамматики должен устремить все свое внимание на то, что бы выговор определен был знаками <…>, а правила были бы изложены кратко, но вразумительно <…> Я старался избегать лишнего многословия, помещать одно только нужное» [там же: 3].

В первой части пособия (с. 1–82) формулируются правила правописания, дается характеристика особенностей произношения гласных и согласных букв, приводятся общие правила ударения в односложных и двусложных словах. Перечисляются наиболее частотные окончания и их чтение.

Вторая часть (с. 82–195) посвящена «словопроизведению» (т.е. частям речи), и для каждой из девяти частей речи отводится раздел: «Члены» (определенный и неопределенный), «Существительное и склонение», «Прилагательное», «Глагол и спряжение», «Местоимение», «Наречие», «Предлог, союз и междометие». Каждый раздел сопровождается «задачами для упражнения». «Задача» представляет собой практическое задание следующего типа: дается текст на русском языке и разбирается способ его перевода на английский язык с учетом только что описанной грамматической конструкции. Например, к разделу «О существительном имени» прилагается такая «задача» (сам термин «задача» выделен курсивом):

«1. Москва есть столичный город в России. 2. Георг третий, король Англинской, есть отец многих принцов и принцесс. 3. В Лондоне более 100000 домов и много прекрасных церквей. 4. Волки и телята ни когда не живут вместе. 5. У меня в доме много мышей. 6. Афины в древния времена были знаменитый город. 7. Добродетель есть украшение женщин. 8. У моего соседа много дел.

1. Москва Mos’cow; есть столичный город isthecap’ital; в России of Russia. 2. Георг третий Geórgethethir’d; Король Англинской King’ of ‘England; есть отец isfat’her, многих принцов tó (of) ma’nyprin’ces; принцесс princes’ses. 3. В Лондоне более Lon’donhásmorethán; домов hóuses; много прекрасных церквей man’yhan’dsomechurches; 4. Волки wólves; телятина cal’ves; никогда nev’er; жить toliv’e; вместе toget’her. 5. У меня в доме inmyhóuse; много мышей áreman’ymice. 6. Афины Athénes; в древния времена formerly; знаменитый renowned; город town. 7. Добродетель virtue; украшение or’nament; женщинъ ofwom’en. 8. У моего соседа myneigh’bourhás; много дел man’ybusiness» [там же: 93].

Итак, в первой части задания автор дает несколько предложений на русском языке. Во второй части русские слова или словосочетания перемежаются их переводом на английский язык. Не просматривается единого принципа членения предложений: в одних случаях автор выделяет отдельные слова, в других – словосочетания. Сказуемое «живут» в 4-м предложении передается инфинитивом, тогда как другие сказуемые (например, в 6-м и 7-м предложениях) вообще не получают отражения в английском переводе. В ряде случаев глагол-сказуемое передается с помощью правильной видовременной формы (предложения 1, 2 и 3). Таким образом, перевод предложений еще не структурирован окончательно, автором предприняты лишь первые шаги в этом направлении. В некоторых словах также указано ударение.

«Задачи» становятся сложнее и длиннее в каждой последующей главе учебника.

Третья часть «О сочинении слов» (с. 196–326) отводится вопросам «употребления членов», рассматривается эллипсис, «стихотворение» (особенности поэтического языка), сокращения, т.е. эта часть посвящена сложным случаям грамматики и синтаксиса английского языка.

В целом, мы можем констатировать, что учебник М. Паренаго представляет огромный интерес, так как он является прообразом первых отечественных грамматико-переводных пособий по иностранным языкам. В нем не просто излагаются теоретические основы грамматики, но и предпринимается попытка перевода слов в составе предложений и даже связных отрывков текста путем дословного перевода. Другое дело, что предложения, приводимые в «задачах», зачастую не связаны между собой тематически, хотя и направлены на тренировку определенного грамматического материала. Предполагается, что учащийся видит, как переводится та или иная фраза в отдельности, какую грамматическую конструкцию необходимо использовать в данном тексте, и, безусловно, практикует только что изученный грамматический материал.

К сожалению, в большинстве случаев учащийся видит практически готовый ответ на заданный ему вопрос, «не имея возможности самому подумать, сделать самостоятельный пере-

вод, а затем уже свериться с приведенным автором ответом» [Рост 2007: 157].

Систематизируя состав и композицию рассмотренных в статье пособий, мы видим, что основной их объем занимает пространная теоретическая часть; практическая часть главным образом представлена только «употребительными речами и диалогами». Это связано с тем, что «грамматикой именовался любой учебник, включавший в себя объяснение теоретических положений любого уровня» [Сидорова 2009: 546], т.е. предмет грамматики понимался расширительно. Вплоть до XIX в. грамматика включала в себя не только сведения по морфологии и синтаксису, как это трактуется на современном этапе, но также сведения по лексике, фонетике и даже по правилам чтения, что полностью подтверждается анализом ранних пособий по грамматике. Тем не менее на титульном листе каждого пособия значилось «грамматика» и рассмотрение грамматических явлений занимало в них важную часть.

Авторы фундаментального труда «Истории преподавания английского языка» также отмечают, что понятие «практическая грамматика», используемое в названиях таких пособий, не соответствует его современному представлению. В XVIII в. термин «практическая грамматика» толковался прежде всего как «требующая практики» [Howatt, Widdowson 2004: 142]. Предполагалось, что студенты должны были практиковать полученные знания на материале отрывков из оригинальных произведений, которые часто включались в приложения к пособиям.

Отметим также, что, несмотря на название «учебник», зачастую в предисловии («предуведомлении») авторы используют следующий синонимический ряд: руководство, пособие, «сочинение, содержащее полное наставление» (И. Грузинов), реже – грамматика.

Обзор первых отечественных учебников английского языка (М. Пермского – 1766 г., П. Жданова – первое издание 1772 г., В. Кряжева – 1795, И. Грузинова – 1813 г., М. Паренаго – 1820 г.) показывает, что именно в этот период происходит изменение подходов к преподаванию иностранного языка. Ранние теоретико-описательные грамматики постепенно уступают место теоретико-практическим, которые ставят своей целью обучить практическому применению теоретических основ. Грамматики нового типа характеризуются наличием пояснительных фраз, замечаний, усложнением «задач», большей наполненностью практическим материалом, комбинированием теоретического и практического материала.

Анализ первых российских учебников английского языка может быть интересен и полезен не только в плане изучения истории преподавания английского языка. Появление первых учебников английского языка совпало с периодом формирования современного русского литературного языка, в том числе и научной терминологии на русском языке. С этой точки зрения тексты анализируемых пособий представляют интересный материал, демонстрирующий ранний этап становления и существования лингвистической терминосистемы на русском языке.

Список литературы

Алексеев М. П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Учен. зап. ЛГУ. 1944. № 72, вып. 9. С. 77–137.

Брылина Е.А. Первые попытки предъявления специфического английского «выговора» авторами ранних английских грамматик М. Пермским и И. Грузиновым // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35), ч.II. С.41–45.

Булич С.К. Очерк истории языкознания в России: очерк. СПб.: тип. М. Меркушева, 1905. 337 с.

Веселаго Ф.Ф. Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списка воспитанниковъ за 100 летъ: очерк с приложением. СПб.: тип. Морского кадетского корпуса,1852. 336 с.

Высочайше утвержденный Устав народным училищам в Российской Империи от 5 августа 1786 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.bazazakonov.ru/doc/?ID = 2751959 (дата обращения: 26.06.2014).

Грузинов И.Е. Англійская грамматика. М.:тип. Всеволжского,1812. Ч. I. 192 с.

Жданов П.И. Английская грамматика, сочиненная Морского шляхетного кадетского корпуса учителем Прохором Ждановым в пользу учащагося благородного юношества. СПб.: тип. Морского Шляхетного кадетского корпуса, 1772. 450 с.

Жданов П.И. Англиска грамматика, вновь сочиненная Морского Шляхетного Кадетского корпуса учителем и секретарем 6 го класса Прохором Ждановым. СПб.: тип. Морского Шляхетного Кадетского корпуса, 1801. 494 с.

Кросс Э.Г. У Темзских берегов (Россияне в Британии в XVIII веке). СПб.: Акад. проект, 1996. 387 с.

Кряжев В.С. Аглинская грамматика. М.: тип. М.В. Окорокова, 1795. 116 с.

Паренаго М. Теоретико-практическая грамматика английского языка. СПб.: тип. Император. Воспитательного Дома, 1820. 326 с.

Пермский М. Практическая английская грамматика. СПб.: тип. Морского Шляхетного Корпуса, 1766. 197 с.

Рост Ю.Н. Преподавание английского языка в российских учебных заведениях в первой половине XIX века: дисс. … канд. культурол. М., 2007.

Сафронова А.М. В.Н. Татищев о важности изучения иностранных языков // Третьи Урал. ист.- пед. чтения. Екатеринбург, 1999. С. 26–28.

Сидорова О.Г. Первые учебники английского языка, изданные в России // Науч. ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2009. Вып. 9. С. 538–550.

Сопиков В.С. Опыт российской библиографии. СПб.: изд. А.С. Суворина, 1904. Ч.II. 146 с.

Татищев В.Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. 271 с.

Howatt A.P., Widdowson H.G. A History of English Language Teaching. Oxford, 2004. 147 p.

References

Alekseev M.P. Anglijskij jazyk v Rossii i russkij jasyk vAnglii [The English language in Russia and the Russian language in England]. Uchjonye zapiski LGU [Proceedings of Leningrad State University]. 1944. Iss. 72(9). P. 77-137.

Brylina E.A. Pervye popytki predjavlenija specificheskogo anglijskogo «vygovora» avtorami rannikh anglijskikh grammatik M. Permskim i I. Gruzinovym [First attempts of presenting the specific English «pronunciation» by the authors of early English grammars M. Permskij and I. Grusinov]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2014. Iss. 5(35). Part II. P. 41-45.

Bulich S.K. Ocherk istorii jazykoznanija v Rossii [The essay on history of linguistics in Russia]. St. Petersburg: tip. M. Merkusheva Publ., 1905. 337 p.

Howatt A. P., Widdowson H. G. A History of English Language Teaching. Oxford, 2004. 147 p.

Kross Eh.G. U Temzskikh beregov (Rossijane v Britanii v XVIII veke) [Near the Thames shores (Russian people in Britain in the XVIIIth century)]. St. Petersburg: Akadem. proekt Publ., 1996. 387 p.

Rost Ju.N. Prepodovanie anglijskogo jazyka v rossijskikh uchebnykh zavedenijakh v pervoj polovine XIX veka. Diss. kand. kulturol. nauk [Teaching of the English language in Russian educational institutions at the beginning of the XIXth century. Cand. kulturol. sci. Diss.]. Moscow, 2007. 280 p.

Safronova A.M. V.N. Tatishhev o vazhnosti izuchenija inostrannykh jazykov [V.N. Tatishchev about the importance of learning foreign languages]. Tret'i Uralskie ist.-ped. chteniya [The third Ural historical-pedagogical readings]. Ekaterinburg, 1999. P. 26-28.

Sidorova O.G. Pervye uchebniki anglijskogo jazyka, izdannye v Rossii [The first Russian manuals of English]. Nauch. ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural. otdel. Ross. Akad. Nauk [The yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural division of the RAS]. 2009. Iss. 9. P. 538-550.

Sopikov V.S. Opyt rossijskoj bibliografii [The experience of Russian bibliography]. St. Petersburg: A.S. Suvorin's Publ., 1904. Part II. 146 p.

Tatishchev V.N. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. Leningrad: Nauka Publ., 1979. 271 p.

Veselago F.F. Ocherk istorii morskago kadetskago korpusa s prilozheniem spiska vospitannikov za 100 let: ocherk s prilozheniem [The essay on history of Marine Cadet Corps attaching the students′ list]. St. Petersburg: tip. Morskogo kadetckogo korpusa Publ., 1852. 336 p.

Vysochajshe utverzhdennyj Ustav narodnym uchilishham v Rossijskoj Imperii ot 5 avgusta 1786 goda [The established order for folk secondary schools in the Russian Empire dated from 5th August, 1786]. Available at: URL: http://www.bazazakonov.ru/doc/?ID = 2751959 (accessed 26.06.2014).

THE FIRST RUSSIAN GRAMMAR BOOKS OF THE ENGLISH LANGUAGE: CONTENT, PRESENTATION OF GRAMMAR MATERIAL, METHODS

Elena A. Brylina
Senior Lecturer in the Department of Germanic Philology
Ural Federal University

Olga G. Sidorova
Professor, Head of the Department of Germanic Philology
Ural Federal University

The article analyzes a particular group of books – the first manuals of English dated from the XVIII - early XIXth century, written and published in Russia. A consecutive analysis of these grammar books reveals their structural and subject unity in the beginning and gradual structural changes in the XIXth century. The problem of interpretation of the term «grammar» is considered in diachronic aspect. The authors analyze the methods of grammar material's presentation and grammar terms of the first manuals. Special attention is paid to the changes of approaches to teaching foreign languages. Finally, the authors draw conclusions concerning the restriction of the term «grammar» in contemporary understanding and changes in the material's presentation.

Key words: English as a foreign language; first Russian grammar books of the English language; term «grammar» in the XVIIIth century; grammar terminology; teaching methods; practical application of theoretical foundations.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК 811.11’37

ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА ‘STRUGGLE’ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Светлана Леонидовна Мишланова
д. филол. н., профессор кафедры лингводидактики
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева,15. mishlanovas@mail.ru

Татьяна Сергеевна Катлишина
аспирант кафедры лингводидактики
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева,15. TataMk11@rambler.ru

Статья посвящена историко-лексикологическому исследованию, ставящему целью выявление семантических особенностей английского слова *‘struggle’*. Основываясь на диахронном подходе к языку, авторы рассматривают семантическое изменение слова *‘struggle’* на определенных отрезках исторического времени. Проводится этимологический анализ лексической единицы *‘struggle’*, описывается ее словообразовательная структура, обнаруживаются закономерные изменения слова на фонетическом, лексическом, семантическом уровнях. Внимание исследователей акцентируется на проблеме лексической многозначности языковой единицы *‘struggle’*. Полисемия обнаруживается также при анализе ее внутренней смысловой структуры, выявляющем сигнификативное, структурное, эмотивное, а также денотативное значения исследуемого слова.

Ключевые слова: диахронный лингвистический анализ; буквальный смысл слова; план выражения (десигнатор); план содержания (десигнат); денотат; сигнификат.

Одним из динамически развивающихся направлений в области описания семантики слова является историческая лексикология, которая акцентирует внимание на проблеме изменения слова в процессе исторического развития. Предметом исторической лексикологии может выступать как слово, так и вся лексическая система. Историческая лексикология рассматривает отдельные аспекты лексической семантики, прослеживает семантические изменения одной лексической единицы или целой группы слов. Как считает Н.А. Ашихманова, «комплекс проблем, возникающих при изучении семантического содержания слова, механизмов производства и восприятия слова, концентрируется в проблеме значения слова» [Ашихманова 2008: 24–25]. Следует отметить, что исследование, определяющее семантическое содержание слова, носит, как правило, общенаучный характер. «Значение непременно присутствует в любой системе, усваивающей и перерабатывающей для своих нужд информацию о внешнем мире и самой себе» [Никитин 2007: 7]. Актуализация вопроса семантических изменений слова выводит нас на новый, междисциплинарный уровень научного исследования, поскольку исследование семантического содержания языковой единицы невозможно без знания философии, семиотики, логики, психологии, социологии, антропологии, этнографии.

Целью данной научной работы является изучение семантики слова *‘struggle’* в рамках историко-лексикологического исследования. Для достижения поставленной цели предполагается выполнить ряд задач:

1. Определение этимона слова *‘struggle’*.
2. Обнаружение закономерных изменений слова на фонетическом, лексическом, семантическом уровнях, связанных с эволюцией английского языка.
3. Анализ словообразовательной структуры слова в английском языке.

© Мишланова С.Л., Катлишина Т.С., 2015

4. Описание внутренней смысловой структуры слова *‘struggle’*.

В данном научном исследовании применяется лингвогенетический метод, позволяющий рассмотреть развитие английского слова в диахронии, выявить его семантическое изменение на определенных отрезках исторического времени.

Сложность анализа семантики слова *‘struggle’* заключается в том, что в лингвистической науке не создано пока общепринятой теории значения[1] [Никитин 2007: 8], а, как справедливо заметил Н. Хомский, «трудность теории значения состоит в том, что “значение” необходимо рассматривать в рамках теории синтаксиса» [Chomsky 2002: 94]. С нашей точки зрения, более глубокий и достоверный способ выявления значения слова *‘struggle’* в английском языке предлагает лингвогенетический метод, основывающийся на эволюционной динамике языка. Семантический анализ языковой единицы *‘struggle’* должен представлять собой в диахронии лингвистический анализ ее значения.

Обратимся к этимологическому анализу языковой единицы *‘struggle’*. Английское существительное ‘*struggle’* образовано путем конверсии от глагола ‘*to struggle’* в конце XVII в. Происхождение глагола ‘*to struggle’* определяется трудно [OED 1989]. Английский глагол ‘*to struggle’* в XIV в. в средневековом сознании англичанина представлялся действием ‘борьбы в тесной схватке’ [ODEE 1996]. Существует одна из версий, согласно которой глагол ‘*to struggle’* образован от древнескандинавского слова *struìgr*, что означает ‘злое намерение’, а также ‘борьбу’ [там же]. Таким образом, можно предположить, что слово ‘*to struggle’* вошло в состав английского языка путем заимствования из скандинавских языков[2] [Смирницкий 1998: 244]. Проникновение скандинавского языка на территорию Англии объяснялось скандинавским завоевание Британских островов в IX–XI вв. Английский язык и скандинавский были близкородственными языками. А.И. Смирницкий склонен считать, что «в эпоху скандинавского завоевания правильнее говорить не о разных языках, а о разных диалектах одного и того же языка» [там же: 247]. Этимология глагола ‘*to struggle’* указывает также на древнешведское слово *strūgh-er* – ‘злое намерение’, на шведском диалекте *strug* – ‘борьба, раздор, нерасположение, мстительный человек’; на древненорвежское слово *stru* – ‘упрямый, непокорный человек’; на датском диалекте *struende* имеет буквальный смысл ‘без желания’ [OED 1989].Учитывая вышесказанное, мы склонны утверждать, что проникновение скандинавской лексики в среднеанглийский язык было обусловлено объективным процессом, связанным с эволюцией английского языка.

По некоторым предположениям, английский глагол ‘*to struggle’* образован от датского *struikelen*, немецкого *straucheln* (средневерхненемецкого *strûcheln,* староверхненемецкого *strûhhên, -ôn*), буквальный смысл которого ‘спотыкаться, оступиться’. В глаголах ‘*to struggle’, struikelen* мы можем наблюдать фономорфологическую трансформацию, заменяющую фонему *-k-* на *-g-* в корне слова. Не возникает сомнения в том, что английский язык, принадлежащий к западной подгруппе германских языков, мог включать в себя этимологические заимствования немецкого языка.

Таким образом, английский глагол ‘*to struggle’* в среднеанглийском языке (XII–XV вв.) был образован посредством заимствований из древнескандинавского, древнешведского, древненорвежского, древнедатского языков. В данном случае мы наблюдаем «сплетение» этимологически разных слов в одно английское слово ‘*to struggle’* [Смирницкий 1998: 239].

В ходе этимологического анализа выявляются исторически тождественные слова: древнескандинавское слово *struìgr*, древнешведское слово *strugh* (на древнешведском диалекте *strug*), древнешведская языковая единица *stru*, датская языковая единица *struikelen*, а также немецкая языковая единица *straucheln.* Они тождественны, поскольку являются одной и той же языковой единицей, принадлежащей к определенной исторической эпохе. На основе проведенного этимологического анализа английской языковой единицы ‘*struggle’* мы можем утверждать, что буквальный смысл номинативной лексемы ‘struggle’ обнаруживается посредством раскрытия следующих лексикографических дефиниций: ‘борьба в тесной схватке’, ‘злое намерение’, ‘раздор, нерасположение’, ‘мстительный человек’, ‘упрямый, непокорный человек’.

Рассмотрим эволюционное изменение английского глагола ‘*to struggle’*, а также номинативной лексемы ‘*to struggle’,* применив диахронный лингвистический анализ. По справедливому замечанию М.В. Никитина, «язык наследует свой материал и структуру от предшествующих эпох, он должен выражать нечто постоянно изменчивое по составу и объему» [Никитин 2007: 178]. Ученый полагает, что с изменением общества происходят изменения и в языке, но при этом «языковой материал и структура» сохраняются. Таким образом, проследив за динамикой английского языка и изменчивостью языковых единиц во времени, мы сможет убедиться в лексико-

семантической эволюции глагола *‘to struggle’*и лексической единицы ‘*struggle’*.

Обнаружив семь основных дефиниций глагола ‘*to struggle’,* проведем историко-лингвистический анализ всех семи десигнатов лексической единицы ‘*to struggle’*. В словаре «The Oxford English Dictionary» репрезентируются семь дефиниций английского глагола ‘*to struggle’*:

1. *To contend (with an adversary) in a close grapple as in wrestling* [OED 1989: 961].

‘Схватиться (с противником) в тесной схватке’.

2. *To make violent efforts to breathe (usually, to struggle to breath); to be in the agony of death. Also to pass out of (the world) with a struggle.*

‘Ожесточенно отстаивать право на жизнь (обычно, борьба за существование)’; ‘находиться в состоянии предсмертной агонии’; ‘погибнуть (за мир) в сражении’.

3. *To contend resolutely, esp. with an. adversary of superior power; to offer obstinate resistance.*

‘Решительно бороться, особенно с более сильным противником’; ‘оказывать упорное сопротивление’.

4. *Said of passions, qualities, forces, etc.*

‘Испытывать душевное волнение, тревогу, находиться в определенном психическом состоянии’.

5. *<…> phrase, expressing the result of struggling.*

‘ <…> оборот речи, передающий результат борьбы’.

6. *To make great efforts in spite of difficulties. Also const. at. to struggle for existence.*

‘Прилагать огромные усилия по достижению чего-либо, невзирая на трудности’. Также употребляется в значении ‘*бороться за существование’*.

7. *To make progress with difficulty to, into, out of (a place, a condition), through (something interposed).*

‘Развитие, осложненное по причине близости *около, внутри, за пределами* (места, условия), *в ходе* (помещения чего-либо)’.

Исходя из данных, приведенных в словаре «The Oxford English Dictionary», десигнатор *‘to struggle’* передается семью десигнаторами. Автономность значения слова от ее формы свойственна многим номинативным единицам языка. «Отсутствие упорядоченной коммутации единиц плана выражения (десигнаторов) и плана содержания (значений, десигнатов) особенно наглядно у номинативных единиц языка (слова и словосочетания)» [Никитин 2007: 178].

Проследим за эволюционным развитием глагола ‘*to struggle’* в период XIV–XX вв. и приведем примеры употребления данной лексической единицы.

1386. *As me was taught…Was no thyng bet to make yow to see Than struggle [v.rr. strogele, strogle, strougle] with a man vp on a tree.*

Как меня научили…Ничего для тебя не было лучше, чем увиденная тобой борьба мужчины на дереве.

1440. *And gretely the Kyng strogild with hem<…>.*

И король великодушно сражался с ним<…>.

1530. *I strogell, I murmure with wordes secretly, je grommelle. He stroggleth at every thyng I do.*

Я изо всех сил стараюсь, я в тайне выражаю недовольство, я говорю по секрету. Он против всего, что я делаю.

1674. *There will at some time or other, before he struggles out of this world, be sadness to him in the consideration.*

В какой-то момент при воспоминании о предстоящем сражении за этот мир его охватит душевная боль.

1771. *A virtuous man, struggling with adversity, [is] a scene worthy of the gods.*

Добродетельный человек, борющийся с невзгодами, подобен богу.

1837. *Hope and ruth, flickering against despair and rage, still struggle in the minds of men.*

Чувство надежды и сострадания все еще борется в человеческом разуме против отчаяния и гнева.

1907. *Along the baked banks of which [Along the baked banks of which [dry ravines] a few stunted trees –the only ones to be seen – struggle to keep themselves alive.*

Вдоль обожженных солнцем склонов [сухих оврагов] несколько низкорослых деревьев – единственное, что можно было наблюдать, – борются за свое существование.

Исторический текст XIV–XX вв. фиксирует подвижность единиц плана выражения и плана содержания (см. табл. 1).

Значение ‘*схватиться в тесной схватке’* передается десигнаторами ‘*struggle, strogele, strogle, strougle, strogild’;* дефиниция *‘прилагать огромные усилия по достижению чего-либо, невзирая на трудности’* репрезентируется десигнаторами *‘strogell’, ‘struggling’;* значение ‘*оказывать упорное сопротивление*’ передается десигнатором ‘*stroggleth’*; дефиниция ‘*ожесточенно отстаивать право на жизнь*’ репрезентируется десигнатором ‘*struggles’;* наконец, значение ‘*испытывать душевное волнение’,* а также дефиниция ‘*развитие,*

осложненное по причине близости около, внутри, за пределами (места, условия), в ходе (помещения чего-либо)’ передается десигнатором ‘*struggle’*.

Таблица 1

Лексико-семантическая эволюция глагола ‘*to struggle’* в XIV–XX вв.

Век	Десигнаторы	Десигнаты
XIV–XV	‘*struggle, strogele, strogle, strougle, strogil’*	‘*схватиться в тесной схватке*’
XVI–XVIII	*‘strogell’, ‘struggling’*	*‘прилагать огромные усилия по достижению чего-либо, невзирая на трудности’*
XVI	‘*stroggleth’*	‘*оказывать упорное сопротивление*’
XVII	‘*struggles’*	*‘ожесточенно отстаивать право на жизнь*’
XIX	‘*struggle’*	‘*испытывать душевное волнение’*
XX	‘*struggle’*	‘*развитие, осложненное по причине близости около, внутри, за пределами (места, условия), в ходе (помещения чего-либо)’*

Сделанный нами анализ английского глагола ‘*to struggle’* на основе исторического текста позволяет выявить грамматико-морфологическое изменение слова ‘*to struggle’*. Эволюция глагола ‘*to struggle’* в течение XIV–XX вв. представлена в сопоставительной табл. 2.

Таблица 2

Грамматико-морфологическая эволюция глагола ‘*to struggle’* XIV–XX вв.

Век	Инфинитив	Лицо (1)	Лицо (2)	Лицо (3)
XIV	*to strogele, to strogle, to strougle*	*strogele, strogle, strougle*	*strogelest, stroglest*	*strogelest, struggelist, struggelist*
XV	*to sturglid, to struglid*	*sturgle, sturgles, struggle, struggles,*	*sturglest, struglest*	*strogild, stroglyd, stroglid*
XVI	*to struggle*	*stroggell*	*strugglest*	*struggle, struggleth*
XVII	*to struggle*	*strugle*	*strugglest*	*struggle, struggles, struggled,struggled*
XVIII	*to struggle*	*struggled*	*strugglest*	*struggle, struggles, struggled*
XIX	*to struggle*	*strugled*	*struggle, struggled*	*struggle*
XX	*to struggle*	*struggled*	*struggle, struggled*	*struggle, struggles struggled*

Таким образом, обозначив важнейшие черты эволюции английского глагола ‘*to struggle’,* мы подошли к рассмотрению номинативной лексемы ‘*struggle’,* имеющей шесть десигнатов.

1. *An act of struggling; a resolute contest, whether physical or otherwise;* [OED 1989: 961].

‘Процесс борьбы; упорное соревнование, физическое или иное*’*.

2. *A strong effort to continue to breath, as in the death-agony or under conditions tending to produce suffocation.*

‘Серьезное усилие, предпринятое для возобновления дыхания в предсмертной агонии или в случае удушения*’*.

3. *A conflict between material agents; spec. effervescence.*

‘Реакция между двумя веществами; спец. кипение*’*.

4. *Struggle for existence, for life.*

‘Борьба за существование, за жизнь*’*.

5. *In generalized sense: Contention, determined effort or resistance.*

‘В широком смысле: соперничество, целенаправленные усилия или сопротивление*’*.

В словаре «Chamber’s English Dictionary: pronouncing, explanatory, etymological» номинативная лексема ‘*struggle’* представлена следующими десигнатами: ‘1. a violent effort with contortions of the body; 2. great labour; 3. agony’ [CED 1898] (рус. ‘1. сильное напряжение, сопровождающееся судорогами по всему телу; 2. огромное усилие; 3. агония’). Согласно словарю

«An English Dictionary: etymological, pronouncing and explanatory» существительное *‘struggle’* раскрывается посредством выделения четырех основных значений номинативной лексемы *‘struggle’:* ‘1. a violent effort with contortions of the body; 2. forcible effort to obtain an object or to avoid an evil; 3. agony; 4. contortions of extreme distress’ [ED 1930] (рус. ‘1. сильное напряжение, сопровождающееся судорогами по всему телу; 2. предпринятая попытка захватить объект или избежать бедствия с применением силы; 3. агония; 4. судороги, вызванные большим стрессом’). Словарь «The College Standard Dictionary of the English Language» также определяет четыре десигната английского слова *‘struggle’:* ‘1. a violent effort or series of efforts; 2. a labored contest; 3. sometimes, a war; 4. battle’[CSDEL 1929] (рус. ‘1. отчаянное усилие или несколько последовательных усилий; 2. трудное соревнование; 3. иногда, война;4. битва’). Только две дефиниции существительного *‘struggle’* выявляет словарь «The Oxford Dictionary and Usage Guide to the English Language»: ‘1. act or period of struggling; 2. hard or confused contest’ [ODUGEL 1995] (рус. ‘1. процесс борьбы или период времени, посвященный борьбе; 2. тяжелое беспорядочное соревнование’). Словарь «The Penguin Reference Dictionary» также репрезентирует два основных десигната английского слова *‘struggle’*: ‘1.a violent effort, a determined attempt in adverse circumstances; 2. a hard- fought contest’ [PRD 1985] (рус. ‘1. отчаянное усилие, решительные попытки нейтрализации неблагоприятной обстановки; 2. соревнование, сопровождающееся тяжелыми боями’). Наконец, словарь «Webster’s Third New International Dictionary of the English Language Unabridged» замыкает группу словарей, отмечающих только две дефиниции английского существительного *‘struggle’:* ‘1.an act of earnest striving: a violent effort or exertion (as to obtain an object, overcome a difficulty, or avert an evil); 2. contest, contention, strife’ [WTNIDELU 1993] (рус. ‘1. действие, серьезное стремление: отчаянное усилие или напряжение (чтобы захватить объект, преодолеть трудности или избежать бедствия); 2. соревнование, соперничество, борьба’).

Дефинициальное варьирование номинативной лексемы ‘*struggle’* указывает на часто встречающееся в английском языке явление полисемии. У. Крофт и А. Круз под полисемией понимают «изменение в толковании слов в зависимости от случаев его использования» [Croft, Cruse 2004: 109]. А.И. Фефилов подтверждает «факт множества словесных значений» и выделяет главное, второстепенное, а также «переносное значение слова» [Фефилов 2010: 156]. Согласно мнению А.И. Смирницкого, причина возникновения многозначности слов лежит в «ограниченности языковой системы», которая не может отображать «бесконечное многообразие реальной действительности»; следует разграничивать «различное употребление слов в одном лексико-семантическом варианте, различное их предметное отнесение, с одной стороны, и действительное различие значений слова, с другой стороны» [Смирницкий 1998: 24]. В. В. Виноградов считает, что семантику слова нужно рассматривать в рамках лексико-семантической системы языка. «Только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова, как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений, употреблений» [Виноградов 1977: 164]. Мы разделяем данную точку зрения В. В. Виноградова. У нас не возникает сомнения в том, что номинативная лексема ‘*struggle’* многозначна. В ходе научного исследования выяснилось, что языковая единица ‘*struggle’* репрезентирует шесть значений, иными словами пять лексико-семантических вариантов этого слова:1) процесс борьбы; 2) попытку возобновления дыхания; 3) реакцию между двумя веществами; 4) борьбу за существование; 5) разногласие; 6) отчаянное усилие.

Рассмотрев явление полисемии в слове *‘struggle’*, мы подошли к анализу его семантической структуры. Описание внутренней смысловой структуры строится на выявлении сигнификативного, структурного, эмотивного, а также денотативного значений лексической единицы *‘struggle’*. Под сигнификативным значением мы подразумеваем «макрокомпонент лексического значения, связанный с мышлением, с осознанием действительности в сознании человека, с обработкой знаний о мире и хранении их, ядро лексического значения, его понятийное содержание» [Бабенко 2008: 30–31]. Структурное значение номинативной лексемы *‘struggle’* включает в себя все словоформы данного слова, а также производные от языковой единицы *‘struggle’*. Определение эмотивного значения связано с выявлением прагматического аспекта лексического значения английского слова *‘struggle’*. Наконец, денотативное значение лексической единицы *‘struggle’* мы рассматриваем как «вербализованный образ предметов и ситуаций» [Попова, Стернин 2007: 18]. На основе сделанного лексикографического анализа номинативной лексемы *‘struggle’* можем заключить, что сигнификативное значение анализируемой языковой единицы представлено понятием процесса борьбы (‘упор-

ное соревнование, физическое или иное; настойчивые попытки противостояния силы или освобождения от удержания силой; активные попытки преодоления трудностей’) [OED 1989: 961]. Сигнификативное значение языковой единицы *‘struggle’* предполагает, по крайней мере, двух субъектов действия. К примеру, *There was a constant struggle between the legislature and the officers of justice* [OED 1989: 961]. ‘Между представителями законодательной и судебной власти велась постоянная борьба’. В данном предложении субъектом действия выступают представители законодательной и судебной власти. Что касается структурного значения слова *‘struggle’*, то оно обнаруживается при рассмотрении парадигмы и синтагмы номинативной лексемы *‘struggle’*. Заметим, что у языковой единицы *‘struggle’* наблюдается нулевая парадигма. Это объясняется явлением конверсии, при которой существительное *‘struggle’* образовано от глагола *‘to struggle’* в конце XVII в. Синтагматические отношения в научном исследовании репрезентируются словосочетаниями ‘*an act of struggling’* (рус. ‘процесс борьбы’), *‘struggle for existence, for life’* (рус. ‘борьба за существование, за жизнь’). Обращаясь об эмотивному значению английского слова *‘struggle’*, мы акцентируем внимание на отношении говорящего к слову и на том, что оно обозначает. Номинативная лексема *‘struggle’* употребляется в различных коммуникативных условиях, которые складываются при обслуживании разных коммуникативных областей: науки, политики, спорта, религии, экономики и т.д. Учитывая вышеизложенное, шесть десигнатов исследуемого слова *‘struggle’* (процесс борьбы, попытка возобновления дыхания, реакция между двумя веществами, борьба за существование, разногласие, отчаянное усилие) мы относим к терминологии профессиональной области знания. В них заключено эмотивное значение номинативной лексемы *‘struggle’*. Прагматическое значение слова *‘struggle’* также отражается в десигнате *‘struggle for existence, for life’* (рус. ‘борьба за существование, за жизнь’). Данному метафорическому выражению в английском языке соответствует фразеологический оборот ‘находиться между жизнью и смертью’ в русском языке. Фразеологический оборот ‘находиться между жизнью и смертью’ отражает эмотивное отношение говорящего к обозначаемому. Как справедливо заметила В. Н. Телия, «значение идиом “обременено” отношением говорящего/слушающего к образу, который каким-то образом ассоциирует имя и закрепленный за ним фрагмент действительности» [Телия 1996: 86]. Фразеологический оборот ‘находиться между жизнью и смертью’ может содержать как отрицательную, так и положительную оценку говорящего. Эмоциональная тональность идиомы зависит от отношения говорящего к обозначаемому, выраженного фразеологизмом. «Отрицательная или положительная оценка зависит здесь от того, с каких позиций выступает говорящий, т.е. в зависимости от эмпатии говорящего» [там же]. Таким образом, выявив сигнификативное, структурное, эмотивное значения анализируемого слова, мы можем приступить к анализу денотативного значения лексической единицы *‘struggle’*. Денотативное значение, или актуальный смысл, английского слова *‘struggle’* передается лексико-семантическими вариантами языковой единицы, соотнесенными с обозначаемым предметом в коммуникативной ситуации. М.В. Никитин относит денотат к экстенсиональному значению. «Экстенсионал, или объем понятия,– это множество вещей (денотатов), с которыми соотносится понятие (значение, имя)» [Никитин 2007: 35]. Чтобы определить денотативное значение языковой единицы *‘struggle’*, необходимо задать вопрос: «Что обозначает это слово в данной знаковой ситуации?» Ответ может быть найден при контекстном анализе номинативной лексемы *‘struggle’*. Учитывая полисемию языковой единицы *‘struggle’*, мы определяем несколько денотативных значений английского слова. Одним из них является активная деятельность человека, представляющая собой физическое или иное действие, направленное на противостоящий объект. К примеру, в предложении *The usual struggle and contest, as I said before... is between the Landed Man and the Merchant* (‘Можно наблюдать привычную всем борьбу и конкуренцию, как я уже говорил, между землевладельцем и купцом’) слово *‘struggle’* употребляется в данном денотативном значении [OED 1989: 961]. Следующим денотатом номинативной лексемы *‘struggle’* является критическое состояние, которое испытывает человек перед смертью. Например, *St. Aubert expired without a struggle or a sigh* (‘Св. Оберт ушел из жизни, не испытав агонии, не проронив ни звука’) [ibid]. Один из часто употребляемых денотативных значений языковой единицы *‘struggle’* – результат взаимодействия двух химических веществ. К примеру, *With magnesia it can have no struggle* (‘С оксидом магния может не произойти химической реакции) [ibid]. В научном исследовании не менее важный денотат английского слова *‘struggle’*, означающий способность живого организма к самосохранению и продолжению рода, репрезентирован в следующем примере: *In the struggle for life to which every animal is exposed, each would have a*

better chance of supporting itself, by less nutriment being wasted (‘В борьбе за жизнь, свойственной каждому животному, чем меньше организм теряет питательных веществ, тем больше шанс на выживание’) [ibid]. Последнее денотативное значение анализируемой языковой единицы, обнаруженное в ходе контекстного анализа, иллюстрируется в предложении *Jacobinism is in uttermost crisis and struggle (‘*Якобинство переживает глубочайший кризис, испытывая внутренние разногласия*’*) [OED 1989: 961]. Английская номинативная лексема в данном случае употребляется в значении целенаправленной деятельности индивидов за право обладания объектами.

Таким образом, лексико-семантический анализ языковой единицы *‘struggle’* проведен на основе определения смысловой структуры многозначного слова. Отмечены особенности внутренней структуры номинативной лексемы *‘struggle’*, обозначены синтагматические и парадигматические свойства слова, раскрыта эмоциональная окраска анализируемой языковой единицы. Выявлены функции английского слова *‘struggle’* путем контекстного анализа, выделены классификационные признаки лексической единицы.

Подведем итоги. Семантика слова ‘*struggle’* в английском языке формировалась в процессе сложной языковой эволюции. Лингвогенетический метод исследования позволил определить историческое происхождение номинативной лексемы ‘*struggle’*. В соответствии с диахроническим принципом изучения языка было выяснено, что английское существительное ‘*struggle’* образовано путем конверсии от глагола ‘*to struggle’* в конце XVII в. Нам удалось определить этимологию слова ‘*struggle’*. Исторический текст XIV–XX вв. подтвердил грамматико-морфологическую эволюцию глагола *‘to struggle’*. Научное исследование показало, что английская номинативная лексема ‘*struggle’* обладает полисемией. Нами определено, что внутренняя смысловая структура анализируемого слова состоит из сигнификативного, структурного, эмотивного, а также денотативного значений. В слове ‘*struggle’* обнаружен сигнификат – *‘*процесс борьбы*’*, а также денотативный компонент лексического значения номинативной единицы, отражающий следующие значения анализируемой языковой единицы: 1) активная деятельность человека, представляющая собой физическое или иное действие, направленное на противостоящий объект; 2) критическое состояние, которое испытывает человек перед смертью; 3) результат взаимодействия двух химических веществ; 4) способность живого организма к самосохранению и продолжению рода; 5) целенаправленная деятельность индивидов за право обладания объектами.

Примечания

[1]М. В. Никитин выделяет лишь отдельные аспекты теории значения и считает, что общей семантической теории, принятой в лингвистической науке, пока не создано.

[2]А. И. Смирницкий утверждает, что слова скандинавского, французского, латинского, греческого, русского происхождения вошли в состав английский языка путем заимствования.

Список литературы

Ашихманова Н. А. Концепт и значение слова в свете современных лингвистических теорий // Актуальные проблемы современной лингвистики: межвуз. сб.ст. по материалам конференции / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2001. С. 24–25.

Бабенко Л. Г. Лексикология русского языка / Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. 125 с.
URL: http://books.eheritage.ru/book/1007 7375 (дата обращения: 12.10.2014).

Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 310 с.
URL: http://books.eheritage.ru/book/10077375 (дата обращения: 19.11.2014).

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с. URL: http://www.twirpx.com/file/41721/ (дата обращения: 1.12.2014).

Попова З.Д., *Стернин И.А*. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. 250 с. URL: http://www.sterninia.ru/files/75 7/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Kognitivnaja_lingvistika/Semantiko_kognitivnyj_analiz_jazyka_2007.pdf (дата обращения: 12.10.2014).

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 260 с. URL: http://www/twirpx.com/file/41721 (дата обращения: 30.11.2014).

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки рус. культуры, 1996. 288 с.

Фефилов А. И. Введение в когнитологию: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 240 с.

Chomsky N. Syntactic Structures. Cambridge; Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. 117 p.

Croft W., Cruse D.A. Cognitive linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.

ODEE – The Oxford Dictionary of English Etymology / C.T. Onions, G.W.S.Friedrichsen, R.W. Burchfield. Oxford: At the Clarendon Press, 1996. 1024 p.

OED – The Oxford English Dictionary / J.A. Simpson, E.S.C.Weiner. 2nd ed. Vol. XVI. Oxford: Clarendon Press, 1989. 1015 p.

CED – Chamber’s English Dictionary: pronouncing, explanatory, etymological/ T.Davidson. London and Edinburgh: W & R. Chambers, 1898. 1256 p.

ED –An English Dictionary: etymological, pronouncing and explanatory/J.Ogilvie. London: Blackie and son limited, 1930. 476 p.

CSDEL– The College Standard Dictionary of the English Language /F.H. Vizetelly. London: Funk & Wagnalls Company, 1929. 1309 p.

ODUGEL – The Oxford Dictionary and Usage Guide to the English Language / E.S.C.Weiner. Oxford: Oxford University Press, 1995. 621 p.

PRD –The Penguin Reference Dictionary. London: G & C Merriam Company and Longman Group Limited, 1985. 1107 p.

WTNIDELU– Webster’s Third International Dictionary of the English Language Unabridged. Vol. III. Chicago, etc.: Merriam-Webster, 1993. 3136 p.

References

Ashihmanova N. A. Koncept i znachenie v svete sovremennykh lingvisticheskikh teorij [Concept and meaning of a word in the light of modern linguistic theories]. Aktual’nye problemy sovremennoj lingvistiki: mezhvuz. sb. st. po materialam konferencii [Current problems of modern linguistics: conference proceedings]. Perm: Perm St. Univ. Publ., 2001. P. 24-25.

Babenko L. G. Leksikologija russkogo jazyka [Lexicology of the Russian language]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 2008. 125 p. Available at: http://books.eheritage.ru/book/10077375 (accessed 12.10.2014).

CED – Chamber’s English Dictionary: pronouncing, explanatory, etymological/ T. Davidson. – London and Edinburgh: W & R. Chambers, 1898. 1256 p.

Chomsky N. Syntactic Structures. Cambridge: Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002. 117 p.

Croft W., Cruse D. A. Cognitive linguistics. Cambridge: Cambridge University
Press, 2004. 356 p.

CSDEL – The College Standard Dictionary of the English Language /F.H. Vizetelly. – London: Funk & Wagnalls Company, 1929. 1309 p.

ED An English Dictionary: etymological, pronouncing and explanatory / J.Ogilvie. London: Blackie and son limited, 1930. 476 p.

Fefilov A. I. Vvedenie v kognitologiju: uchebnoe posobie. [Introduction to cognitive science: tutorial.]. Moskow: Flinta: Nauka Publ., 2010. 240 p.

Nikitin M. V. Kurs lingvisticheskoj semantiki: uchebnoe posobie. 2-e izd., dop. i ispr. [Course of linguistic semantics: tutorial. 2nd ed.]. St. Petersburg: RSPU Publ., 2007. 819 p. Available at: http://www.twirpx.com/file/4 1721/ (accessed 01.12.2014).

ODEE – The Oxford Dictionary of English Etymology / C. T. Onions, G. W. S. Friedrichsen, R. W. Burchfield. Oxford: At the Clarendon Press, 1996. 1024 p.

ODUGEL – The Oxford Dictionary and Usage Guide to the English Language / E. S. C.Weiner. Oxford: Oxford University Press, 1995. 621 p.

OED – The Oxford English Dictionary / J. A. Simpson, E. S. C.Weiner. 2nd ed. Vol. XVI. – Oxford: Clarendon Press, 1989. 1015 p.

Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh: Izd-vo “Istoki” Publ., 2007. 250 p. Available at: http://www.sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Kognitivnaja_lingvistika/Semantiko_kognitivnyj_analiz_jazyka_2007.pdf (accessed 12.10.2014).

PRD –The Penguin Reference Dictionary. London: G & C Merriam Company and Longman Group Limited, 1985. 1107 p.

Smirnitsky A.I. Leksikologija anglijskogo jazyka [Lexicology of the English language]. Moskow: Philological faculty of Moscow State University Publ., 1998. 260 p. Available at: http://www.twirpx.com/file/41721/ (accessed 30.11.2014).

Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul’turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects] Moscow: Jazyki russkoj kul’tury Publ., 1996. 288 p.

Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 310 p. Available at: http://books.eheritage.ru/book/10077375 (accessed 19.11.2014).

WTNIDELU – Webster’s Third International Dictionary of the English Language Unabridged. Vol. III. Chicago, etc.: Merriam-Webster, 1993. 3136 p.

CONSTRUCTION OF THE MEANING OF THE WORD “STRUGGLE” IN ENGLISH

Svetlana L. Mishlanova
Professor in the Department of Linguodidactics
Perm State University

Tatyana S. Katlishina
Postgraduate Student in the Department of Linguodidactics
Perm State University

This article presents a historical and lexicological research devoted to identification of the semantic features of the English word *“struggle”*. Basing on the diachronic approach to language, the authors consider semantic change of the English word *“struggle”* within key historical periods. In the paper etymological analysis of the lexical unit *“struggle”* is conducted, its derivational structure is described, natural changes of the word at phonetic, lexical and semantic levels are revealed. The study focuses on the problem of lexical ambiguity of the language unit *“struggle”*. Polysemy is also detected while conducting analysis of the internal semantic structure of the nominative lexeme “*struggle”*, exposing significative, structural, emotive and denotative meanings of the word under study.

Key words: diachronic linguistic analysis; literal meaning of a word; plane of expression (designator); plane of content (designatum); denotatum; significatum.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК 81’27:81.111

МОДЕЛИ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В СИТУАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА

Марина Олеговна Кунщикова
аспирант кафедры германской филологии
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Ленина, 51. shamrock_8@inbox.ru

Работа написана в контексте изучения процессов овладения английским языком вне языковой среды, получивших большое распространение в современном мире. Описываются и классифицируются модели создания языковой игры в ситуации искусственного билингвизма, под которым понимается владение двумя языковыми системами, одна из которых приобретена в процессе обучения. Наблюдаемые факты языковой игры обозначаются термином «игрема». Предлагаемая типология языковой игры охватывает фонетический, морфологический и лексический языковые уровни. На основе этих лингвокреативных особенностей в речи искусственных билингвов выделяются десять моделей языковой игры, каждая из которых имеет свою специфику взаимодействия планов выражения и планов содержания игрем и стимулирующих их языковых фактов. При этом отмечается, что в большинстве случаев языковая игра при искусственном билингвизме нагружена содержательно и она сама оказывается неотъемлемой чертой искусственного билингвизма при достаточно высоком уровне владения вторым языком, поскольку языковая игра в отличие от языковой ошибки создается преднамеренно.

Ключевые слова: билингвизм; искусственный билингвизм; языковая игра; игрема; модели языковой игры; типология.

Разнообразные подходы к понятию «билингвизм» в лингвистике можно свести к двум основным точкам зрения. Первая из них предполагает практически одинаково свободное владение родным и иностранным языками [Выготский 2008; Щерба 1958; Вайнрайх 1972 и др.], согласно второй владение иностранным языком достаточно на любом уровне – от самого элементарного до более или менее продвинутого [Беляев 1959; Верещагин 1969; Розенцвейг 1972; Жлуктенко 1974; Абрамова, Ананьина 2011].

Мы придерживаемся второго подхода к данному лингвистическому явлению, при котором «говорящие считаются билингвами даже тогда, когда отдельные черты их языковых систем не вполне соответствуют нормам неродного языка» [Абрамова, Ананьина 2011: 13].

Если принять во внимание критерий условия изучения иностранного языка, то люди, проживающие в стране изучаемого языка, могут быть отнесены к естественным билингвам, а изучающие иностранный язык в школе или вузе – к искусственным билингвам [Григорьев 2005]. Искусственные билингвы могут быть также определены как овладевающие «инофонным лингвокультурным кодом в искусственно-моделируемых коммуникативных условиях с целью его потенциального использования для профессиональной или личной самореализации в контексте межкультурного общения» [Черничкина 2007: 15].

В ситуации искусственного билингвизма (далее – ИБ) особый интерес представляют факты использования искусственными билингвами языковой игры (далее – ЯИ) как осознаваемого ими языкового механизма. Под ЯИ мы, вслед за Т.А. Гридиной, понимаем «вид речемыслительной деятельности, особую форму лингвокреативного мышления, основанную на способности говорящего к актуализации и переключению (ломке) ассоциативных стереотипов порождения, восприятия, употребления языковых знаков при использовании лингвистических операциональных механизмов» [Гридина 1996: 192].

Анализ работ, посвященных изучению билингвизма, позволяет говорить о том, что часто в речи билингвов изучаются языковые ошибки (как неосознаваемый говорящим процесс) и ин-

© Кунщикова М.О., 2015

терферирующее влияние языков друг на друга [Маркосян 2004], но исследований речепорождений билингвов в аспекте использования языковой игры как осознаваемого лингвистического приема еще не было предпринято.

Проблемы языковой игры в речи искусственных билингвов рассматриваются, в частности, Д. Кристалом. В своей книге «Language Play: Language» употребление ЯИ при овладении вторым языком данный ученый называет термином *bilingual pun* («билингвальный каламбур»), отмечая такие черты, как осознаваемое нарушение языкового канона, диалогичность или нацеленность на собеседника в процессе создания игрем, а также спонтанный и динамичный характер ЯИ. Исследователь полагает, что ЯИ неизбежно возникает в процессе языкового обучения, когда «стоит только одному человеку создать каламбур, рассказать шутку или еще каким-либо образом подурачиться, как неожиданно все в группе тоже испытывают непреодолимое желание шутить» (перевод наш. – *М.К.*) [Crystal 1998: 54]. Д. Кристал сравнивает языковую игру с игрой в пинг-понг (“ping-pong punning”), с четко очерченной системой правил и духом соревнования среди игроков, когда «языковой юмор балансирует туда-обратно от одного игрока к другому в атмосфере соперничества» (перевод наш. – *М.К.*) [ibid.: 2]. К правилам языковой игры им относятся следующие моменты: «Существует особая игровая манера разговора с соответствующими выражениями лица; … часть слова или фразы, содержащая игрему, произносится более отчетливо; … участники не могут повторять одну и ту же игрему в одном предложении» (перевод наш. – *М.К.*) [ibid.: 5]. Кроме того, если игра производится на фонетическом уровне, то морфологический, лексический и синтаксический языковые уровни не подвергаются игровым трансформациям, и наоборот. Признавая, что существует большое различие между «ограниченными игровыми способностями в иностранном языке и всесторонними языковыми способностями в родном» (перевод наш. – *М.К.*) [ibid.: 18], ученый не выделяет особых закономерностей лингвокреативного моделирования в процессе овладения иностранным языком.

С одной стороны, ЯИ строится на знании языкового прототипа (нормы), закрепленного в системе изучаемого языка. Использование такого прототипа способствует не только его закреплению в памяти, но и расширению языковых употреблений в ситуации не-знания языкового материала и необходимости этот материал вербализовать. Иными словами, с помощью ЯИ искусственный билингв самостоятельно компенсирует языковые лакуны в иностранном языке и моделирует новые смыслы и словоупотребления, расширяя традиционные границы иностранного языка.

С другой стороны, выходя за традиционно принятые границы изучаемого языка, искусственный билингв позволяет себе проявить лингвистическую свободу и креативность, что, несомненно, можно считать формой самовыражения. Человек не просто изучает новый материала, но подвергает его переработке и личностному переосмыслению. Наконец, ЯИ компенсирует недостаток эмоций в процессе изучения иностранного языка. Знание закономерностей моделирования ЯИ в ситуации научения языку (при ИБ) позволяет увидеть эффективные способы предъявления материала изучающим язык, которые могли бы способствовать лучшему запоминанию информации и ее дальнейшему использованию. Именно изучению моделей такого использования ЯИ и посвящена данная статья.

Материалом исследования послужили высказывания русских студентов (письменные и устные), изучающих английский язык как иностранный. Материал собирался в процессе непосредственного «полевого» наблюдения за этими студентами: либо из их письменных работ, либо из их устных высказываний.

В процессе отбора материала письменной речи брались те примеры, которые оказывались взятыми в кавычки либо употреблялись наравне с правильными, узуальными формами речи, поскольку при искусственном билингвизме, когда чистота и правильность речи ставятся во главу угла учебного процесса [Черничкина 2007], важно разграничить факты ЯИ и языковые ошибки.

В устной речи такими критериями отбора стали интонационное выделение, паузы в момент употребления языковой игры либо, как и в случае с письменной речью, – употребление игрем наравне с правильными формами речи, представленными в том же контексте.

Анализ материала позволил выделить 10 основных моделей языковой игры в речи искусственных билингвов. Рассмотрим их.

На ф о н е т и ч е с к о м уровне выделяется две модели. Модель № 1 связана с ситуацией, когда слово-стимул порождает игрему (термин Т.А. Гридиной) [см.: Гридина 1996; Лингвистика креатива 2012], близкую по звучанию и безразличную к семантике этого стимула. Слово-стимул и игрема оказываются связанными только на уровне плана выражения благодаря общим фонемам, а очевидной содержательной связи при этом не наблюдается.

Так, в диалоге

Студент 1:Yes, of course. I will print this document for you.

Студент 2: Yes, of horse,…

мы можем видеть, что слово-стимул *of course* ‘конечно’ и игрема *of horse*, представляющая собой сочетание предлога *of* и существительного *horse* ‘лошадь’, связаны лишь употреблением общих фонем [ɔv] и [ɔ:s].

Или, в такой ситуации:

Студент 1: My friend works in a spa-centre

Студент 2: A famous spy-centre

– очевидно, что мотивирующее слово *spa* ‘курорт с минеральными водами’ и мотивированное слово *spy* ‘шпион’ также связаны лишь общими фонемами [sp].

Модель № 2 находит отражение в ситуации, когда слово-стимул порождает близкие по звучанию игремы, связанные между собой неким ассоциативным фоном, исходящим из окружения слова-стимула. С одной стороны, реакцией на слово-стимул становятся созвучные производные слова. С другой – эти игровые реакции оказываются мотивированы содержательно. При этом полученные игровые реакции создают эффект цепной реакции (или то, что Д. Кристал называет «пинг-понг-эффектом» ЯИ [Crystal 1998: 2]) и стимулируют создание других игрем как путем фонетического сближения, так и при помощи смыслового выведения. В результате таких игровых манипуляций создается игровая цепочка фонетических и смысловых ассоциатов.

Рассматриваемая модель прослеживается, например, в разговоре двух студентов, только что купивших булочку под названием «The Texas bun» («Техасская булочка»), которое и становится первоначальным словом-стимулом в данном диалоге:

Студент 1: The Texas bun, …the sun, the gun!

Студент 2: The Texas lifestyle

Студент 1: A romantic one with the gun and fun.

Реакцией на слово-стимул *bun* ‘булочка’ становятся созвучные слова *sun* ‘солнце’, *gun* ‘оружие’, *fun* ‘веселье’, фонетическая связь которых осуществляется через общую фонему [ʌn]. При этом все они оказались мотивированы содержательно. Слово-стимул *Texas* вызывает ассоциации с солнцем (Техас славится своей хорошей погодой) и оружием (в Техасе разрешено ношение оружия). Слова-ассоциации ‘солнце’ и ‘оружие’, в свою очередь, вызывают фонетическую ассоциацию *fun* ‘веселье’.

То есть в одном случае (модель № 1) мы видим чисто формальную ЯИ на фонетическом уровне, в другом (модель № 2) – осложненную содержательно.

На морфологическом уровне можно выделить три модели.

Модель № 3 основана на игровой эксплуатации словообразовательной модели, когда в рамках одного контекста представляются мотивирующее и мотивированные слова (слово-стимул и игремы) одного словообразовательного типа, объединенные общим словообразовательным формантом, характеризующиеся одним словообразовательным значением и разными лексическими значениями. При этом лексические значения производящего слова и производных слов вступают во взаимоотношения взаимодополнения.

Обратимся к следующему диалогу между преподавателем и студентом:

Преподаватель: Hopefully you’ll finish off in 3 minutes

Студент: Hopefully? Ideally? Presumably? Technically?

Преподавателем задано слово-стимул *hopefully* (‘с надеждой, будем надеяться’), которое студент воспринял как слово-стимул и на которое он реагирует целым набором аналогично звучащих лексем *ideally* (‘превосходно; в воображении; в соответствии с идеалом, в идеале’), *presumably’*(‘вероятно’), *technically* (‘формально’). Игремы связаны словообразовательным формантом -ly (типичным суффиксом наречий). Выстраивается логическая цепочка в ответ на просьбу выполнить определенное задание за 3 минуты. Студент задается вопросом относительно того, как должна быть сделана работа: ‘превосходно’, ‘предположительно’, ‘формально’. Употребление четырех наречий с разными планами содержания в одной реплике является нестандартным для любого языка и признается нами как факт ЯИ.

Другой пример реализации этой же модели ЯИ можно увидеть в том случае, когда происходит взаимодействие производной и производящей основ, которое идет по линии взаимодополнения и выстраивания иерархии смыслов (от наименьшей проявленности некоторого признака и до его наибольшей проявленности). Результатом такой игры является словообразовательная цепочка из мотивированных слов, представляющих собой слова одной лексической категории.

Данная модель находит отражение в следующем диалоге студентов, обсуждающих, кто является добытчиком в семье:

Студент 1: He is the breadwinner in the family.

Студент 2: I wonder who the butterwinner and the caviarwinner are…

Студент 1: Ha-ha…the caviarwinner is the richest, and the breadwinner is the poorest.

Слово-стимул *breadwinner* раскладывается говорящими на элементы, соответствующие реальному членению слова *bread* ‘хлеб’ и *winner* ‘победитель’. Говорящие заменяют первый элемент на названия других, более дорогих продуктов: *butter* ‘масло’ и *caviar* ‘икра’. В итоге мы получаем две новые игремы – *butterwinner* и *caviarwinner*. Эти лексемы противопоставляются по степени проявленности анализируемого признака: от минимального дохода *breadwinner* до максимального *caviarwinner*, при этом узуальному слову *breadwinner* приписывается неузуальное значение ‘самый бедный человек’ («the breadwinner is the poorest»), в то время как игреме *caviarwinner* приписывается значение ‘самый богатый человек’ («the caviarwinner is the richest»). Игрема же *butterwinner* оказывается между *breadwinner* и *caviarwinner* по уровню благосостояния. Таким образом, студенты не просто заменили первый элемент составного слова, но и выстроили смысловую иерархию по цене продукта, положенного в основу игремы: *bread* (минимальная цена), *butter* (средняя цена) и *caviar* (максимальная цена). В данном примере, кроме появления двух игрем, мы также наблюдаем приписывание нового оттенка значения существующему в языке *breadwinner* ‘кормилец в семье’. В разбираемом контексте происходит сужение значения слова («тот кормилец, который зарабатывает меньше всего денег»). Важно отметить и то, что элемент, подвергаемый игровой трансформации, заменяется на слова из той же лексической категории «еда».

Модель № 4 основана на особом способе словообразования путем перехода основы слова-стимула в другую парадигму словоизменения, результатом которого становится игрема, принадлежащая к иной части речи. Такой вид ЯИ можно назвать конверсивным, причем часто в качестве мотивирующего слова выступает имя собственное. В этом случае типично именная парадигма переходит в типично глагольную.

Так, например, в основу следующей игровой конверсии кладется имя собственное «*Apple*» (американская корпорация, производитель персональных и планшетных компьютеров, аудиоплееров, телефонов, программного обеспечения):

Студент: Please apple me. *Buy me Iphone5, at least Iphone5C.*

ЯИ строится на конверсии, в основу которой положен прецедентный феномен (название компании «Apple»). Существительное *Apple* становится не только глаголом *to apple*, но и получает трактовку внутри самой реплики ‘купить продукцию фирмы «Apple»’.

Следующая модель языковой игры (модель № 5) основана на приеме ложной этимологии, или псевдомотивации внутри узуального слова, когда в слове обнаруживаются новые морфологические элементы, не совпадающие с реальным происхождением обыгрываемого слова. Новые морфологические элементы могут быть выделены графически или интонационно, чтобы привлечь внимание собеседника. Это можно увидеть в следующем примере из сочинения студента:

Студент: Their neighbor was always ready for PUNgent remarks

Искусственный билингв использует заглавные буквы, активизируя тем самым дополнительные смыслы. В слове *pungent* ‘язвительный, саркастичный’(от лат. *pungere* ‘уколоть, ужалить’) графически выделен компонент *pun* ‘игра слов, каламбур’ (от лат. *punctum* ‘точка, отметка’). План содержания слова-стимула *pungent* расширен с помощью плана содержания слова *pun*.

Модель № 6 реализуется в ситуации изменения корня слова, когда новый корень обладает некоторыми общими фонетическими признаками с предыдущим корнем. При этом оба корня взаимодействуют по принципу взаимодополнения.

Например, в следующем комментарии студента к фотографии кошки, сидящей на стуле, читаем: *Her catjesty is on the throne.*

Языковая игра строится с помощью преобразования фразы *her majesty* «ее Величество» в *her catjesty* «ее кошачество». Слово-стимул *majesty* изменяется на уровне корня. Происходит компрессия лексического значения слова-стимула (от «ее величество» до «ее кошачество»).

На лексическом уровне выделено четыре модели.

Модель № 7 связана с обыгрыванием формы слова-стимула, когда его план выражения сохраняется, но ему приписываются новые смыслы на основании личных или культурных ассоциаций. Следующий диалог может послужить иллюстрацией данной модели:

Студент 1: The maintenance department of T-Mobile inboxed us with the phrase «Bear with us».

Студент 2: Of course, we have to be patient with them not to be overcharged

Студент 1: Yes, sure though it sounds like «Mess with us». Bear is such a big animal, you know.

Студент 2: Haha imagine they finish their email with «Fox with us» meaning «Be cunning».

Здесь представлено осмысление идиомы *bear with somebody*. Она употреблена в значении

'быть терпеливым с кем-либо', о чем и идет речь во второй реплике: *to be patient with them*. Однако говорящий приписывает этой идиоме новое значение: *mess with us* («ругайтесь с нами»). Это связано с другим значением *bear* – 'медведь', которое может ассоциироваться с агрессией или страхом. Тем более что в разговоре упоминается, что «медведь – большое животное» («Bear is such a big animal»). В следующем витке языковой игры слово-стимул *bear* – 'медведь' служит стимулом для выражения «Fox with us» («будьте лисой с нами»), где происходит переход существительного *a fox* в глагол *to fox*. Говорящие также представляют в этой ситуации и лексическое значение фразы «*Fox with us*» («*be cunning*» или «будьте хитрыми»). В основу такого значения кладется стереотипное восприятие «лиса – хитрое животное».

Модель № 8 основывается на трансформации идиомы, когда ее отдельные части заменяются на другие слова (вставные элементы), часто из той же лексической категории. Обыгрываемые элементы в полученных игремах вступают во взаимодействие и образуют новую систему смыслов. Реализация этой модели может быть обнаружена в следующем диалоге:

Студент 1: There's a slim chance that we will win the game. We're unlikely to nail it.

Студент 2: Anyway we still have got a chance. Who knows? At least our chance isn't skinny.

Студент 1: Very funny. In the ideal world we should have had a chubby chance.

Языковая игра строится на обыгрывании идиомы-стимула *a slim chance* («небольшой шанс»), который разбирается говорящими на компоненты. Компонент *slim* 'стройный' провоцирует создание игрем на основе слов из категории «стройность»; в частности, берутся слова *skinny* 'худой' и *chubby* 'полный'. Студенты создают игремы *a skinny chance* («совсем маленький шанс») и *a chubby chance* («хороший шанс»).

Девятая модель (модель № 9*)* основана на употреблении искусственными билингвами калек с родного языка в изучаемом языке, которые являются неузуальными для изучаемого языка. Их новизна может быть и на уровне плана выражения, и на уровне плана содержания.

Обратимся к конкретной речевой ситуации:

Студент: Where should I take ideas from? From the ceiling?

Преподаватель (глядя на потолок): What do you mean? Ceiling…floor? What?

Студент (глядя на потолок и показывая на него пальцем): I have no source …only ceiling.

Преподаватель: Do you say so in Russian?

Студент: Yes, that is our set phrases when we are short of ideas.

Преподаватель (со смехом): Got you. Out of nowhere.

ЯИ строится на дословном переводе студентом русской идиомы *с потолка* – «from the ceiling». Преподаватель (носитель языка) не понимает ее, но путем наводящих вопросов находит ее английский аналог *out of nowhere* 'из ниоткуда'.

Модель № 10 также представляет собой обыгрывание идиом с использованием вставных конструкций, но здесь в их качестве выступают прилагательные, привносящие оценочность обыгрываемой идиоме. Оценочность выстраивается по принципу антонимии. Это можно проследить в следующем диалоге студентов:

C1: Dating guys is like a pig in the poke, like in the lottery

C2: Like a bad pig in the poke

C1: Like a bad pig in the handsome poke

C2: Like a good pig in the ugly poke

C1: If you are lucky enough like a good pig in the handsome poke

Языковая игра основана на обыгрывании идиомы *a pig in the poke* 'свинья в мешке', в которую говорящие привносят прилагательные *bad*, *good*, *ugly*, *handsome*. Идиому *a pig in the poke* две девушки применили при обсуждении молодых людей, с которыми они встречаются. С одной стороны, в диалоге было актуализировано стереотипное употребление этой идиомы («решение, принятое без учета последствий, вслепую») наравне со сравнением всего процесса с лотереей: «Dating guys is like a pig in the poke, like in the lottery». С другой стороны, устойчивое выражение *a pig in the poke* подвергается обыгрыванию с помощью видоизменения формы идиомы и манипуляций с определениями: «Like a bad pig in the poke», «Like a bad pig in the handsome poke», «Like a good pig in the ugly poke», «Like a good pig in the handsome poke».

Таким образом, мы выделили десять моделей языковой игры в речи искусственных билингвов на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. Каждая из этих моделей отличается спецификой взаимодействия планов выражения и содержания. Важным наблюдением является то, что обнаруживается достаточно мало примеров, когда взаимодействие планов выражения не нагружено содержательно.

Все эти модели объединены тем, что в процессе построения языковой игры искусственный билингв позволяет себе свободное отношение к языковой норме, манипулируя теми или иными языковыми компонентами, что безусловно пока-

зывает, что «языковая игра актуализирует системные, а не узуальные параметры языка» [Журавлева 2008: 73].

Список литературы

Абрамова И.Е., Ананьина А.В. Искусственный билингвизм: проблемы и решения. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 219 с.

Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М.: Учпедгиз, 1959. 286 с.

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып.VI. Языковые контакты. М.: Прогресс,1972. С. 25–60.

Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Наука, 1969. 160 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь: сборник. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. 668 с.

Григорьев И.Н. Литературный билингвизм В. Набокова: синтаксическая интерференция в англоязычных произведениях писателя: дисс. … докт. филол. наук. Пермь, 2005. 288 с.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 215 с.

Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев: Вища Школа, 1974. 175 с.

Журавлева О. В. Когнитивные модели языковой игры (на материалах заголовков русских и английских публицистических изданий): дисс. … канд. филол. наук. Барнаул, 2008. 207 с.

Лингвистика креатива / под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. 378 с.

Маркосян А.С. Очерк теории овладения вторым языком. М.:УМК «Психология», 2004. 382 с.

Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С.5–27.

Черничкина Е.К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 30 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. Т. 1. 182 с.

Crystal D. Language play: Language. Penguin books, 1998. 249p.

Online Etymology Dictionary. URL: http://www.etymonline.com/ (дата обращения: 01.03.2015).

Электронный словарь ABBYY Lingvo. URL: http://lingvoonline.ru/ru/Search?searchMode=Translate&searchSrcLang=en&searchDestLang=ru&searchText (дата обращения: 01.03.2015).

References

Abramova I.E., Anan'ina A.V. Iskusstvennyj bilingvizm: problemy i reshenija [Classroom bilingualism: problems and solutions]. Petrozavodsk: Petrozavodsk St. Univ. Publ., 2011. 219 p.

Beljaev B.V. Ocherki po psikhologii obuchenija inostrannym jazykam [Essays on the psychology of teaching foreign languages]. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 286 p.

Chernichkina E.K. Iskusstevennyj bilingvizm: lingvisticheskij status i kharakteristiki: aftoref. diss. … kand. filol. nauk [Classroom bilingualism: linguistic status and characteristics. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2007. 30 p.

Crystal D. Language play: Language. Penguin books, 1998. 249 p.

Gridina T.A. Jazykovaja igra: stereotip i tvorchestvo [Wordplay: stereotype and creativity]. Ekaterinburg: Ural St. Pedagogical Univ. Publ., 1996. 215 p.

Grigor'ev I.N. Literaturnyj bilingvizm V. Nabokova: sintaksicheskaja interferencija v anglojazychnikh proizvedenijakh pisatelja. Diss. … dokt. filol. nauk [Literary bilingualism of V. Nabokov: syntactic interference in the English-language works of the writer. Dr. philol. sci. diss.]. Perm, 2005. 288 p.

Lingvistika kreativa [Linguistics of creativity] / T.A. Gridina (ed.). Ekaterinburg: Ural St. Pedagogical Univ. Publ., 2012. 378 p.

Markosjan A.S. Ocherk teorii ovladenija vtorym jazykom [Essay on the second language acquisition]. Moscow: UMK "Psikhologija", 2004. 382 p.

Online dictionary ABBYY Lingvo. Available at: http://lingvoonline.ru/ru/Search?searchMode=Translate&searchSrcLang=en&searchDestLang=ru&searchText (accessed 01.03.2015).

Online Etymology Dictionary. Available at: http://www.etymonline.com/ (accessed 01.03.2015).

Rozencveig V.Ju. Osnovnye voprosy teorii jazykovykh kontaktov [The basic issues of the theory of language contacts]. Novoe v lingvistike [The new in linguistics]. Moscow: Progress, 1972. Iss. 6. P.5-27.

Shherba L. V. Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike [Selected works on linguistics and phonetics]. Leningrad: Leningrad Univ. Publ., 1958. Vol. 1. 182 p.

Vereshhagin E. M. Psikhologicheskaja i metodicheskaja kharakteristika dvujazychija (bilingvizma) [Psychological and methodological characteristics of bilingualism]. Moscow: Nauka,1969. 160 p.

Vygotskij L.S. Myshlenie i rech': sbornik [Thinking and speech: collected works]. Moscow: AST: AST MOSKVA: KHRANITEL', 2008. 668 p.

Weinreich U. Odnojazychie i mnogojazychie [Monolingualism and multilingualism]. Novoe v

lingvistike. Vyp. VI. Jazykovye kontakty [The new in linguistics. Iss.VI. Language contacts]. Moscow: Progress, 1972. P. 25-60.

Zhluktenko Ju.A. Lingvisticheskie aspekty dvujazychija [Linguistic aspects of bilingualism]. Kiev: Vishha Shkola Publ., 1974. 175 p.

Zhuravleva O.V. Kognitivnie modeli jazykovoj igri (na materialakh zagolovkov russkikh i anglijskikh publicisticheskikh izdanij). Diss. … kand. filol. nauk [Cognitive models of wordplay (based on the material of titles of Russian and English journalistic publications). Cand. philol. sci. diss.]. Barnaul, 2008. 207 p.

MODELS OF WORDPLAY FORMATION IN THE CONTEXT OF CLASSROOM BILINGUALISM

Marina O. Kunshchikova
Postgraduate Student in the Department of Germanic Philology
Ural Federal University

The article has been written in the context of studying processes of the English language acquisition in non-native language environment, which has become really widespread in the modern world. The article describes and classifies models of wordplay formation in the situation of classroom bilingualism, which is understood as linguistic proficiency in two language systems, one of which has been acquired in the process of learning. The observed facts of wordplay are defined with the term «igrema». The suggested typology of wordplay includes phonetic, morphological and lexical language levels. Basing on these linguo-creative peculiarities of the wordplay in speech of classroom bilinguals, ten models of wordplay have been identified. Each model is the result of the language transformation of the «igrema» and the word-stimulus, and it is based on the unique relations between the expression plane and content plane. At the same time, it is pinpointed that the wordplay in the situation of classroom bilingualism is characterized by content transformations, and wordplay itself turns out to be an inevitable feature of classroom bilingualism at a relatively high level of second language proficiency, since, unlike language errors, wordplay is created on purpose.

Key words: bilingualism; classroom bilingualism; wordplay; igrema; wordplay models; typology.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК [811.161.1+811.58]:629.33

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Нин Вань
ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. wanning2004@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению некоторых теоретических аспектов рекламной коммуникации как одного из видов межкультурного взаимодействия. Утверждается, что реклама – это особый вид гуманитарно-экономической деятельности, вбирающей в себя черты национально-специфического и общемирового (глобального) свойств, которые неизбежно реализуются в языковой ткани текста. Практическая часть исследования выполнена на материале рекламных текстов автомобильной тематики, функционирующих в русском и китайском рекламном медиадискурсе. Специальным объектом анализа являются слоганы как центральные и самые яркие компоненты содержания этих текстов. Приводятся результаты социолингвистического исследования, направленного на выявление зон культурного совпадения и культурного несовпадения в восприятии и понимании текстов автомобильной рекламы. Определяются ценностные предпочтения и вкусовые ориентиры по отношению к автомобилю, предопределённые этническими причинами – условиями жизни, географией, культурными традициями, особенностями быта русского и китайского народов. Сходства и различия в отношении к автомобилю, обнаруженные в русской и китайской картинах мира, систематизируются по степени значимости и в гендерном аспекте. В заключение делается вывод о том, что восприятие рекламного сообщения, с одной стороны, непосредственно вплетено в культуру народа и его картину мира, а с другой – связано с общемировым рекламным дискурсом, с правилами и тенденциями информирования о том или ином продукте, поэтому рекламный текст занимает сегодня одно из существенных мест в глобальном медиапространстве и представляет собой один из способов межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: картина мира; межкультурная коммуникация; рекламный дискурс; медиакоммуникация; рекламный текст; рекламный слоган; ценностные ориентиры; гендерные предпочтения.

Интенсивное развитие рыночных отношений в экономике и жесткая конкурентная борьба производителей за своего потребителя сформировали в индустриальном, а затем и постиндустриальном обществе особый вид деятельности человека – рекламный. Уникальный характер рекламной деятельности заключается не только в том, что она является неотъемлемой частью экономической жизни современного общества, но и в том, что она стала одним из ***важнейших элементов культуры***. Появившись в конце XIX–начале XX в., реклама не просто отражала артефакты того или иного социума, но и во многом формировала идеалы, вкусы, стиль жизни людей, особенности их общения, определяя тем самым перспективы развития отдельных сторон жизни общества, а следовательно, в какой-то степени и особенности его современной культуры и коммуникации.

Исследователи рекламы отмечают её особую роль в процессах экономического, политического, культурного взаимодействия разных стран и народов, а значит – в динамике межкультурных связей постиндустриального общества [Измайлова 2011; Симонова 2010 и др.]. По верному замечанию В.В. Учёновой, реклама «заняла прочное место в глобальных иформационных процессах – и каждый новый шаг в утверждении идущей на смену предшествующим **информационной** цивилизации с неизбежностью приводит также и к экспансии рекламных текстов» [Учёнова 2012: 23; выделено автором. – *В.Н.*].

© Вань Нин, 2015

Вместе с тем, отражая особенности материальной и духовной жизни того или иного народа, его сложившиеся стереотипы и новые веяния, рекламные тексты расширяют границы знания народов друг о друге, углубляют осведомленность одних о производственных, бытовых, психологических, ментальных и т.п. особенностях жизни других, тем самым принимая участие в осуществлении таких активно развивающихся в последнее время процессов, как социально-экономическая глобализация, межкультурное взаимодействие, этническое сближение.

Сегодня исследования межкультурной коммуникации вполне закономерно вышли в авангард научных изысканий, поскольку наряду с обычными средствами общения возникли и активно развиваются такие, как телевидение, интернет, мобильная связь, способные вовлекать в процессы взаимодействия самую широкую аудиторию, объединяя не только разные слои населения одной страны, но и представителей разных стран и континентов. Эти технические достижения второй половины XX–начала XXI в. привели к образованию особого коммуникативного пространства – *массмедиа*, или *медиадискурса*.

Существенным результатом функционирования медийной коммуникации является разрушение информационных границ между слоями одного конкретного общества, с одной стороны, и между разными обществами – с другой. Иными словами, быстро развивающаяся и постоянно модифицирующаяся массмедийная коммуникация являет собою один из современных механизмов межнационального и межкультурного объединения[1]. Как справедливо отмечает А.В. Сивков, «Современные информационные и телекоммуникационные технологии с их стремительно растущим потенциалом и быстро снижающимися издержками открывают большие возможности для новых форм международного сотрудничества как в рамках отдельных сфер общественной жизни, так и общества в целом. Спектр таких возможностей постоянно расширяется, невзирая на географические границы человеческих общностей» [Сивков 2011: 14]. Не случайно проблемы межкультурного взаимодействия представляют большой интерес не только для лингвистов, но и для учёных других областей – философов, экономистов, психологов, социологов, историков, литературоведов, культурологов, педагогов и др.

Реклама, как известно, это коммуникативно-социальный феномен, «определяющий и в какой-то степени регулирующий все сферы общественной и личной жизни» [Симонова 2010: 5; см. также: 于根元 (Юй Гэньюань) 2010: 34; 陈庆汉，韩爱平 (Чэнь Цинхань, Хань Айпин) 2011: 55−88]. Сегодня это один из значимых видов материальных носителей знаний человека о мире, поскольку рекламные тексты передают «различные типы маркетинговой информации, направленной на достижение понимания между продавцами и покупателями на рынке. Реклама не только информирует о продукции, но и одновременно трансформирует её в некий образ, который становится в сознании покупателя неотделимым от фактических сведений о качествах рекламируемого товара» [Измайлова 2011: 35].

Специфика рекламы заключается также, на наш взгляд, в её гуманитарном характере: она детерминирует социальное поведение человека в том смысле, что побуждает реализовать фундаментальную для личности потребность в самоутверждении и самоидентификации.

Эти потенции рекламы в эпоху глобализации общественной жизни и стирания жестких границ между этносами обретают значимость не только как источник сведений о жизни других народов и стран, но и как важные и обязательные строевые компоненты межнациональной (= планетарной) коммуникации и культуры, т.е. обретают статус *элементов общечеловеческого культурного пространства*, входят в это пространство – наряду с другими феноменами культуры – в качестве составляющих его единиц [Greene 2010; Dmitriev 2011; Чжан Жун 2011; 鞠慧冰 (Цзюй Хуэйбин) 2013 и др.].

Важно уточнить, что речь идет о рекламе как одном из средств такого социального взаимодействия, которое способно влиять на изменение и формирование ценностных ориентаций в повседневной жизни людей разных стран, а следовательно, способно, с одной стороны, создавать зоны пересечения культур разных народов – так называемые ***зоны культурного совпадения*** (общности, единства); с другой стороны, нести информацию о специфике восприятия и понимания разными народами одних и тех же артефактов, т.е. создавать так называемые ***зоны культурного несовпадения*** (расхождения), или культурной самобытности, в рамках рекламного дискурса.

В связи со сказанным интересно проанализировать, какие ключевые смыслы автомобильных рекламных текстов являются наиболее ценными, а какие остаются менее значимыми в сознании носителей русской и китайской картин мира. Такой сопоставительный анализ позволит обнаружить как зоны «культурного совпадения», так и

зоны «культурного несовпадения», что облегчит рекламодателям процесс гармоничного конструирования рекламной деятельности в рамках международной автомобильной экономики.

Нами было опрошено 200 респондентов: по 100 человек с русской и китайской сторон. При этом мы придерживались гендерного паритета, поэтому в каждую сотню вошли по 50 мужчин и 50 женщин. Средний возраст опрошенных составил 25–35 лет (в целом в опросе участвовали люди от 17 до 50 лет); социальное положение респондентов разное – это студенты, рабочие, служащие (гос- и офис-служащие, работники бюджетной сферы), предприниматели, домохозяйки.

Респондентам были предложены анкеты с двумя одинаковыми вопросами:

1. Какими качествами, по вашему мнению, должен обладать хороший автомобиль?

2. Сведения о чём вас привлекают прежде всего в автомобильной рекламе?

Эти вопросы выявили зоны совпадения и зоны несовпадения в оценке автомобиля и его важнейших качеств русскими и китайцами. Интересно отметить, что в китайской лингвистике вопрос о том, как среднестатистический китаец относится к автомобилю и что он о нём думает, уже находит своё отражение (см.: 肖生发，沈国助 [Сяо Шэнфа, Шэнь Гочжу]).

Так, например, среди ответов на первый вопрос (Какими качествами должен обладать хороший автомобиль?) в русских анкетах преобладают ответы: *комфорт* – 1-е место; *разгон с места до 100 км / мощность двигателя / скорость* (*динамичность*) – 2-е место; *надежность, выносливость* – 3-е место. Китайские анкеты демонстрируют иные представления о важнейших качествах автомобиля: *безопасность* – 1-е место; *дизайн* (*«стильный вид»*) – 2-е место; *комфорт* – 3-е место. Таким образом, приоритетными качествами автомобиля **для русских** являются комфорт, мощность и надежность, **для китайцев** – безопасность, внешний вид (эстетика оформления) и комфорт.

Как видно, зоной совпадения в русских и китайских представлениях об основных качествах автомобиля является *комфорт*, причём для русских – это первое требование к автомобилю, для китайцев оно лишь на третьем месте среди важнейших. По всем же остальным качествам представления опрошенных о хорошем автомобиле не совпадают: для русских важны его *мощность* и *надёжность* (= выносливость), для китайцев – *безопасность на дороге* (= прочность стали и стёкол) и *внешний дизайн*. Результаты ответов на первый вопрос показаны в табл. 1:

Таблица 1

Качества «хорошего автомобиля» с точки зрения русских и китайцев

Ответы русских респондентов		**Ответы китайских респондентов**	
Качество автомобиля	Приоритетность	Качество автомобиля	Приоритетность
Комфорт	**I**	*Безопасность*	**I**
Разгон с места до 100 км / мощность двигателя/ скорость (динамичность)	**II**	*Дизайн («стильный вид»)*	**II**
Надёжность (выносливость)	**III**	*Комфорт*	**III**

Таким образом, приоритетными качествами автомобиля **для русских** являются комфорт, мощность и надёжность, **для китайцев** – безопасность, внешний вид (эстетика оформления) и комфорт. Выявленная разница в автомобильных приоритетах двух народов представляется вполне естественной, поскольку у китайцев и русских разная автомобильная история, разный жизненный опыт в обладании машинами и их эксплуатации.

Весь советский период и до сих пор русский автопром не уделял большого внимания удобному оформлению салона автомобиля, надежности его технического устройства, долговечности работы его деталей (запчастей). Русскому водителю долгое время приходилось быть вынужденным аскетом и, кроме того, постоянно заниматься ремонтом своего автомобиля, доделкой и переделкой воплощенных в нём инженерных решений; поэтому для русского водителя *комфорт* и *надёжность* составляют ядро ценностей автомобиля. Что касается мощности (она на 2-м месте), то её важность для русского автомобильного сознания тоже объяснима: в России мало хороших дорог, а зимой много снега – без автомобиля с мощным мотором можно проехать далеко не везде, даже в пределах городского ландшафта.

Интересно распределились оценки качеств хорошего автомобиля в зависимости от гендерных характеристик респондентов. Так, среди **русских автолюбителей-мужчин** важнейшими оказались такие качества, как *комфорт*, *мощность двигателя* и *надёжность*, *выносливость*; среди **автолюбителей-женщин** наиболее предпочтительными названы *мощность двигателя* и *комфорт*, затем *внешний дизайн* и далее *надёжность*, *выносливость*. Если учесть, что перечисленные качества расположены по степени убывания их важности, то становится очевидным, что русские мужчины, как знающие цену комфорту и надёжности машины, не задумываются, в отличие от женщин, над её внешним дизайном (хотя в нашем материале есть и мужские ответы, связанные с выбором этого качества, но они никогда не входят в зону трёх важнейших автомобильных ценностей, а находятся на их периферии).

Для **китайских автолюбителей-мужчин** в число важнейших качеств входят (по степени убывания важности) *безопасность* автомобиля, его *внешний* (*стильный*) *дизайн*, *комфорт в управлении*; **китайские автолюбители-женщины** называют *внешний* (*стильный*) *дизайн*, *безопасность*, *комфорт в управлении*. Как видим, для китайцев, вне зависимости от их гендерной принадлежности, ценности автомобиля остаются неизменными, меняется лишь с т е п е н ь их значимости: для мужчин важнее всего *безопасность*, для женщин – *внешний вид*, тогда как *комфорт* и у тех и у других стабильно на третьем месте (см. табл. 2).

Таблица 2

Качества «хорошего автомобиля» в гендерном аспекте

Ответы русских респондентов			**Ответы китайских респондентов**		
Место	Мужчины	Женщины	Место	Мужчины	Женщины
I	*Комфорт автомобиля*	*Мощность двигателя* и *комфорт автомобиля*	**I**	*Безопасность автомобиля*	*Внешний (стильный) дизайн*
II	*Мощность двигателя*	*Внешний дизайн*	**II**	*Внешний (стильный) дизайн*	*Безопасность автомобиля*
III	*Надёжность (выносливость) автомобиля*	*Надёжность (выносливость) автомобиля*	**III**	*Комфорт в управлении*	*Комфорт в управлении*

Весьма примечательно, что такое, казалось бы, важнейшее качество автомобиля, как его безопасность, для русских автолюбителей не является приоритетным, не входит в тройку главных, формирующих обобщённый образ этого объекта. Другое дело китайские автолюбители: для мужчин это главное качество автомобильного образа, для женщин – второе среди трёх главных.

Ответы на второй вопрос анкеты (Сведения о чём вас привлекают прежде всего в автомобильной рекламе?) выявили несколько иную картину.

В **русских анкетах** первое место разделили сведения о *цене* и *технических характеристиках машины*; второе место занимает информация о *мощности двигателя*; на третьем месте – *комфорт салона*. В **китайских анкетах** на первом месте такое качество, как *безопасность*, на втором месте – *экономичность расхода топлива*, третью позицию занимают сведения о *технических характеристиках автомобиля* (см. табл. 3).

Такие данные свидетельствуют о том, что текст рекламного сообщения русский потребитель начинает рассматривать с цены товара и его технических характеристик; немаловажным для него оказывается и комфортное оформление салона, но это, как показывает материал, уже дело третье. Иное восприятие рекламного сообщения у китайского потребителя: не задумываясь о цене, он интересуется прежде всего безопасностью и экономичностью машины, которые позволяют ему уже более или менее спокойно воспринять сведения о технических особенностях предлагаемого товара.

Таблица 3

«Нужные» сведения автомобильной рекламы

Для русских респондентов		**Для китайских респондентов**	
Цена и *технические характеристики автомобиля*	**I**	*Безопасность*	**I**
Мощность двигателя	**II**	*Экономичность расхода топлива*	**II**
Комфорт салона	**III**	*Технические характеристики автомобиля*	**III**

Как можно заметить, ответы на второй вопрос подтверждают результаты ответов на первый вопрос, во многом повторяя их. Кроме того, в ответах на второй вопрос так же, как и в ответах на первый вопрос, можно отметить некоторые особенности, связанные с гендерными характеристиками респондентов.

Так, например, для **русских мужчин** в содержании рекламных текстов наиболее значимой оказывается информация о *цене* автомобиля (1-е место) и его *мощности* (2-е место), а уж затем его *марка* (3-е место); для **русских женщин** более приоритетной оказывается информация о *мощности* (1-е место), затем сведения об *удобстве* и *комфорте* (2-е место), на последнем же месте стоит вопрос о *цене* и *надёжности* автомобиля. Подобный расклад «голосов» объясняется, видимо, тем, что русские мужчины почти полностью – покупатели автомобиля (ср. место вопроса о цене в их анкетах), тогда как женщины почти полностью – только пользователи (ср. место о цене автомобиля в их анкетах).

Китайские мужчины выделяют в рекламе прежде всего сведения об *экономичности расхода топлива* (1-е место), затем о *безопасности* (2-е место) и уже в третью очередь о *технических характеристиках*; **китайские женщины** сведения о *безопасности* ставят на 1-е место, сведения об *экономичности* – на 2-е, а уже затем обращают внимание на *технические характеристики* рекламируемого автомобиля. Как видно, китайские женщины единодушны со своими мужчинами, ибо ценность рекламных сведений для них одинакова, меняются местами лишь экономичность с безопасностью, уходя с 1-го места у мужчин на 2-е у женщин.

Таблица 4

«Нужные» сведения автомобильной рекламы в гендерном аспекте

Ответы русских респондентов			**Ответы китайских респондентов**		
Место	Мужчины	Женщины	Место	Мужчины	Женщины
I	*Цена автомобиля*	*Мощность двигателя*	**I**	*Экономичность расхода топлива*	*Безопасность автомобиля*
II	*Мощность двигателя*	*Удобство, комфорт*	**II**	*Безопасность автомобиля*	*Экономичность расхода топлива*
III	*Марка автомобиля*	*Цена* и *надёжность, автомобиля*	**III**	*Технические характеристики*	*Технические характеристики*

Итак, анализ результатов опроса свидетельствует, что в русской и китайской картинах мира существуют разные представления об автомобиле, разные его образы. Для русского автолюбителя – это автомобиль комфортный, мощный, надёжный и при этом недорогой. Для китайского же автолюбителя это, прежде всего, автомобиль безопасный, комфортный, экономичный, с хорошими дизайнерскими и инженерно-техническими качествами.

Закономерно, что эти «автомобильные ценности» так или иначе учитываются в рекламных текстах, а именно в слоганах автомобильной рекламы. Приведём примеры русских слоганов:

1) слоганы с общим значением **«комфортный автомобиль»**: *Европейский стиль* [Hyundai:

i40], *Универсальный и стильный* [Ford: S-MAX], *Благородный облик. Завидный темперамент* [Renault: Megane], *Дизайн, пробуждающий чувства* [Hyundai: i40], *Дизайн, который решает всё* [Mercedez-Benz: ClS], *На пике формы* [Toyota: Avensis], *Изящный силуэт, заключающий в себе простоту и мощь* [Hyundai: ix35] и др.;

2) слоганы с общим значением **«мощный автомобиль»**: *Создан для любых дорожных условий* [Hyundai: Grand Santa Fe], *Всё в моей власти* [Toyota: Land Cruiser 200], *Над любыми обстоятельствами Touareg одержит верх* [Volkswagen: Touareg], *Доверьте «Кадиллаку» указывать вам путь* [Cadillac], *Где другие боятся ступить* [Toyota: Land Cruiser 1000], *Создан для любых дорожных условий* [Hyundai: Grand Santa Fe], *Всё в моей власти* [Toyota: Land Cruiser 200], *Над любыми обстоятельствами Touareg одержит верх* [Volkswagen: Touareg], *Где другие боятся ступить* [Toyota: Land Cruiser 1000] и др.;

3) слоганы с общим значением **«надёжный автомобиль»**: *Победитель получает всё* [AUDI: A6], *Новый герой для привычных маршрутов* [Hyundai: Tucson], *Прирождённый победитель* [Volkswagen: Touareg], *Игра на победу* [Land Rover: Range Rover Sport], *Взгляни на мир глазами победителя!* [Infiniti], *Азарт победителей* [AUDI], *Город покорился ему однажды, но он ждёт новых побед* [AUDI: Q7], *Выигрыш за явным преимуществом* [AUDI: A3 Sportbsck], *Не знает поражений* [Toyota: Hilux], *Готов бросить вызов лучшим* [Cadillac: ATS], *Все места первые!* [Volvo: XC90], *Ваш молчаливый партнёр* [Cadillac], *Партнёр в работе. Друг на отдыхе* [Ford: Tourneo Connect], *Лучший друг вашей семьи* [Volkswagen: Caddy], *Доверьте «Кадиллаку» указывать вам путь* [Cadillac] и др.;

4) слоганы с общим значением **«доступный (= недорогой) автомобиль»**: *Внушает уважение. Удивляет ценой* [Volkswagen: Jetta], *Удобный, практичный, универсальный* [Renault: Kangoo Fourgon], *Впечатления доступны каждому* [Skoda: Yeti], *Качество и доступность – наше достоинство* [Deawoo] и др.

Примеры китайских слоганов:

1) слоганы с общим значением **«безопасный автомобиль»**: *Супербезопасность. Улучшенные характеристики* [Mitsubishi: Outlander], *Предел технического совершенства!* [AUDI: Q6] *Немецкие наука и техника с легкостью наслаждаются!* [BMW: 3], *Наследует качества мира* [VolksWagtn: Touareg], *Активирует прочность нового типа!* [JEEP: Cherokee], *Будущие технологии безопасности уже используются в этом автомобиле* [Mercedes-Benz: 5] и др.;

2) слоганы с общим значением **«комфортный автомобиль»**: *Легко управляема. Освобождение для души* [Toyota: Rav4], *Пусть автомобиль станет вашим маленьким домом* [Renault: Duster], *Когда роскошь и пространство встречаются, когда можно совместить бизнес и комфорт* [Mazda: M 8], *Суперкресло. Управляй!* [Audi: A6L], *Уютное путешествие. Неторопливое наслаждение* [Renault: Latitude] и др.;

3) слоганы с общим значением **«экономичный автомобиль»**: *Мало топлива – много сил* [Ford: Focus], *Экономия топлива – самый верный подход!* [Suzuki: SX4], *Он просит малого, чтобы преодолеть большое пространство* [Suzuki: Alto] и др.;

4) слоганы с общим значением **«автомобиль с хорошим дизайном»**: *Позволь моде завладеть тобой!* [Audi: TT], *Новый образец элитного стиля* [KIA: K5], *Детали находят завершение в стиле* [Jaguar: XJ], *Предельная красота не оставляет никаких шансов!* [BMW: 1], *Изумляющая мир красота* [BMW: 6], *Красота в простоте, отражающая стиль жизни* [KIA: K5], *Самое прекрасное мгновение – прямо перед тобой!* [Mercedes-Benz: CLK] и др.;

5) слоганы с общим значением **«автомобиль с хорошими инженерно-техническими качествами»**: *Превосходные технологии. Позволь себе мчаться с неуёмной радостью* [Honda: Crider], *Наука творчества. Будь верен необычному* [Honda: Accord], *Прорыв технологий. Шаг в будущее* [Audi: Q7], *Авангард технологий, начало будущего* [Toyota: PRIUS], *Технологии, близкие человеку* [Honda: Civic], *Прорыв науки и техники! Будущее воодушевляет!* [Audi: A8], *Ведет за собой время!* [Mercedes-Benz] и др.

Завершая анализ, отметим, что восприятие рекламных текстов, выделение в них ценностей и среди них – приоритетных, происходит далеко не одинаково у представителей разных наций. Здесь многое зависит от особенностей менталитета – культурных и бытовых традиций, социально-экономических особенностей жизни, прошлых и настоящих исторических событий, влияющих на картину мира носителей того или иного языка и т.п. В результате эмоционально-психическое восприятие одного и того же артефакта, обнаруживая ***зоны культурного несовпадения***, может приводить к неодинаковым, а возможно, и противоположным физическим или материальным реакциям / действиям со стороны представителей разных национальностей. Поэтому всякое рекламное сообщение фирмы-производителя или

фирмы-продавца, которые выходят на международное торговое пространство, должно непременно учитывать особенности национального мировосприятия своего адресата, ибо то, что жизненно необходимо для русского, – для китайца вторично. И наоборот. Это убедительно демонстрирует проведённый нами анализ рекламных текстов автомобильной тематики.

Разные ценностные приоритеты того или иного народа, фиксируемые в рекламных слоганах посредством слова, являются, безусловно, ценностными ориентирами для экономической деятельности в автомобильной отрасли: чтобы успешно производить автомобили, надо успешно их продавать; чтобы успешно продавать, необходимо успешно рекламировать; чтобы успешно рекламировать, создатель рекламного текста должен ориентироваться на ценностные ментальные установки того сообщества, в рамках которого этот текст распространяется.

Таким образом, восприятие рекламного сообщения, с одной стороны, непосредственно вплетено в культуру народа и его картину мира, а с другой – связано с общемировым рекламным дискурсом, с правилами и тенденциями информирования о том или ином продукте. Поэтому сегодня уже не будет спорным утверждение о том, что рекламный текст занимает одно из существенных мест в глобальном медиапространстве и представляет собой один из способов межкультурного взаимодействия.

Примечание

[1] Исследования подобного рода проводятся сегодня очень широко и на материале разных языков, см., например: *Вавилина Т.Ю., Мишланова С.Л., Шиморек Я.* Речевая культура и антикультура в современной массовой коммуникации (на материале текстов русского, польского и немецкого сегментов Интернета) // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4(20). С. 112−124.

Список литературы

Учёнова В.В. Реклама и массовая культура. Служанка или госпожа?: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ, 2012. 232 с.

Измайлова М.А. Психология рекламной деятельности. М.: Дашков и К°, 2011. 442 с.

Симонова А.К. Реклама в процессе детерминации социального поведения личности: автореф. … канд. социол. наук. Екатеринбург, 2010. 19 с.

Сивков А.В. Место и роль межкультурной коммуникации в развитии социума: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.

Greene P.J. Keyword advertising, and other invisible uses of third-party trade marks in online advertising. Wellington: Victoria univ. of Wellington, Fac. of law, 2010. 106 p.

Dmitriev S. The Greek slogan of freedom and early Roman politics in Greece. Oxford [etc.]: Oxford univ. press, cop. 2011. 524 p.

Цзюй Хуэйбин. Культурология рекламы. Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета, 2013. 362 с. // 鞠慧冰：《广告文化学》，北京，北京师范大学出版社，2013年，362页。(Ju Huibing. «guang gao wen hua xue». Beijing. Bei jing da xue chu ban she. 2013. 362 p.).

Чжан Жун. СМИ и власть в Китае: проблемы взаимодействия: дис. ... канд. филол. наук: М., 2011. 214 с.

Чэнь Цинхань, Хань Айпин. Обзор создания рекламного дискурса. Кайфэн: Изд-во Хэнаньского университета. 2011. 206 с. // 陈庆汉，韩爱平：《广告语言创作概论》，开封，河南大学出版社，2009年，206页。(Chen Qinghan, Han Aiping. «guang gao yu yan gai lun». Kaifeng. He nan da xue chu ban she. 2011. 206 p.).

Юй Гэньюань. Введение в рекламный дискурс. Пекин: Изд-во китайского радио и телевидения, 2010. 235 с. // 于根元 «语言概论»，北京，中国广播电视出版社，2010年，共235页。(Yu Genyuan. «Yu yan gai lun». Beijing. Zhong guo guang bo dian shi chu ban she. 2010. 235 p.).

References

Chen Qinghan, Han Aiping Obzor sozdanija reklamnogo diskursa. [Review of the advertising discourse development]. Kaifeng: Henan Univ. Publ., 2011. 206 p.

Chzhan Zhun SMI i vlast v Kitaje: problemy vzaimodejstvija: dis. ... kand. filol nauk. [The mass media and power in China: problems of interaction: Cand. Philol. sci. Diss.]. Moscow, 2011. 214 p.

Dmitriev S. The Greek slogan of freedom and early Roman politics in Greece. Oxford [etc.]: Oxford univ. press, cop. 2011. 524 p.

Greene P.J. Keyword advertising, and other invisible uses of third-party trade marks in online advertising. Wellington: Victoria univ. of Wellington, Fac. of law, 2010. 106 p.

Izmajlova M.A. Psikhologija reklamnoj dejatelnosti [The psychology of advertising]. Moscow: Dashkov and K° Publ., 2011. 442 p.

Ju Huibing Kulturologija reklamy [Cultural studies of advertising]. Pekin: Beijing Pedagogical Univ. Publ., 2013. 362 p.

Simonova A.K. Reklama v processe determinacii socialnogo povedenija lichnosti: avtoref. dis. … kand. sociol. nauk. [Advertising in the process of determination of a personality's social behavior: Synopsis of Cand. Sociol. sci. Diss.]. Ekaterinburg, 2010. 19 p.

Sivkov A.V. Mesto i rol' mezhkulturnoj kommunikacii v razvitii sociuma: avtoref. dis.… kand. filol. nauk. [The place and role of intercultural communication in the development of society: Synopsis of Cand. Philol. sci. Diss.]. Moscow, 2011. 24 p.

Uchjonova V.V. Reklama i massovaja kultura. Sluzhanka ili gospozha?: ucheb. posobie [Advertising and mass culture. The maidservant or mistress?]. Moscow: UNITI Publ., 2012. 232 p.

Yu Genyuan. Vvedenije v reklamnyj diskurs [Introduction to the advertising discourse]. Beijing: Chinese Radio and TV Publ., 2010. 235 p.

ADVERTISING TEXT IN TERMS OF CULTURE AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Ning Wan
Lecturer in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

The article considers some of the theoretical aspects of advertising communication as a form of intercultural interaction. It is argued that advertising is a special type of humanitarian-economic activity, being a mixture of national-specific and global features, which inevitably manifest themselves in texts. The practical part of the research is performed for texts advertising automobiles from Russian and Chinese advertising media discourse. The special subject of the analysis is slogans as central and most prominent components of the content of these texts. The results of sociolinguistic research aimed at identifying areas of cultural convergence and divergence in the perception and understanding of texts of car advertisements are provided. The value preferences and taste orientations concerning automobiles that are predetermined by ethnic grounds – living conditions, geography, cultural traditions, peculiarities of life of Russian and Chinese peoples - are identified. The similarities and differences in the attitude towards automobiles detected in Russian and Chinese world-views are classified according to their importance and in terms of gender. It is concluded that the perception of advertising messages is, on the one hand, inseparably linked with the culture of the nation and its world-view, and on the other hand, is connected with the global advertising discourse, its rules and trends of informing about a particular product. Therefore, nowadays the advertising text is of great significance in the global media space and is one of the ways of intercultural interaction.

Key words: world-view; intercultural communication; advertising discourse; media communication; advertising text; advertising slogan; value orientations; gender preferences.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК 81’42

МЕТАФОРЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРНЕТ-ОПОСРЕДОВАННОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Евгения Павловна Богатикова
аспирант, ассистент кафедры немецкой филологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bogatikova.eugene@gmail.com

Статья посвящена изучению метафоры в интернет-опосредованной медицинской коммуникации. Медицинская коммуникация – это процесс передачи знания между статусно и компетентностно неравными участниками (врачом и пациентом), которые вербализуют свои знания разным образом. Метафора является одним из ключевых способов категоризации и концептуализации опыта и, таким образом, отражает знания индивида о мире и своем месте в нем. Можно предположить, что носители асимметричных уровней знания актуализируют информацию об одном событии при помощи разных метафор. Понимание того, как функционирует механизм метафоризации, способствует оптимизации коммуникации между экспертом и неэкспертом. В данной работе приводится обзор работ, касающихся когнитивной теории метафоры, метафорического моделирования, метафоры в дискурсе, особенностей профессиональной коммуникации, особенностей экспликации знания участниками коммуникации. Рассматривается одна из разновидностей метафор – прямая метафора, отличительной чертой которой является прямое указание на область-источник в тексте при помощи слов-маркеров, что упрощает идентификацию данного типа метафоры в дискурсе. Результаты исследования позволили осуществить метафорическое моделирование, продемонстрировать задействование тех или иных областей-источников участниками медицинской коммуникации и сделать соответствующие выводы.

Ключевые слова: медицинская коммуникация; прямая метафора; коммуникация знания; метафорическое моделирование.

Разработка концептуальной теории метафоры началась Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и продолжилась в дальнейшем в работах представителей когнитивной лингвистики (Э. МакКормак, М. Тернер и Ж. Фоконье, А. Н. Баранов, А.П.Чудинов, С. Л. Мишланова, Л. М. Алексеева, Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырев, Е. В. Исаева). В теории концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в 1980 г., метафора впервые рассматривается не как литературный и риторический прием, а как когнитивный ресурс, играющий важную роль в процессе концептуализации и понимания действительности. Для данного направления характерно понимание метафоры как «основной ментальной операции» [Будаев 2006, 2007], «вербализированного приема мышления о мире» [Lakoff 1980], при помощи которого мы понимаем абстрактные понятия и можем рассуждать о них. В основе когнитивного механизма, функционирующего в процессе мышления и речи, лежит перенос знаний из одной концептуальной области в другую концептуальную область, т.е. схематическая образная структура области-источника проецируется на область-цель, которая структурируется по образцу области-источника, при этом вторая концептуальная область (область-цель) понимается через призму первой (области-источника) [Будаев 2006; Alekseeva 2014; Barcelona 2003; Lakoff 1980].

Метафорический язык как поверхностное проявление концептуальной метафоры [Cienki 2002] становится возможным именно потому, что метафоры существуют в понятийной системе человека. Поэтому значение метафорически употребленного слова также является частью общей понятийной системы человека и определяется особенностями концептуализации мира человеком, которые, в свою очередь, обусловлены опытом его взаимодействия со средой и способностью к мышлению [Чудинов 2001]. Таким образом, любая метафора является результатом категоризации и концептуализации опыта, именно поэтому асимметричные типы знания будут

© Богатикова Е.П., 2015

вербализовываться при помощи разных метафор. Метафора определяется как когнитивный механизм репрезентации знания (от наивного до профессионального и научного) [Мишланова 2002], основанного на концептуальном переносе инвариантного фрейма из области-источника в область-цель [Lakoff 1980]. Метафора актуализируется на семиотическом, концептуальном и прагматическом уровнях дискурса и является одной из стратегий вербализации и популяризации научной информации. Усвоение специального знания происходит с опорой на фоновые знания, которые проецируются на концептуальную область интерпретируемого дискурса и способствуют категоризации нового знания.

В тексте метафора может быть представлена одним или несколькими предложениями, словосочетанием, словом или морфемой. При этом для когнитивного направления является несущественным разграничение глагольных и именных, предикативных, адъективных и других видов метафоры, выделяемых на основе собственно языковых признаков, так как язык представляет собой единый континуум символьных единиц. Метафоры, состоящие из более чем одного предложения, могут репрезентироваться конструкциями, в которых элементы связаны параллельными или цепными связями. Конструкции с цепной связью отражают последовательное движение мысли, при котором каждое последующее предложение развивает предшествующее, а параллельная связь в конструкциях осуществляется благодаря параллелизму структуры предложений [Мишланова 2008].

Голландский ученый Г. Стейн предлагает изучение метафоры в виде трехмерной модели, которая реализуется в трех измерениях (направлениях) исследования: 1) метафора в языке как семиотической системе (metaphor in grammar), 2) метафора в концептуальной системе (metaphor in thought), 3) метафора в коммуникации (metaphor in communication).

Комплексное трехмерное исследование метафоры осуществляется по следующим направлениям, или измерениям: лингвистическое, концептуальное и коммуникативно-прагматическое. Лингвистическое направление разделяет метафору на прямую (direct metaphor) и непрямую (indirect metaphor). Характерной чертой прямой метафоры является то, что концептуальная область-источник представлена в тексте напрямую, а не имплицитно, как в непрямой метафоре, а прямые концептуальные структуры интегрируются в целевой домен, но при этом сохраняют свою автономность [Steen 2007, Исаева 2013]. Как правило, сравнение в прямой метафоре происходит посредством ввода сигнальных слов, таких как *как будто, словно, как, так называемый*, или самостоятельно. Такое положение дел и послужило мотивом к изучению именно прямых метафор в дискурсе медицинской коммуникации: их сравнительно несложно идентифицировать в корпусе, осуществляя поиск по словам-маркерам.

Концептуальное направление рассматривает феномен новизны (novelty) и конвенциональности (conventionality) метафоры. Первый тип метафор не зафиксирован в толковых словарях и не запечатлен в концептуальных системах носителей языка. Восприятие и понимание таких метафор происходит при задействовании концептуальных структур домена источника. Конвенциональные метафоры отличаются фиксированной репрезентацией в толковых словарях и сознании индивидов, что приводит к их непосредственной активизации из концептуальных систем без процесса наложения понятийной схемы области-источника на область-цель [Steen 2007, Исаева 2013].

В коммуникативном измерении метафора дифференцируется по признаку намеренности (deliberateness) и ненамеренности (non-deliberateness). Намеренность использования метафоры в коммуникации связана с понятиями осознанности и интенции. Использование намеренных метафор подразумевает определенную степень осведомленности членов коммуникации об использовании метафоры как специфического инструмента общения. Намеренная метафора – это явное, очевидное «приглашение» со стороны отправителя адресату выйти за рамки основной области дискурса (целевого домена) и посмотреть на нее из другой области (домена-источника). Иными словами, коммуникативная цель намеренной метафоры заключается в изменении отношения адресата к происходящему в данный момент дискурсивному событию и в силу этого создании концептуальной интеграции, создании нового значения. Следует подчеркнуть, что согласно классификации Г. Стейна все прямые метафоры и новые метафоры являются намеренными, так как они побуждают сознательное обращение к области-источнику [Steen 2007, Исаева 2013].

Академический интерес к метафоре в сфере здравоохранения был инициирован Сьюзан Зонтаг в 1978 г. [Sontag 1978], которая продемонстрировала в своих работах, что тяжелые заболевания, в частности рак, репрезентируются через предметную область войны, и доказала, что в медицинской коммуникации метафоры играют значительную роль. Такое исследование, как и многие подобные работы, подтверждает тот факт,

что метафоры всегда присутствовали и будут присутствовать в этом типе дискурса.

Исследование использования метафор в контексте медицинской коммуникации следует начать с определения самой коммуникации как двустороннего процесса, подразумевающего передачу и усвоение знания. Традиционная коммуникативная модель предполагает наличие адресанта, сообщения, ситуации и адресата и может быть представлена в вербальной или невербальной форме или одновременно в обеих в случае мультимодальной коммуникации. Для коммуникативной ситуации, рассматриваемой в данной работе, а именно для взаимодействия эксперта (врача) и неспециалиста (пациента), эта модель может быть предствлена следующим образом: адресант (врач) передает сообщение (специальное знание) в ходе консультации (реализации медицинского дискурса) адресату (пациенту) или наоборот.

Медицинская коммуникация как один из типов медицинского дискурса рассматривается как речемыслительная деятельность в специальной сфере, где формируются, накапливаются и репрезентируются разные типы знания [Богатикова 2013]. Данному типу коммуникации свойственны статусно-ролевые отношения между участниками общения (в нашем случае – пациента и врача). Участники такой коммуникации преследуют единую цель общения – определение оптимального способа разрешения медицинской проблемы.

Знание, передача которого осуществляется в процессе коммуникации, определяется как обоснованное убеждение (мнение), разделяемое членами эпистемического сообщества. Ратификация убеждений (мнений) осуществляется с опорой на критерии (стандарты), принятые группой носителей знаний и включающие в себя достоверные наблюдения, умозаключения, основанные на предшествующем опыте, а такде обращение к источнику информации [Alekseeva 2013, Van Dijk 2012]. Специальное знание – это система концептов, формирующаяся в процессе специальной (профессиональной) деятельности. Профессиональный опыт «приобретается рефлексирующим сознанием в процессе целенаправленной деятельности индивида» [Голованова 2008: 73] в специальной сфере. Различия в опыте ведут к различиям в знании [Кравченко 2001].

Асимметрия в уровнях знания приводит к появлению неоднозначности в коммуникации врача и пациента, а это именно то, появления чего следует избегать в процессе передачи и восприятия такого типа знаний. Одним из возможных способов устранения неоднозначности является намеренность использования языковых единиц (targeted language use), а в частности – намеренное использование метафоры для вербализации специального знания.

Материалом исследования особенностей метафоризации в медицинской коммуникации послужили интернет-консультации врачей на американском медицинском сайте (doctorspring.com), а именно 400 диалоговых комплексов (пары вопрос пациента – ответ врача). Данный сайт предоставляет медицинские услуги: врачи могут проконсультировать пациентов по вопросам их физического здоровья. Подобные интернет-ресурсы представляют собой фактическое взаимодействие базовой пары участников (врач-пациент), имитируют реальную медицинскую консультацию, которая, несмотря на то что является интернет-опосредованной, демонстрирует действительную коммуникацию в контексте обращения за медицинской помощью и ее оказания.

Взятые для анализа 400 диалоговых комплексов, состоящих из вопроса пациента с последующим ответом врача, были распределены на два подкорпуса: экспертный (подкорпус врача) и неэкспертный (подкорпус пациента). Такое деление позволило осуществить количественный анализ, поиск необходимых лексем, процедуру идентификации метафоры и в итоге дать понимание того, как одно и то же событие представлено по-разному коммуникаторами с асимметричным уровнем знаний.

При анализе диалоговых комплексов можно выделить смысловые отрезки, в которых пациент вербализует свою жалобу, а врач трансформирует эту жалобу в медицинскую проблему. Такие отрезки, как правило, следуют после формальных приветствий и предшествуют рекомендациям врача. Эта часть коммуникации демонстрирует репрезентацию одного и того же концепта, болезни или здоровья, или одной и той же ситуации. Описание жалобы пациентом и медицинской проблемы врачом осуществляется с использованием различных языковых единиц. В частности, репрезентация этих знаний происходит с задействованием метафор. Изучение процесса метафоризации позволяет понять концептуальные структуры обоих участников коммуникации и увидеть разницу в репрезентации асимметричных типов знания [Полякова 2010].

Работа с материалом осуществлялась с использованием информационной системы «Семограф» [Белоусов 2013], которая дает возможность создать базу данных с дальнейшим использованием и изучением любых компонентов этих данных. При помощи функций данной системы была выполнена операция поиска слов-маркеров (та-

ких как *like, as, as if, so-called*), которые позволили определить местоположение прямых метафор в тексте. Далее с помощью «Процедуры идентификации метафоры» (Metaphor Identification Procedure), разработанной исследовательской группой Pragglejaz [Steen 2010], были отобраны все слова и словосочетания, которые можно маркировать как метафору.

Частота доменов-источников у участников медицинской коммуникации, %

Домены-источники	**Участники коммуникации**	
	Врач	**Пациент**
Живая природа	36,6	34,1
Неживая природа	11,7	16,7
Человеческое тело	1,5	4,1
Окружающая среда/явления природы	0,5	2,7
Быт	8,4	7,4
Наука	2	4,5
Социальная/профессиональная деятельность	23,5	23,8

Обратившись к анализу доменов-источников, задействованных в концептуализации знания экспертами (врачами) и неэкспертами (пациентами), удалось построить модель вербализации знания при помощи прямых метафор. Все найденные метафоры в модели сведены в несколько таксонов, каждый из которых представляет предметную область, из которой был сделан концептуальный перенос. Среди таких областей были выделены следующие: ЖИВАЯ ПРИРОДА, НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО, ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА/ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ, БЫТ, НАУКА, СОЦИАЛЬНАЯ/ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПОЛИТИКА/ВОЙНА (см. таблицу).

Было выявлено, что при трансляции знания врач чаще всего обращается к таким предметным областям-источникам, как ЖИВАЯ ПРИРОДА (this virus is like a beast, looks like a pea), СОЦИАЛЬНАЯ/ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (the pills are like killers, they work like professionals), ПОЛИТИКА И ВОЙНА (this is a sort of attack, so-called army). Частое обращение врачей к области войны и политики врачами связано с их профессиональным опытом и своеобразным видением ситуации: специалист отчетливо понимает проблему и репрезентирует ее как объект, против которого направлены действия субъектов ситуации (врача и пациента), дополняя это использованием активного залога с субъектом действия и пассивного – с объектом (to attack the virus, to suppress the symptoms).

Следует также отметить, что нарративу пациента характерна обратная ситуация: неспециалист видит себя объектом действия, против которого действует некий субъект (болезнь). Превалирование у неспециалиста метафор с доменом-источником из области ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО объясняется частым использованием номинаций одних органов тела и свойств, присущих им, для описания других явлений. Такая ситуация объясняется невысоким уровнем абстракции неспециалиста и обращением в связи с этим к понятной, материальной и уже хорошо изученной области (medicine looks like snot, in the form of an eye).

В ходе анализа были отмечены следующие различия при экспликации информации о медицинской проблеме: врачи, являясь доминирующим участником коммуникации, нередко используют языковые стратегии для убеждения пациента в принятии нужного решения, демонстрации эмпатии, повышения уровня комплайенса (от англ. compliance –

приверженность терапевтическим методам). Зачастую врач дублирует заданные пациентом метафоры, перекрывая, таким образом, свое концептуальное поле и погружаясь в систему концептов пациента. Этим объясняется высокий процент повторения метафор у обоих участников коммуникации, в частности метафор, полученных путем концептуального переноса из области-источника БЫТ (this suspension is like a milkshake, it looks like a chocolate bar).

Результаты исследования показали различия в использовании метафор в процессе медицинской коммуникации экспертом и неспециалистом. Репрезентация специального знания в жалобе пациента и ее трансформация в медицинскую проблему актуализируется по-разному. Можно предположить, что подобные расхождения в репрезентации одной и той же ситуации могут привести к неоправданным ожиданиям адресата и низкой эффективности коммуникации знания.

Ввиду языковых и концептуальных различий при репрезентации знания между врачом и пациентом может возникнуть неопределенность или двусмысленность в процессе коммуникации. Механизм возникновения такой неоднозначности или двусмысленности можно представить следующим образом: специальное знание трансформируется в термин, метафору или метафорический термин, которые впоследствии не вызывают появления аналогичных ассоциаций в сознании адресата. Таким образом, неоднозначность на языковом уровне может привести к искажениям в концептуальном измерении, в результате чего передача знания осуществится частично или не осуществится вовсе.

Понимание механизма метафоризации играет одну из ключевых ролей в процессе передачи и усвоения информации. Разные типы знания по-разному эксплицируются в дискурсе, ввиду этого следует принимать во внимание опыт адресата для реализации эффективной коммуникации и ее целей.

Список литературы

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Когнитивные операции при порождении актуального значения идиомы// Язык и культура: материалы конф. М., 2005. Вып. 3. С. 84–85.

Белоусов К.И. Временные модели когнитивной деятельности (на материале экспертного анализа текстового контекста) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. №4. С.72–77.

Богатикова Е.П., Мишланова С.Л., Филлипова А.А. Особенности представления специального знания в медицинском дискурсе // ИСОМ. 2014. №3 (25). С.215–217.

Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. №1. С.19–35.

Будаев Э. В. Чудинов А. П. Когнитивные и риторические истоки «Метафор, которыми мы живем» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2006. №6 (61). С.68–70.

Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М.: Изд-во «Элпис», 2008. 304 с.

Исаева Е. В. Модели метафоры в дискурсе компьютерной безопасности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013.

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5–20.

Кравченко А. В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001. 260с.

Мишланова С.Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 160 с.

Мишланова С. Л. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты) / С. Л. Мишланова, Т. И. Уткина / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. 428 с.

Полякова С. В., Мишланова С. Л. Метафорическое представление о болезни в непрофессиональном медицинском дискурсе России и США // Вестник Вятского гос. гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2010. № 1 (2). С. 60–62.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238с. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm (дата обращения: 20.01.2015).

Alekseeva L., Isaeva E., Mishlanova S. Metaphor in Computer Virology Discourse // World Applied Sciences Journal. 2013. 27 (4). P. 533–537.

Alekseeva L. M., Mishlanova S. L., Nakhimova E. A., Tchudinov A. P. The research of metaphor in the Ural linguistic school // Life Science Journal. 2014. 11 (12). P. 315–320.

Barcelona A. Introduction. The Cognitive Theory of Metaphor and Metonymy // A. Barcelona (ed.). Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 1–30.

Cienki A. Questions about mental imagery,

gesture, and image schemas // Journal of Mental Imagery. 2002. 26. P. 43–46.

Dijk Van T. A. Discourse and Knowledge// James Paul Gee - Michael Handford (eds.). Handbook of Discourse Analysis. L.: Routledge, 2012. P. 587–603.

Faber P., Sánchez M. Codifying conceptual information in descriptive terminology management // Meta 46. 2001. №1. P. 192–204.

Fillmore C. J. Frame semantics // Cognitive linguistics: Basic readings. 2006. 34. P. 373–400.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.

Sontag S. Illness as Metaphor. New York, Farrar, Straus and Giroux, 1978.

Steen G. A Method for Linguistic Metaphor Identification/G. Steen, A. Dorst at al. Amst.: John Benjamins, 2010. 238 p.

Steen G. Finding Metaphor in Grammar and Usage. John Benjamins Publishing Company, 2007. 425 p.

References

Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Kognitivnye operacii pri porozhdenii aktual'nogo znachenija idiomy [Cognitive operations of an idiom's relevant meaning production]. Jazyk i kul'tura: materialy konferencii. [Language and culture: conference proceedings]. Moscow, 2005. Iss. 3. P. 84-85.

Belousov K. I. Vremennye modeli kognitivnoj dejatel'nosti (na materiale ehkspertnogo analiza tekstovogo konteksta) [Temporal models of cognitive activity: a case study of expert analysis of textual context]. Vestnik Permskogo Universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 4. P. 72-77.

Bogatikova E. P., Mishlanova S. L., Fillipova A. A. Osobennosti predstavlenija special'nogo znanija v medicinskom diskurse [The peculiarities of special knowledge representation in medical discourse]. ISOM. 2014. №3 (25). P. 215-217.

Budaev Eh. V. Stanovlenie kognitivnoj teorii metafory [Formation of metaphor cognitive theory]. Lingvokul'turologija [Linguocultural Studies]. 2007. №1. P. 19-35.

Budaev Je. V. Chudinov A. P. Kognitivnye i ritoricheskie istoki «Metafor, kotorymi my zhivem» [Cognitive and rhetorical basis for the "Metaphors we live by"]. Vestnik JuUrGU. Serija: Lingvistika [SUSU Bulletin: Linguistics]. 2006. № 6(61). P. 68-70.

Chudinov A. P. Rossija v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991-2000) [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg, 2001. 238 p. Available at: http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm (accessed: 20.01.2015).

Golovanova E. I. Kategorija professional'nogo dejatelja: Formirovanie. Razvitie. Status v jazyke. [A category of a professional personality: Formation. Development. Language status]. Moscow: Izd-vo «Jelpis» Publ., 2008. 304 p.

Isaeva E. V. Modeli metafory v diskurse komp'juternoj bezopasnosti: avtoreferat dis. ... kandidata filol. nauk. [Models of metaphor in computer virology discourse: Synopsis of Cand. philol. sci. Diss.]. Perm, 2013.

Karasik V. I. O tipakh diskursa [On discourse types]. Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs [A linguistic personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, 2000. P. 5-20.

Kravchenko A. V. Znak, znachenie, znanie: Ocherk kognitivnoj filosofii jazyka. [A sign, meaning, knowledge: an outline of cognitive philosophy of language]. Irkutsk: Irk. obl. tipografija № 1 Publ., 2001. 260 p.

Mishlanova S. L. Metafora v medicinskom diskurse [Metaphor in medical discourse]. Perm: Perm St. Univ. Publ., 2002. 160 p.

Mishlanova S. L. Metafora v nauchno-populjarnom medicinskom diskurse (semioticheskij, kognitivno-kommunikativnyj, pragmaticheskij aspekty): [Metaphor in popular science genre of medical discourse: semiotic, cognitive-communicative, pragmatical aspects] / S. L. Mishlanova, T. I. Utkina. Perm, 2008. 428 p.

Poljakova S. V., Mishlanova S. L. Metaforicheskoe predstavlenie o bolezni v neprofessional'nom medicinskom diskurse Rossii i SShA [Metaphorical representation of disease in non-professional Russian and American medical discourse]. Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologija i iskusstvovedenie [The Bulletin of Vyatka State Humanities University. Philology and Art Criticism]. 2010. №1(2). P. 60-62.

METAPHORS IN THE CONTEXT OF ONLINE HEALTH COMMUNICATION

Evgeniya P. Bogatikova
Postgraduate Student, Lecturer in the Department of German Philology
Perm State University

This article is devoted to study of metaphors in online health communication. Health communication is a process of knowledge transfer and knowledge acquisition between status- and competence-unequal participants (a doctor and a patient), who verbalize their knowledge in different ways. For metaphor is one of the key ways of categorization and conceptualization of experience, it reflects an individual's knowledge about the world and his place in it. Hence, it can be assumed that participants with asymmetric levels of knowledge represent information about the same event by using different metaphors. Understanding of the mechanism of metaphorization helps to optimize communication between an expert and a non-expert. In this paper we present a review of studies concerning the cognitive theory of metaphor, metaphorical modeling, metaphor in discourse, peculiarities of professional communication, knowledge communication within medical discourse. Here is considered one of the types of metaphors – a direct metaphor, whose distinguishing feature is a direct reference to the source-domain in the text using marker words, which simplifies identification of this type of metaphor in discourse. Results of the study made it possible to implement metaphorical modeling and draw appropriate conclusions relating to the source-domain concepts usage.

Key words: health communication; direct metaphor; knowledge communication; metaphorical modeling.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК 81’ 42 (082)

СОВРЕМЕННЫЙ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИКИ[1]

Валерий Александрович Мишланов
д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. mishl@psu.ru

Владимир Александрович Салимовский
д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614033, Пермь, ул. Кузбасская, д. 26, кв. 16. salimovski@rambler.ru

В статье освещаются актуальные проблемы лингвоконфликтологии и судебной лингвистики, анализируются положения Закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности», связанные с *речевым экстремизмом,* проявляющимся в текстах церковно-религиозной сферы. Подчеркивается, что тексты религиозного дискурса в значительно большей мере, чем другие тексты «дискурса вражды» (например, направленные на возбуждение этнической или социальной ненависти), «сопротивляются» объективной юридической квалификации и правоприменительной практике. Решение проблем правоприменения в сфере религиозного экстремизма требует, по мнению авторов, совместного участия правоведов и лингвистов-экспертов, при этом к компетенции лингвистики относятся не только вопросы юрислингвистики и методики лингвистической экспертизы конфликтогенного текста, но и лингвистическое обеспечение законотворческого процесса (особенно в том случае, когда дело касается правового регулирования речевой коммуникации). Выявляются языковые и семиотические особенности текстов различных жанров церковно-религиозного дискурса. Отмечается, что т.н. «богодохновенные» тексты, т.е. священные тексты мировых религий (такие как Библия, Коран, Авеста и др.), возникшие в глубокой древности и в течение многих веков служившие (и продолжающие служить в наше время) семиотической базой духовной культуры этносов, принадлежащих к той или иной мировой религии, не могут быть объектом правового регулирования, в отличие от современных проповеднических и иных текстов религиозного дискурса, в которых с определенными коммуникативными целями интерпретируются те или иные фрагменты священного текста. Авторы приходят к выводу, что в существенной доработке нуждается законодательная и лингвистическая база правоприменения в отношении коммуникативной деятельности т.н. деструктивных (тоталитарных) сект – таких как «Саентология», «Свидетели Иеговы» и др. Отмечается, в частности, что антиэкстремистское законодательство России не дает достаточных оснований для запрета проповеднической деятельности руководителей большинства сект, в то же время не вызывает сомнений, что во многих случаях их деятельность несет угрозу обществу и поэтому должна быть запрещена. Подчеркивается, что правовая квалификация речевой деятельности проповедников деструктивных религиозных учений обеспечивается комплексной экспертизой, с участием не только лингвистов, но и специалистов многих других областей гуманитарного знания.

Ключевые слова: церковно-религиозный дискурс; богодохновенность как семиотическое понятие; семиозис; семиосфера; речевой экстремизм; лингвистическое обеспечение законодательства; правоприменительная практика; судебная лингвистическая экспертиза.

Наш немалый опыт в области судебной лингвистической экспертизы дает основания для вывода, что из разнообразного (в жанровом и содержательном отношении) множества конфликтогенных текстов наиболее проблемными в плане юридической квалификации и правопри-

© Мишланов В.А., Салимовский В.А., 2015

менительной практики являются тексты церковно-религиозной сферы[2]. В комментариях ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Федеральный закон «О противодействии…» 2006] юристы и правозащитники подчеркивают, что причины этого коренятся в несовершенстве данного закона, причем не столько вербальной стороны («буквы») закона, сколько его идеологии. Усовершенствовать антиэкстремистское законодательство предлагается весьма радикальным способом – попросту отменив означенный закон. По мнению С.А. Бурьянова, «инструментом наиболее массовых и системных преследований служит Федеральный закон № 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" и набирающая обороты бессмысленная, беспощадная и антиправовая по своей сути борьба с так называемым «религиозным экстремизмом… Очевидно, что применение «безразмерного» термина религиозный экстремизм несет угрозы правам человека и основам конституционного строя, а следовательно, создает угрозы безопасности личности, общества, государства. В целом неадекватная научно-теоретическая разработанность проблематики свободы совести и светскости государства в сочетании с некомпетентной политикой власти и корпоративными интересами доминирующих конфессий предопределили системный характер нарушений в данной области» [Бурьянов: эл. ресурс].

В обоснование критики закона об экстремизме исследователи (как правоведы, так и лингвисты) ссылаются на не самые удачные, по их оценкам, опыты правового применения закона (см., например: [Бурьянов 2009]). В частности, Макаровский районный суд Сахалинской обл. 08.10.2011, учитывая выводы экспертов, вынес решение о признании экстремистскими восьми изданий секты «Свидетели Иеговы». Однако здесь, судя по всему, нет признаков экстремизма: не только «Свидетели Иеговы», но и православные, католики, представители других конфессий противопоставляют земной, грешный (созданный людьми) мир небесному, безгрешному, божественному и исходят из представления об истинности только своей религии, ее преимуществе перед другими религиозными учениями. Как отмечается в комментарии, «единственная фраза в решении, которая обосновывает признание материалов экстремистскими, это следующее: имеются признаки побуждения к действиям, а именно «принимать волю Бога», «изучать Библию», «исполнять наставления Бога», «не вступать в связь со злыми духами», «не дать им обмануть себя», «отвергать зло в любом его проявлении», имеются высказывания, негативно оценивающие священников, имеются высказывания, негативно оценивающие форму общественного устройства (системы), созданного людьми, наличие высказываний о преимуществе одной религии перед другой» [Анисимов: эл. ресурс].

Очевидны правоприменительные ошибки, связанные с подменой юридического понятия «экстремистская деятельность», содержание и объем которого определены законом, обыденными представлениями об экстремизме как приверженности любым крайним взглядам в социальной сфере. В результате под понятие «экстремизм» подводится неопределенно широкий круг асоциальных явлений, например, содержание брошюры, «в которой высказывалась необходимость воздерживаться от переливания крови». Анализируя фрагмент публикации в журнале «Пробудитесь!» от 22 октября 2000 г. (*Служба в Советской армии была обязательной для юношей 18-летнего возраста. Основываясь на знании Библии, я решил во что бы то ни стало придерживаться нейтралитета в отношении дел мира, что означало отказ от службы в Советской армии*), эксперт приходит к выводу: «Событие отказа от военной службы описывается автором с положительной оценочностью – как праведный поступок… Следовательно, в тексте брошюры «Пробудитесь!» от 22 октября 2000 года содержится побуждение к отказу от исполнения гражданских обязанностей, связанных с военной службой» [Анисимов: эл. ресурс]. Подчеркнем в связи с этим, что даже побуждение к отказу от службы в армии по каким-либо мотивам не может интерпретироваться как призывы к экстремистским действиям (см. ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»). К тому же эксперт обязан точно характеризовать семантику высказывания, не отождествляя положительную оценку с побуждением (призывом).

Необходимость совершенствования антиэкстремистского законодательства, как, впрочем, и других правовых актов, регламентирующих социальное речевое взаимодействие, не вызывает сомнений, но вряд ли правы те, кто призывает отменить закон об экстремизме, видя в нем лишь инструмент для подавления прав и свобод граждан (см. об этом: [Мишланов, Салимовский 2013], где мы попытались показать, что многие критические оценки положений ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» не

имеют серьезных оснований). Более всего доработки требуют те положения закона, которые касаются проявлений религиозного экстремизма. Похожей точки зрения придерживаются и юристы; ср.: «На наш взгляд, законодательство, направленное на противодействие политическому экстремизму и тем формам, которые имеют политический характер, представляет собой достаточно развитую систему нормативных актов. Иное дело – собственно религиозный экстремизм, специфика и различные проявления которого не получили еще сколько-нибудь удовлетворительного отражения в законодательстве» [Макаров… 2005: 8].

С нашей точки зрения, совершенствование законодательной деятельности в указанной области предполагает углубленное изучение специфики социальных отношений и коммуникации в религиозной сфере, обязательный учет этой специфики при регулировании социального взаимодействия на базе существующих правовых норм.

Для решения означенных проблем необходимо исследовать в разных аспектах, но прежде всего под углом зрения лингвопрагматики и лингвоконфликтологии, особенности современного церковно-религиозного дискурса.

Представляется целесообразным типологизировать образующие его тексты по признаку «субъект речи». В этом случае будем различать:

1. Тексты, воплощающие Божественное Откровение (Библия, Коран, Танах, Типитака и др.).

2. Тексты, содержание которых определено Церковью как религиозным институтом. Сюда входят речевые произведения, а) представляющие каноническое учение (символы веры, священные предания, молитвословы и др.) и б) излагающие официальную позицию Церкви по тем или иным вопросам религиозной или общественной жизни.

3. Тексты, автором которых является священник – конкретный человек (личность), наделенный правом быть проводником богооткровенного и церковного учения. Это различные проповеди – экзегетические и догматические, в которых изъясняется религиозная доктрина, раскрывается содержание важнейших религиозных истин, апологетические, миссионерские, а также нравоучительные, предполагающие противопоставление разных смысловых позиций – истинной и ложной, нравственной (духовной) и безнравственной.

4. Тексты религиозной публицистики. Особенность речевых произведений этого класса состоит в том, что их автор – служитель Церкви или мирянин – выражает не только и не столько религиозное мировоззрение, сколько определенную общественно-политическую позицию, отстаивает интересы определенной социальной группы.

В ином ракурсе (с точки зрения содержания и коммуникативной направленности) тексты церковно-религиозного дискурса можно разделить на следующие типы: 1) вероучительные тексты, т.е. «богодухновенные» Писания и богословские комментарии к ним; 2) богослужебные тексты (на русском и ц.-сл. яз.), молитвы канонические и иные; 3) проповеднические тексты (гомилетика, церковная публицистика, тексты, ставящие основной коммуникативной целью исправление нравов, духовное воспитание); 4) прозелитические тексты (имеющие целью обращение иноверцев, вовлечение в секту новых членов, а также воцерковление мирян); 5) экуменические тексты (позитивное межконфессиональное общение).

Тексты первого типа (в обеих классификациях), называемые священными (сакральными), богодухновенными, занимают особое положение в религиозном дискурсе и в пространстве духовной культуры в целом. Танах и Библия (Ветхий и Новый Заветы), Ригведа, Коран, Авеста и др., будучи древнейшими образцами литературы мирового значения и образующие своего рода фундамент духовной культуры современных цивилизаций (географические границы которых во многом совпадают с ареалами мировых религий), сыграли выдающуюся роль и в истории национальных литературных языков.

Религия, сменяющая языческие формы верований, отличается от последних особым свойством, которое можно определить как ортодоксальность и «доктринальность». Религия есть вероучение, требующее (как таковое) особых коммуникативных условий: письменной фиксации и кодификации вероучительных текстов. Так возникают особого рода тексты (Писания), бытие которых существенно отличается от функционирования иных текстов, не имеющих прямого отношения к какому-либо вероучению и богослужению. Такие тексты характеризуются качеством, именуемым в богословии *богодохновенность* (иначе – *боговдохновенность*, *богодухновенность*) и осмысливаемым как результат «особого воздействия Св. Духа на провозвестников Божественного Откровения» и как «свойство писаний, в силу которого они являются как бы словом самого Бога, а не личным созданием их

авторов» [Полный православный богословский словарь 1992: 350]. «При этом, однако, – продолжают авторы словаря, – дух человеческий, становясь таким образом орудием сообщения Божественного Откровения, сохраняет и деятельно проявляет все свои силы и способности» [там же].

Думается, что понятие богодохновенности допускает не только богословскую, но и филологическую, точнее, семиотическую трактовку, ибо в конечном счете богодохновенность текстов есть следствие особого отношения к ним человека. С точки зрения прагматики (как особого семиотического измерения), богодохновенность текста интерпретируется как такое его свойство, которое предполагает наличие тайных смыслов. Именно из этой презумпции исходит читатель (верующий, воспринимающий текст некритически, не апеллирующий к разуму).

В силу особого отношения к Писанию, в силу его особого статуса в духовной жизни людей священный текст постоянно воспроизводится, причем не только в процессе богослужения, но и в художественном творчестве, в интеллектуальном процессе, даже в повседневном общении. Семиотические особенности «богодохновенных» текстов заключаются также в том, что их генезис – это чрезвычайно длительный и сложный процесс (а до письменной фиксации многие из этих текстов существовали в устной традиции). Их движение во времени и пространстве, многократное воспроизведение (переписывание, цитирование) – всякий раз в новых условиях, в новом контексте – неизбежно сопровождалось изменениями не только в смысловом плане, но и в их поверхностной структуре. Особенно значительны изменения текста в его устном бытии, но и письменные тексты претерпевали определенные трансформации – в результате невольных ошибок при переписывании либо сознательного редактирования.

Этими семантическими сдвигами могут быть объяснены некоторые «неясности» сакрального текста с тысячелетним генезисом. Но, думается, не только ими. Неясность сакрального (шире – поэтического) текста – одно из его сущностных свойств, а вовсе не свидетельство его ущербности. Подлинная поэзия не предполагает простоты и ясности, но, напротив, заключает в себе тайну, нечто такое, что не постигается рационально. Умберто Эко в «Заметках на полях романа *Имя розы*» пишет: «Поэтическое качество я определяю как способность текста порождать различные прочтения, не исчерпываясь до дна» [Эко 1989: 432].

Не случайно еще в древности родилось искусство герменевтики, или толкования, интерпретации текстов, и сложились различные методы экзегетики религиозных текстов – извлечения, выведения (так переводится с греч. слово ἐξήγησις) скрытых, подразумеваемых смыслов. В иудейской и христианской традиции использовалась четырехступенчатая экзегетика Библии, предполагающая интерпретацию текстов на четырех уровнях смысла: «буквальный смысл, *тропологическое, или моральное* (нравственное) толкование, *аллегорическое или типологическое* толкование, *анагогическое толкование*, связанное с реальностями духовного мира» [Десницкий 2011: 99] (в иных терминах: буквальный, метафорический (аллегорический), тропологический, или нравственный (как результат этической трактовки аллегорий), и анагогический, или высший символический смысл).

Как отмечает Н.Б. Мечковская, «с точки зрения семиотики… язык и религия – это две самобытные знаковые системы, обладающие своим содержанием и своим способом передачи этого содержания. План содержания языка [концептосфера] и план содержания религии [вероучение] – это два разных образа мира (две картины, две модели мира), поэтому в терминах семиотики язык и религия – это две моделирующие семиотические системы» [Мечковская 1998: 3]. Добавим, что религия как некая концептосфера, как комплекс вероучительных текстов (и их экзегез – толкований, идущих из «старины глубокой») с бесконечным содержанием является все же вторичной моделирующей системой, о чем, впрочем, в цитируемой работе чуть ниже пишет сама Н.Б. Мечковская: «Можно сказать, что язык – это универсальное средство, техника общения; религия – это универсальные смыслы, транслируемые в общении, заветные смыслы, самые важные для человека и общества» [там же: 4].

Итак, священные писания приобретают в пространстве духовной культуры особый семиотический статус: они воспринимаются как знаки, исполненные высшей духовности, мудрости и нравственного совершенства, поэтому имеющиеся в священных текстах языковые формы и смыслы становятся образцовыми и используются во всех книжных стилях национального языка. Библия в христианском мире, Коран и Сунна у мусульман явно или незримо присутствуют в *семиосфере* и в той или иной мере участвуют в *семиозисе*[3].

По-видимому, в противоречие с законом в той или иной мере могут вступать лишь тексты, не являющиеся священными (богооткровенными, содержащими символ веры, канонические молитвы и др.), т.е. в основном речевые произведения 3-й и 4-й групп (в частности, проповеднические и прозелитические). Потенциально конфликтными являются прежде всего тексты тех жанров, которые предусматривают противопоставление одних религиозных и идеологических взглядов другим – выступления иерархов Церкви по межконфессиональным и общественно-политическим вопросам, апологетические и миссионерские проповеди, религиозно-публицистические произведения.

Священные писания мировых религий и богослужебные тексты с многовековой традицией, каким бы ни было содержание тех или иных их частей, не могут (не должны) оцениваться с позиций современного права. В аспекте прагматики, т.е. с точки зрения пользователя (в данном случае верующего), в Писании святы (и истинны) и буква, и дух, с позиций же иноверца или атеиста, содержание такого текста не обладает непогрешимостью и вполне допускает негативные оценки. Между пользователем и богодохновенным текстом стоит богослов и филолог, толкователь, чья область деятельности – герменевтика и экзегетика.

Но богословские толкования богодохновенного текста сами не могут претендовать на этот статус, и к ним необходимо подходить с вполне «земными» мерками, в частности, оценивая их с точки зрения права. И если новое (современное) толкование какого-либо древнего священного текста не согласуется со столь же древней богословской традицией, оно не обладает (не должно обладать) «презумпцией непогрешимости» и текст такого толкования может стать предметом судебно-лингвистического исследования.

В то же время с известной осторожностью следует относиться к богословским экзегезам священных текстов или иным вероучительным текстам в том случае, если они были созданы в достаточно давнее время, а тем более в древнейший период истории какого-либо вероучения. Так, безусловной святостью и истинностью наделен у мусульманских богословов и верующих не только Коран, но и многочисленные *хадисы*, или предания о делах и речениях пророка Мухаммеда, которые начали складываться уже в VII в. (видимо, еще при жизни Мухаммеда). На Сунне (собрании хадисов) и Коране зиждется шариат, определяющий нормы жизни в исламских странах, и любая критика в СМИ положений не только Корана, но и Сунны или основанных на них шариатских постановлений (*фетв*) порождает острые социальные конфликты и, по-видимому, неприемлема.

Однако современные издания хадисов, сопровождаемые комментариями, не должны быть под защитой «презумпции непогрешимости», ибо комментарии эти не всегда остаются в рамках традиционного ислама и веротерпимости. Так, в исследовании, выполненном в одном из университетов Канады, проводится сопоставление зафиксированных в текстах Танаха и Нового Завета норм, определяющих отношение к женщине, с соответствующими нормами, действующими в мусульманском мире (с установлениями шариата), при этом описание иудаистских и христианских норм дано с выраженной отрицательно-оценочной модальностью [Шериф Абдель Азим]. Такого противопоставления не содержится в самих священных текстах, оно является выражением религиозной нетерпимости авторов исследования.

Показательно также издание на русском языке древней книги кришнаитов «Бхагавад-гита», снабженное комментариями Б.С. Прабхупады («Бхагавад-гита как она есть») [Репортаж…: эл. ресурс]. Экспертиза текста была проведена учеными Томского и Кемеровского университетов, давшими положительные ответы на вопросы о наличии в книге кришнаитов признаков экстремизма («признаков разжигания религиозной ненависти, унижения достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии»). Следует, впрочем, отметить, что выводы экспертов о наличии признаков религиозного экстремизма относятся не столько к тексту литературного памятника, сколько к комментариям Прабхупады, в которых, как отмечают эксперты, и содержатся оскорбительные номинации последователей иных вероучений (*глупец, невежда, недалекий, демон, свинья* и т.п.) [Перевод священного писания кришнаитов проверят на экстремизм: эл. ресурс].

Подчеркнем, что в сфере религиозной коммуникации внимание правоведов привлекают прежде всего высказывания (с выраженной коммуникативной установкой пропаганды, убеждения) «о преимуществе одной религии перед другой». Однако из всех признаков экстремистской деятельности, приведенных в ст. 1 ФЗ № 114, как раз этот признак (наличие высказываний, направленных на «пропаганду исключительности,

превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии…, [по] религиозной… принадлежности») вызывает, на наш взгляд, наибольшие сложности для правоприменения. Дело в том, что пропаганда какого-либо вероучения как единственно верного (стало быть, противопоставляемого другим религиям как ошибочным) является существенным компонентом деятельности священнослужителя. При этом государство, принимающее демократические принципы, не должно препятствовать распространению религиозных взглядов.

В вопросах веры обращение к разуму малопродуктивно. Представления об истинности или ложности догматов определяются религиозным чувством; верующий в поисках истины ищет ориентиры в духовных традициях своего народа, подчиняясь иррациональному «голосу крови», «зову предков». Призывы отказаться от прежних («ложных») верований, религий и влиться в лоно «истинной» религии – чем принципиально отличаются они от призывов отказаться от религиозных взглядов вообще или присоединиться к идеологической программе какой-либо общественной организации? Отрицательно-оценочные высказывания в адрес конфессий и сект, конечно, не благоприятствуют установлению согласия. Но отменить религиозные противоречия не в силах никакое законодательство. В этой сфере оно лишь призвано, обеспечивая право каждого на свободу исповедания веры или на атеизм, не допустить, чтобы различия в религиозных взглядах превращались в «культивируемую» рознь, обусловливали религиозную враждебность, служили «обоснованием и оправданием» насилия по отношению к «неверным».

С нашей точки зрения, под запретом законодательства должно быть лишь возбуждение вражды к представителям других конфессий (как и других этносов, социальных групп), прежде всего призывы к насилию по отношению к иноверцам, а также оскорбление чувств верующих, святотатство, демонстрация неуважения к святыням. Заметим при этом, что тексты, содержащие прямые призывы к насилию, к физическому уничтожению представителей иных социальных групп, во многих случаях не требуют специального лингвистического исследования для их обоснованной правовой квалификации. Необходимость в лингвистической экспертизе такого текста возникает обычно тогда, когда коммуникативные цели выражаются косвенным путем, в той или иной степени завуалированно.

Еще раз подчеркнем, что пропаганда истинности какого-либо религиозного учения, противопоставляемого другим учениям как неистинным, греховным, составляет основное содержание миссионерской деятельности и важный аспект духовного просвещения представителей любой конфессии. Такая пропаганда не противоречит правовым нормам, если она не культивирует практики враждебности.

С учетом сказанного нужно оценивать и деятельность так называемых тоталитарных (деструктивных) сект. В новейшей судебной практике имеются прецеденты обвинительных решений в отношении изданий саентологов – последователей основанного Л.Р. Хаббардом радикального религиозного учения [Хаббард 2007] (см. также: [Свобода совести в России… 2009], где опубликованы статьи, посвященные истории саентологии, ее идеологическим принципам, а также заключение экспертов ГЛЭДИС, анализировавших тексты саентологов под углом зрения антиэкстремистского законодательства). Так, в 2011 г. в городском суде Набережных Челнов некоторые публикации саентологов были квалифицированы как экстремистские [В Татарстане запрещены очередные материалы саентологов: эл. ресурс].

Заслуживает специального рассмотрения вопрос о том, что в этих публикациях нужно считать проявлением миссионерской деятельности как таковой и какие именно речевые действия могут быть квалифицированы как направленные «на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам… происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе».

По мнению Е.Н. Волкова, «основатель саентологии настойчиво и последовательно пропагандирует разделение всего человечества на два рода существ различного происхождения – на «вечных и духовных» тэтанов и на ничтожных, глупых и омерзительных «материальных» хомо сапиенсов. Независимо от вопроса о реальности существования «тэтанов» изображение людей (хомо сапиенс) в текстах Р. Хаббарда носит однозначно расистский характер, а прилагательное «гуманоидный» употребляется им как унизительно-негативное» [Волков 2010: 104]. «Приверженность саентологической религии объявляется Р. Хаббардом единственной достойной мудростью, остальные религии характеризуются

как «низкопробные» и «низкотонные» («религии в тоне 1.1»). Целый ряд социальных групп (и их представители) являются в текстах Р. Хаббарда объектами возбуждения вражды и ненависти, а также объектами унизительных характеристик: во-первых, человечество в полном составе (как биологический вид хомо сапиенс); во-вторых, все несогласные с Р. Хаббардом и его идеями (ПЛ – «подавляющие личности»); в-третьих, психиатры и психологи; в-четвёртых, судьи; в-пятых, представители правоохранительных органов; в-шестых, учёные; в-седьмых, преподаватели систем среднего и высшего образования. Последние две группы оказываются объектами возбуждения вражды в основном в косвенной форме – через крайне негативные характеристики научных материалистических концепций и системы образования, но немало обнаруживается и унизительных высказываний, обращённых Р. Хаббардом на представителей этих групп» [Волков 2010: 104].

Заметим, однако, что саентологи в их критической оценке иных религий (мировоззрений) ничем не отличаются от представителей какой-либо другой конфессии. Внимания экспертов заслуживают лишь речевые действия, обнаруживающие враждебность к людям по религиозному признаку. Так, в характеристике какой-либо религии как «низкопробной» косвенно выражается пренебрежение к ее последователям. Вместе с тем нужно констатировать, что негативно-оценочные высказывания саентологов относятся скорее не к социальным группам, т.е. объединениям людей, а к общественным институтам (науке, образованию, психиатрии, юриспруденции и т.д.). В критике же «рода человеческого» Р. Хаббард и его последователи не являются пионерами. Вряд ли стоит осуждать поэта за фразу «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей». Гностики, как известно, делили всех людей на «плотских», «душевных» и «духовных» («пневматиков»), из них лишь последние могут познать (иррационально) божественную истину. «В своем бездейственном неискупленном положении пневма [дух]… поглощена душой и плотью; она не сознает себя, пребывает в оцепенении, спит или отравлена ядом мира; короче говоря, она пребывает в "неведении". Ее пробуждение и освобождение достигается с помощью "знания"» [Йонас 1998: эл. ресурс].

«Сразу подчеркнём, – пишет Волков, – что речь идёт не о каком-то варианте социальной критики, а именно о тотальной негативизации указанных групп, которым противопоставляется исключительно принадлежность к группе приверженцев церкви саентологии. Дополнительным отягчающим обстоятельством является то, что все проявления и продукты «гуманоидности» (социальные институты) изображаются и характеризуются Р. Хаббардом исключительно в негативном свете» (http://lurkmore.ru/Project_Chanology/B_России).

Эти суждения эксперта весьма показательны: нигилизм саентологов направлен против социальных институтов. Стоит добавить, что, по-видимому, логически несостоятельны попытки обнаружить экстремистское деяние в случае, когда некая отрицательная оценка распространяется на всех, кто не входит в определенную социальную группу, ибо все остальные (несаентологи), как и человечество в целом, не образуют социальной группы.

К отрицательному ответу на вопросы о наличии в публикациях Л. Рона Хаббарда высказываний экстремистского характера пришли после изучения 18 изданий лидера саентологии такие авторитетные в области судебной лингвистической экспертизы ученые, как Ю. А. Бельчиков, А. С. Мамонтов, М. В. Горбаневский [Акт № 94-12/08 Научно-консультационного комиссионного обследования книжных изданий специалистами-лингвистами…: 113–115]. К такому же выводу пришел и эксперт С. Б. Шинёв, доцент кафедры философии Московского государственного университета приборостроения и информатики: «Результаты проведённого анализа, изложенные выше, дают возможность сделать достаточно достоверный вывод по первому вопросу; предоставленные эксперту материалы не содержат информации, унижающей достоинство или пропагандирующей неполноценность представителей какой-либо социальной группы, нации, религии, расы. Доктрина Церкви Саентологии носит в целом гуманистический, толерантный по отношению к духовным ценностям, традициям и интересам других социальных групп и религий характер» [Шинев 2009: 127].

Сказанное не означает, что тексты церковно-религиозного дискурса, лишенные бесспорных примет экстремистской деятельности, не заслуживают изучения под углом зрения проблем лингвоконфликтологии и судебной лингвистики. В этом аспекте особого внимания как раз и заслуживают проповеднические тексты саентологов, иеговистов, неопятидесятников и других тоталитарных (деструктивных) религиозных учений (чаще называемых сектами, что, видимо,

вызвано стремлением противопоставить их традиционным конфессиям). Обозначение *секта* наделяется определенной долей отрицательной оценочности, являясь, по сути, синонимом сочетания *деструктивная* (*тоталитарная*) *религиозная организация*. К тоталитарным сектам относят «особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками… Тоталитарные секты прибегают к обману, умолчаниям и навязчивой пропаганде для привлечения новых членов…, к психологическому давлению, запугиванию и прочим формам удержания членов в организации» [Дворкин: эл. ресурс]. Добиться полного подчинения организации (ее лидеру, учителю, гуру) недостижимо без манипуляций, подавления воли, мощного психологического пресса, использования опасных для психики приемов воздействия, а потому т о т а л и т а р н ы е секты оказываются в то же время д е с т р у к т и в н ы м и, не лечащими, а разрушающими души.

Вместе с тем противодействие деятельности таких религиозных организаций не должно давать проповедникам новых учений повода утверждать, что против них ведется незаконная идеологическая борьба. Не могут быть запрещены догматы тех или иных вероучений. Запрету подлежат лишь культы, рядящиеся в одежды вероучений, но проповедующие зло и ненависть, а также манипулятивные способы вовлечения в религиозные организации и опасные для психического здоровья людей методы воздействия на сознание, на чувства и волю членов секты.

Так, в одной из газет Пермского края была опубликована статья «Кому служат *новые религии*?», в которой резко критически описывалась деятельность неопятидесятников. Руководители секты пытались обвинить автора статьи в разжигании враждебности к ее членам и дискриминации по религиозному признаку. Анализ статьи показал, однако, что в ней нет речевых признаков экстремистской деятельности, в частности, высказываний, которые можно было бы расценить как направленные на возбуждение религиозной розни (т.е. настраивающие читателей против представителей какого-либо из основных вероучений, исповедуемых в России, либо их модификаций – сект), как нет и высказываний, пропагандирующих исключительность или неполноценность человека по его религиозной принадлежности. Резко негативные суждения, содержащиеся в статье, направлены не против религиозного учения как такового (в данном случае – догматов неопятидесятников), а против **деятельности** руководителей секты, против **методов** вовлечения в секту новых адептов, против **приемов** психологического воздействия на рядовых членов секты, которые, с точки зрения автора статьи, противоречат моральным принципам и несут опасность для общества.

Но эти девиантные практики не подпадают под действие антиэкстремистского законодательства. Если, однако, общество заинтересовано в запрете деструктивных сект, необходимо прежде всего решить юридические задачи (усовершенствовать наше законодательство, разработать и принять соответствующие правовые нормы), а кроме того, решить методологические проблемы, связанные с диагностикой – в свете принятых норм – конфликтогенных текстов церковно-религиозного дискурса. Вряд ли можно сомневаться в том, что только лингвистической экспертизы изданий деструктивных религиозных учений недостаточно: для их юридически обоснованной, справедливой квалификации потребуется проведение комплексной междисциплинарной экспертизы [Синицына 2013: 195]. Экспертные оценки только тогда будут иметь значение «доказательной базы», когда к исследованию потенциально конфликтного текста церковно-религиозного дискурса будут привлечены специалисты многих других областей гуманитарного знания – литературоведения, истории, философии, религиоведения, этнографии, искусствоведения.

Примечания

[1] Работа издается при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 13-14-59007 а/У.

[2] Актуальность поднимаемой в статье темы подтверждается, без преувеличения, ежечасно новостными сообщениями в печатных и электронных СМИ. Так, недавно многие мировые телеканалы сообщили о резко негативной реакции на слова премьер-министра Великобритании, сказавшего в обращении по случаю празднования Пасхи, что Британия – христианская страна. Разумеется, такая характеристика не противоречит действительному положению дел и историческим фактам и вряд ли может быть названа оскорбительной для граждан Великобритании,

принадлежащих иным религиям, тем более для атеистов, коих, возможно, большинство. Здесь, конечно, нет предмета для дискуссий между юристами и лингвистами-экспертами, однако есть о чем поговорить политикам и социологам.

[3] В современной гуманитарной науке активно используются понятия *семиосферы* (введено в научный оборот главным образом Ю.М. Лотманом [Лотман 2000: 251–252]) и *семиозиса*. Пространство духовной культуры можно представить в виде множества взаимодействующих друг с другом знаковых систем. В центре этого пространства находится естественный язык – основное, но не единственное орудие коммуникации. Естественный язык сам по себе, без взаимодействия с иными знаковыми системами, годится лишь для информативного общения (в обиходной, деловой или научной коммуникации). Однако в духовной сфере коммуникация невозможна без взаимодействия языка с иными семиотическими системами, с иными кодами культуры. «Если по аналогии с биосферой (В.И. Вернадский) выделить семиосферу, то станет очевидно, что это семиотическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними» [Лотман 2000: 251].

Семиосферу можно определить как глобальную совокупность семиотических систем (языков) и созданных с их помощью текстов, которые, собственно, и составляют содержание духовной культуры человечества. Включение в понятие семиосферы языков отличает (и оправдывает) его от смежных понятий *интертекст* (совокупность прецедентных текстов) и *гипертекст* (организованное – посредством системы отсылок – множество текстов культуры).

Понятие семиозиса было введено, по-видимому, Ч. Моррисом, который определяет его как процесс функционирования чего-либо в качестве знака, процесс создания знака [Моррис 2001: 47]. По Лотману, тексты суть продукт семиозиса [Лотман 2000: 646], т.е. текстопорождение не воспроизводство готовых знаков, а создание нового знака. Если мы используем языковые знаки (слова естественного языка) в их устойчивом (узуальном) значении, т.е. воспроизводим их, создавая некий текст, то вряд ли это может быть определено как творение знака. Но текстопорождение есть всегда одновременно воспроизводство и производство, текст в целом становится новым (вторичным) знаком, соотнесенным с новым смыслом. Учитывая это, под семиозисом следует понимать использование языка для порождения текстов духовной культуры (поэтических, философских, публицистических), но не текстов с «прозрачной» референцией (административных, деловых, обиходно-бытовых). Другими словами, семиозис – это использование языка в «метафизической» сфере, которое всегда есть означивание посредством уже имеющихся языковых знаков (во взаимодействии со знаками иных семиотических кодов: мифологий, Священного писания, художественной литературы, кино, живописи и др.) некоторых уникальных смыслов.

При этом семиозис (процесс) не следует, как это иногда случается, отождествлять с семиотическим пространством, с семиосферой (ср.: «В самом широком понимании, семиозис есть *пространство знаков,* в котором каждый знак интерпретируется через другие знаки» [Бразговская 2008: 84]). Оба эти понятия дополняют, точнее, предполагают друг друга. Использование языка как первичной семиотической системы, по Лотману, невозможно без погружения в семиосферу (в иные ее зоны). «Одновременно во всем пространстве семиозиса – от социальных, возрастных и прочих жаргонов до моды – также происходит постоянное обновление кодов. Таким образом, любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать» [Лотман 2000: 251].

Список литературы

Анисимов А.П. Анализ применения закона «О противодействии экстремистской деятельности» в отношении религиозных организаций, признание материалов экстремистскими. URL: http://www.svobodasovesti.org/index.php?option=com_content&view=article&id=1326:-l-r-&catid=114:--l--&Itemid=797 (дата обращения: 10.12.2013).

Бразговская Е.Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры: учеб. пособие. Пермь, 2008.

Бурьянов С.А. Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в

Российской Федерации. М.: ЗАО «ТФ "МИР"», 2009. 288 с.

Бурьянов А.С. О необходимости отмены ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и иного «антиэкстремистского» законодательства. URL: http://golosislama.ru/news. php?id =8257 (дата обращения: 19.10.2013).

Волков Е.Н. Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза манипулятивного воздействия: социально-психологические и когнитивные аспекты // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с международным участием. Калуга, 26-29 мая 2010 г. Калуга, КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2010. С. 101-106.

В Татарстане запрещены очередные материалы саентологов. URL: http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2011/09/d22513/ (дата обращения: 19.10.2013).

Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. АКТ научно-консультационного комиссионного обследования книжных изданий специалистами-лингвистами № 94 12/08 // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 7: сб. ст. СПб.: Росс. объединение исслед. религии, 2009. С. 101–115.

Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Изд. 3-е, перераб. и доп. Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. Нижний Новгород, 2002. URL: http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=author&id=43 (дата обращения: 10.12.2013).

Десницкий А.С. Введение в экзегетику. М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.

Йонас Ганс. Гностицизм (гностическая религия). СПб.: Лань, 1998. URL: http://psylib.ukrweb.net/books/jonas01/txt02. htm#d

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПБ, 2000. 704 с.

Макаров А.В., Макаров Н.Е. Правовая основа профилактики политического и религиозного экстремизма в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 11. С. 8–14.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.

Мишланов В.А., Салимовский В.А. Этнический экстремизм в массовой коммуникации с точки зрения проблем судебной лингвистической экспертизы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4 (24). С. 63–75.

Моррис Ч.У. Из области основной семиотики // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. М.: Акад. проект, 2001. С. 45–98.

Мухаммад Закария Кандехлеви (хафиз Мухаммад Закария). Достоинства Корана. Изложение и комментарии 40 хадисов (без вых. дан.).

Перевод священного писания кришнаитов проверят на экстремизм // РИА Новости. 31.08.2011. URL: http://www.ria.ru/inquest/20110831/427685043.html (дата обращения: 10.12.2013).

Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. Репринт. изд. М., 1992. 1120 с.

Репортаж: Как в Томске «Бхагавад-гиту» судят: Ленинский суд пытается выискать «экстремизм» в древнейшем писании индуизма URL:http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=87265 (дата обращения: 10.12.2013).

Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 7: сб. ст. СПб.: Росс. объединение исслед. религии, 2009. 396 с.

Синицына М.А. Исследование механизмов аргументирования в современных СМИ для оптимизации методологии проведения лингвистической экспертизы: дисс. … канд. филол. наук. М., 2013. 239 с.

Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ) // Росс. газ., федер. вып. № 4131. 2006. 29 июля.

Хаббард Л.Р. Саентология: Новый взгляд на жизнь. Дания, Копенгаген: NewEra, 2007. 372 с.

Шериф Абдель Азим (доктор философии королевского ун-та Кингстон. Онтарио. Канада). Женщина в исламе и в иудео-христианском мире (мифы и реальность) (без вых. дан.)

Шинёв С.Б. Заключение эксперта // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 7: сб. ст. СПб.: Росс. объединение исслед. религии, 2009. С. 116–135.

Эко У. Имя розы. М.: Кн. палата, 1989. 496 с.

References

Anisimov A.P. Analiz primenenija zakona «O protivodejstvii ehkstremistskoj dejatel'nosti» v otnoshenii religioznykh organizacyj, priznanie materialov ekstremistskimi [Analysis of application of the law «On Countering Extremist Activity» in

relation to religious organizations, qualifying materials as extremist]. Available at: http://www.svobodasovesti.org/index.php? option=com_content&view=article&id=1326:-l-r-&catid=114:--l--&Itemid=797 (accessed: 10.12.2013).

Brazgovskaja E.E. Jazyki i kody. Vvedenie v semiotiku kul'tury: Ucheb. posobie. [Languages and codes. Introduction to the semiotics of culture: Textbook].Perm, 2008.

Bur'janov A.S. O neobkhodimosti otmeny FZ «O protivodejstvii ekstremistskoj dejatel'nosti» i inogo «antiekstremistskogo» zakonodatel'stva [On the necessity of abolishing the Federal Law «On Countering Extremist Activity» and other «anti-extremist» legislation]. Available at: http://golosislama.ru/news.php?id =8257 (accessed: 19.10.2013).

Bur'janov S.A. Realizatsija konstitutsionnoj svobody sovesti i svobody veroispovedanija v Rossijskoj Federacii [Implementation of the constitutional freedom of conscience and religion in the Russian Federation]. Moscow: ZAO «TF "MIR"», 2009. 288 p.

Desnickij A.S. Vvedenie v ehkzegetiku [Introduction to exegetics]. Moscow: Izd-vo PSTGU Publ., 2011.

Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii «O protivodejstvii ehkstremistskoj dejatel'nosti» (v redakcii ot 27 ijulja 2006. № 148-FZ) [Federal Law of the Russian Federation «On Countering Extremist Activity»]. Rossijskaja gazeta. No. 4131. 29 July 2006.

Gil'dija lingvistov-ekspertov po dokumentacionnym i informacionnym sporam. AKT nauchno-konsul'tacionnogo komissionnogo obsledovanija knizhnykh izdanij specialistami-lingvistami № 94 12/08 [The guild of expert linguists specializing in document and information disputes. The ACT of inspection of books by linguists № 94 12/08]. Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennyj aspekty. Vyp. 7: sbornik statej [Freedom of Conscience in Russia: historical and contemporary aspects. Iss.7: collected articles. St. Petersburg: Rossijskoe ob'edinenie issledovatelej religii Publ. 2009. P. 101 – 115.

Jonas Gans. Gnostitsizm (gnosticheskaja religija) [Gnosticism (Gnostic religion)]. St. Petersburg: «Lan'» Publ, 1998. Available at: http://psylib.ukrweb.net/books/jonas01/txt02.htm#d

Dvorkin A.L. Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovanija [Sectology. Totalitarian sects. Experience of systematic studies]. Izdanie 3-e, pererabotannoe i dopolnennoe. Izdatel'stvo bratstva vo imja sv. knjazja Aleksandra Nevskogo, Nizhniy Novgorod, 2002 g. Available at: http://pravbeseda.ru/ library/index.php?page=author&id=43 (accessed: 10.12.2013).

Eco U. Imja rozy [The Name of the Rose]. Moscow, Knizhnaja palata Publ., 1989. 496 p.

Khabbard L.R. Saentologija: Novyj vzgljad na zhizn' [Scientology: a new view on life]. Danmark, Copenhagen: NewEra, 2007. 372 p.

Lotman Ju. M. Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg: «Iskusstvo – SPB» Publ., 2000. 704 p.

Makarov A.V., Makarov N.E. Pravovaja osnova profilaktiki politicheskogo i religioznogo ehkstremizma v Rossii [The legal basis for prevention of political and religious extremism in Russia]. Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie [State and local government]. 2005, No. 11. P. 8–14.

Mechkovskaja N.B. Jazyk i religija [Language and religion]. Moscow: Agentstvo «FAIR» Publ., 1998. 352 p.

Mishlanov V.A., Salimovsky V.A. Ehtnicheskij ekstremizm v massovoj kommunikacii s tochki zrenija problem sudebnoj lingvisticheskoj ehkspertizy [Ethnic extremism in mass communication in terms of forensic linguistic expertise issues]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 4 (24). P. 63–75.

Morris Ch.Ju. Iz oblasti osnovnoj semiotiki [From major semiotics]. Semiotika: Antologija [Semiotics: Anthology] / Ju.S. Stepanov. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2001. P. 45 – 98.

Mukhammad Zakarija Kandekhlevi (hafiz Mukhammad Zakarija). Dostoinstva Korana. Izlozhenie i kommentarii 40 khadisov [Merits of the Koran. Presentation and comments of 40 Haditha].

Perevod svjashhennogo pisanija krishnaitov proverjat na ehkstremizm [Translation of the Krishnaitic sacred text will be inspected for extremism]. RIA Novosti 31.08.2011. Available at: http://www.ria.ru/inquest/20110831/427685043.html (accessed: 10.12.2013).

Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij ehnciklopedicheskij slovar' [Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary]. Vol. 1. Moscow, 1992. 1120 p.

Reportazh: Kak v Tomske «Bkhagavad-gitu» sudjat: Leninskij sud pytaetsja vyiskat' «ehkstremizm» v drevnejshem pisanii induizma [Report: How the Bhagavad Gita is being tried in Tomsk: Leninsky court is making efforts to find «extremism» in the earliest scriptures of Hinduism]. Available at: http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=87265 (accessed: 10.12.2013).

Sherif Abdel' Azim Zhenshhina v islame i v iudeo-khristianskom mire (mify i real'nost') [The woman in Islam and in Judaic-Christian world (myths and reality)].

Shinjov S.B. Zakljuchenie ehksperta [The expert's resolution]. Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennyj aspekty Iss. 7: sbornik statej. [Freedom of Conscience in Russia: historical and contemporary aspects. Iss. 7: collected articles]. St. Petersburg, Rossijskoe obedinenie issledovateley religii Publ., 2009. P. 116 – 135.

Sinicina M.A. Issledovanie mekhanizmov argumentirovanija v sovremennykh SMI dlja optimizacii metodologii provedenija lingvisticheskoj ehkspertizy: Dis. … kand. filol. nauk. [Study of mechanisms of reasoning in the contemporary mass media for optimizing the methodology of linguistic expertise: Cand. philol. sci. Diss]. Moscow, 2013. 239 p.

Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennyj aspekty. Vypusk 7: sbornik statej. [Freedom of conscience in Russia: historical and contemporary aspects: Iss. 7. Collected articles]. St. Petersburg: Rossijskoe ob'edinenie issledovatelej religii Publ., 2009. 396 p.

Volkov E.N. Kompleksnaja psikhologo-lingvisticheskaja ehkspertiza manipuljativnogo vozdejstvija: social'no-psikhologicheskie i kognitivnye aspekty [Complex psychological and linguistic expertise of manipulative influence: the socio-psychological and cognitive aspects]. Aktual'noe sostojanie i perspektivy razvitija sudebnoj psikhologii v Rossijskoj Federacii: materially Vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem. Kaluga, 26-29 maja 2010 g. [The current state and prospects of development of forensic psychology in the Russian Federation: proceedings of the Russian scientific-practical conference with international participation. Kaluga, 26-29 May, 2010]. Kaluga: Kaluga State Univ. Publ., 2010. P. 101-106.

V Tatarstane zapreshheny ocherednye materialy saentologov [Materials of scientologists are prohibited in Tatarstan again]. Available at: http://www.sova-center.ru/misuse/news/ persecution /2011/09/d22513/ (accessed 19.10.2013).

MODERN CLERICAL AND RELIGIOUS DISCOURSE IN TERMS OF FORENSIC LINGUISTICS ISSUES

Valery A. Mishlanov
Professor in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University

Vladimir A. Salimovsky
Professor in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University

In the paper the topical issues of linguo-conflictology and forensic linguistics are considered, provisions of the law of the Russian Federation «On Countering Extremist Activity» concerning verbal extremism, which manifests itself in clerical and religious texts, are analyzed. It is noted that texts of the religious discourse «resist» the objective categorization and law enforcement practice to a greater extent than other texts of the «discourse of enmity» (e.g., the ones aimed at incitement to ethnic or social hatred). The authors believe that solution of the law enforcement issues in the sphere of religious extremism requires mutual participation of both legislators and linguists-experts, providing they are not only issues of juridical linguistics and methods of linguistic expertise of conflictogenic texts, but also linguistic support of the law-making process that come within the competence of linguistics (especially, in the case of legal regulation of verbal communication). The linguistic and semiotic peculiarities of texts of different genres of the clerical and reli-

gious discourse are identified. It is noted that so-called «God-inspired» texts, that is, sacred texts of the world religions (such as the Bible, the Quran, the Avesta, etc.), which appeared in ancient times and for many centuries have been serving as the semiotic basis for spiritual culture of ethnic groups belonging to different world religions, can not be the subject of legal regulation, in contrast to modern preaching and other texts of the religious discourse, which present certain parts of the sacred texts being interpreted with a particular purpose. The authors come to the conclusion that legal and linguistic law enforcement practice relating to communication activity of so-called destructive (totalitarian) sects, such as Scientology, Jehovah's witnesses, etc., requires significant improvement. It is particularly pointed out that anti-extremism legislation in Russia does not give reasonable grounds for imposing a ban on preaching activity of the leaders of most sects, at the same time there is no doubt that in many cases this activity carries threat to the society and, therefore, it must be forbidden. It is accentuated that categorization of oral activity of the preachers of destructive religious organizations is provided by a multi-discipline expert panel with the participation of not only linguists, but also specialists from many other areas of knowledge.

Key words: clerical and religious discourse; inspiration by God as a semiotic notion; semiosis, semiosphere, verbal extremism; linguistic support of legislation; law enforcement practice; forensic linguistic expertise.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК 821.161.1.09

«ИСКУССТВО КРОЙКИ И ШИТЬЯ» (заметки к теме)

Наталия Александровна Петрова
д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
642000, Пермь, ул. Сибирская, 24. natpetrova1@gmail.com

Объектом анализа в статье является образ портного в литературе (начиная с первого портного – Адама), что не подразумевает исследования всех текстов, содержащих этот образ, но позволяет выявить некоторые черты, характерные для его эволюции. Два типа, отчетливо сформировавшиеся в литературе, – это «портной» и «портняжка». «Портняжка» – маленький, но храбрый подмастерье, готовый променять ремесло на власть и славу; «портной» – бедняк и пьяница, верный своей профессии, жаждущий богатства, снимающий одежду со своего клиента в прямом (Гримм) и метафорическом смысле (Андерсен). «Портняжка – характер, «портной» – способ проникновения в суть вещей. «Портняжка воплощает героизм, «портной» – рутину быта. «Портняжка преуспевает благодаря удаче, «портной» получает материальную выгоду с помощью волшебства. Жизнь «портняжки» зависит от случая, «портного» – от судьбы. Портной – человек искусства, хозяин жизни и смерти: мастерство называется «делом», что порождает языковую игру: шить одежду – шить дело. Перешив одежды чреват сменой судьбы. Образ «портного» – символ трагического несоответствия ожиданий и их реализации. Потенциальная способность к «перекраиванию» мира не спасает портного от роли жертвы.

Ключевые слова: портной; портняжка; характер; судьба; аллегория; символ.

Первым ремесленником на земле был портной, а первыми портными – Адам и Ева («и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания»), за ними – Бог («И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их» – Быт. 3, 7, 21)[Мильков, Смольникова1963: 168]. Дьявол в «Удивительной истории Петера Шлемиля» А. Шамиссо «похож на нитку, выскользнувшую из иглы портного» [Шамиссо 1979: 118], очевидно – Бога[1]. О популярности образа портного в искусстве говорит сравнительно частое появление этой профессии в заголовках художественных произведений. Не только описать, но и учесть их во всей полноте невозможно, доступной остается попытка наметить основные черты и интенции развития образа.

Само наименование ремесла представляет собой определение, отделившееся как от носителя действия – «швец», так и от результата деятельности – одежды из «порта» или – «портно». Швецом изначально назывались и портной, и сапожник, перечисляемые в детской считалке наравне с царем и королем[2]; из порта – грубой льняной или пеньковой ткани – шились, прежде всего, штаны (портки) [Фасмер 1987: III, 334–335; IV, 419]. В результате профессиональной специализации портняжное ремесло раздробилось по типу выполняемых операций (закройщик), предмету изготовления (белошвейка), социальной (военный портной) или половой принадлежности заказчика (дамский и мужской портной); вместе с тем семантика слова, обозначающего данный род деятельности, расширилась настолько, что этимология его практически неощутима. «Швец», сохраненный фольклором, очевидно, обладал некой репрезентативной значимостью. Поговорка «И швец, и жнец, и на дуде игрец» включает его в ряд производителей основных продуктов – технологии, природы и искусства.

Два самых распространенных наименования швеца в русской литературе – это «портной» и «портняжка». Такой уменьшительной формы в словаре В. Даля нет, «портнягой» или «портнишкой» он называет плохого портного [Даль 1982:III, 323]. Наименование «портняжка», ставшее популярным, скорее всего, благодаря удачному переводу заглавия сказки братьев Гримм[3], используется как качественное определение подмастерья в отношении к мастеру (Чарли – подмастерье портного в фильме Чаплина «Граф») и как оценочное (ласково-восхищенное

© Петрова Н.А., 2015

или ласково-сострадательное) выражение отношения повествователя к герою[4]. Портняжке сопутствует храбрость, актуализирующая оксюморонность телесной малости и величия духа. Сюжет истории о портняжке (аналогичный «Золушке», «Мальчику-с-пальчик» и т.п.) строится на превращении литоты в гиперболу; его архетипический образ являет собой смесь наивности, хитрости, легкомыслия, хвастовства, удачливости и провоцирует сочувственную иронию или ироническое сочувствие. Портняжка жаждет смены социального состояния, он стремится к власти и славе. Эта особенность сохраняется в искусстве последующего времени: портняжка Чарли Чаплина выдает себя за графа («Граф»); портняжка-авантюрист Гампл в «Фабрике Абсолюта» К. Чапека становится генералом и старостой, герой Мате Залки мадьяр Федри принимает участие в Октябрьской революции («Храбрый портняжка»).

Сказочные портные Г. Х. Андерсена не менее авантюрны, но деятельность их направлена не на формирование собственного имиджа, как в случае с портняжкой, а на разоблачение – в прямом и переносном смыслах – личностного и социального несовершенств. Портняжка – тип, портные – инструмент, способ познания и открытия сути. Они отступают на второй план; в литературный архетип превращается образ «голого короля», вынесенный в заголовок. В рассказе В. Шукшина «Как Андрей Иванович Куринков, ювелир, получил 15 суток» «профессиональный взгляд портного» разоблачает переодетого в военный мундир соседа-ювелира.

И в фольклоре, и в литературе профессия портного подразумевает склонность к воровству, к пьянству и бедность[5]. Эпитет «храбрый» по отношению к портняжке уже отдает тавтологией; «богатый портной»[6] (название рассказа Ф. Искандера) – определение, выводящее героя из общего ряда. Богатство может достаться портному как результат упорного труда и как награда за добродетель. Так в еврейской притче бедный портной, на рынке перебивший «неслыханной суммой» последнюю рыбину у слуги знатного вельможи, объясняет свое поведение необходимостью почтить Йом Кипур, день, в который Всемогущий прощает грехи всего года. За свое благоговение и бескорыстие портной вознагражден – в рыбе он обнаружил драгоценную жемчужину. Аналогом жемчужины может стать билет государственного займа (к/ф «Закройщик из Торжка», 1925).

«Портняжка» воспринимается как начало героическое, портной – как бытовое. Успехи портняжки объясняются удачей, портного – волшебством: так Шолом-Алейхем отправляет то портного Зетла, то неизвестного отца незаконнорожденного младенца за богатством в страну чудес – Америку («Касриловка», «Блуждающие звезды»). Жизнью портняжки правит случай, жизнью портного – судьба, да и сам он зачастую становится орудием судьбы. Судьба в античности ассоциировалась с прядением и пряхами, в литературе нового времени нить в свои руки готов взять портной.

В шекспировском «Макбете» привратник среди предполагаемых гостей, колотящих в дверь, перечисляет портного, земледельца и подкупного свидетеля. Поскольку привратник ощущает себя стоящим в дверях ада и во имя Вельзевула приветствует то повесившегося, то нагрешившего, всем суля пекло, то в образах «людей всякого звания» проступает нечто демоническое («Проходи, портной, в пекле будет тебе где нагреть утюг!»). Инфернальным искусителем, вершителем судьбы предстает портной Петрович – «одноглазый черт» – в гоголевской «Шинели» (Эпштейн 2000: 124). Портной может стать и носителем, и жертвой инфернальных сил.

В пересказанной Шолом-Алейхемом еврейской сказке «Заколдованный портной» [Шолом-Алейхем 1959: 7–50] понятие портновского мастерства подвергается еще большему дроблению: швец, портной, «заплатных дел мастер», портняжка (приходится полагаться на перевод М. Шамбадал). Повествователь называет своего героя портным, и сам Шимен-Эле Внемли Гласу как заклинание повторяет: «Шимен-Эле, портной из священного города Злодеевки, цеховик и староста в синагоге». Зато антагонист его Додя, «волосатый толстяк с огромным животом и носом картошкой», зажиточный и невежественный вдовец (портной – «маленького роста, замухрышка, бородка реденькая, козлиная, нос немного приплюснутый»), обзывает его «плюгавым портняжкой», а жена – «никудышником» и «размазней».

Сам Шимен-Эль отчетливо разделяет два рода профессиональной деятельности по критерию портновского мастерства («Вы не думайте, что имеете дело с каким-нибудь портняжкой!»), но черты портного и портняжки в нем совмещаются. Как положено портному, он – «горемычный бедняк, можно сказать почти нищий», выпивоха и «благочестивый труженик», попытавшийся разбогатеть, приобретя козу. Как портняжка он хвастлив, жаждет почестей («Наш брат мастеровой отличается тем, что каждому нравятся почести...») и ввязывается в авантюру. Таким образом, самоопределение Шимена-Эле включает в себя разошедшиеся было противоположности.

Нельзя сказать, что герой Шолом-Алейхема перепадает из одного состояния в другое. В на-

чале повествования говорится, что он был в «большом почете», потому что «умел, как никто, поставить заплату, заштопать дыру, чтобы незаметно было, или перелицевать какую угодно одежку, вывернуть ее наизнанку». Портной и портняжка едины как перелицованная одежка, что и откликается мотивом «оборотничества». «Устрою же я тебе козу», – замышляет Додя, и эта коза-розыгрыш реализуется козой, превращающейся в козла и усаживающейся «рядом, поджав ноги», как обычно сидит портной.

Шимен-Эль – жертва злой шутки, но еще больше собственной раздвоенности. Он чванится своей «ученостью», слывет «музыкантом» («грамотеем») и смиренно сознает себя придатком собственного ремесла («Наш брат мастеровой...Утюг да ножницы»). «И был этот человек портным», – начинает повествование Шолом-Алейхем, а жена героя завидует соседке, у которой муж «хоть и портной, а все же человек!». Шимену-Эль даже во сне видит себя «за рабочим столом», на котором «разложено некое странное одеяние», превращающееся в новый «субботний сюртук» – неотъемлемую принадлежность обязательного досуга. На смену оксюморону портного и портняжки приходит другой – портного и человека: «Плоди детей! Мучайся и мытарься всю свою жизнь! Ибо для того ты создан – на то ты и портной!..» – как тут не вспомнить «истории об оживших мертвецах, блуждающих по миру в саванах...» и гоголевское двойничество.

Носителем судьбы предстает портной в «Египетской марке» О. Мандельштама [Мандельштам 1990: 2, 59–87]. В классическом «портновском» сюжете русской литературы – гоголевской «Шинели» – портной призван одевать, раздевают «воры», «какие-то люди с усами». У Мандельштама портной и есть вор, покушающийся уже не на часть материала, а на готовый продукт собственного производства: «Настоящий портной – это тот, кто снимает сюртук с неплательщика среди бела дня на Невском проспекте». В рассказе о том, как молодой Яхонтов читал гоголевский текст, Мандельштам останавливается на процессе одевания: «Показывая, как портной Петрович облачает Акакия Акакиевича в новую шинель, Яхонтов читает бальные стихи Пушкина –“Я черным соболем одел ее блистающие плечи…”». В «Египетской марке» Мервис совершает только противоположное действие – «снимает сюртук», «снял визитку с плечика…», – и действие это, отрываясь от исполнителя, приобретает характер, обобщающий и обличающий суть «перелицованного» мира – «То было страшное время: портные отбирали визитки…».

Героя мандельштамовского повествования роднит с неназванным прямо Акакием Акакиевичем существование в атмосфере всеобщей нелюбви и презрения, «чай с сухариками, которые он любил, как канарейка» (у Гоголя – «чай с копеечными сухарями») и насильственное раздевание, ведущее к смерти («Ах, Мервис, Мервис, что ты наделал? Зачем лишил Парнока земной оболочки…»). «Носовой платок», в котором приносит шинель Петрович, откликается «белым саваном» «чистой полотняной простыни», а сам портной напоминает «члена похоронного братства, спешащего в дом, отмеченный Азраилом, с принадлежностями ритуала».

Родословную Парнока Мандельштам возводит к Голядкину, что позволяет развернуть тему неудачливого (Парнок) и удачливого (Кржижановский) двойников [Берковский 1929: 301], в сущности, романтическую тему тени, победившей своего хозяина. В действительности, говорить приходится не о двойниках, а о гораздо более сложной системе отношений. Музыкальное пристрастие Парнока приравнивает его не столько к Акакию Акакиевичу, сколько к тому отставному музыканту, с которого мертвец пытался «сдернуть фризовую шинель». И Парнок, и повествователь, и Мервис – люди искусства.

«Портное искусство» гоголевского Петровича у Мандельштама названо «портняжным делом», но сам портной – «художником», «вдыхающим жизнь» в результат своего творения. Процесс создания коллажного текста «Египетской марки» повествователь описывает как процесс, равнозначный действиям Мервиса: «Стригу бумагу длинными ножницами. …Не боюсь швов.… Портняжу, бездельничаю». Последнее в большей степени соответствует Парноку; соединительным звеном между ним и Мервисом на сюжетном уровне является повествователь, как на фабульном Парнока и Кржижановского соединяет Мервис. Тема искусства дополняется «птичьим воздухом портновской квартиры», глухонемыми, говорящими «на языке ласточек», шьющими рубашку из воздуха, прядущими «быструю пряжу» жизни. Кроме того, описание Мервиса вторит описанию С. Михоэлса в посвященном ему очерке (тема фарфора, «слепого лица», ср.: «подслеповатого Акакия) и портного Сорокера, сыгранного Михоэлсом в спектакле «200 000» по Шолом-Алейхему [Барзах 1989]. С темы портного, покроя как «внутренней пластики гетто» и начинается очерк «Не Альтман ли делал вам костюм?».

Мир «Египетской марки» населен людьми с прямо или косвенно указанной национальной принадлежностью: прислуга-полька, торгующий китаец, чех-зеркальщик (в черновых вариантах – латышка Эмма, глухонемые-армяне). Прототипом Мервиса считается портной-чех В. Кубовец

[Нерлер1990: 408]. В повести Мервис – еврейский портной, образ, канонизированный Шолом-Алейхемом, скульптурой конца XIX («Еврей-портной» М. Антокольского) и живописью начала XX в. (витебская школа). В отличие от Шапиро, стоящего ниже всех «на социальной лестнице», и его жены-белошвейки, это портной-мечтатель: «чудаковатый» Петрович, кроящий ножницами воздух, «блаженный неудачник» Сорокер, Мервис, у которого «в голове … совсем не портняжное дело», похищающий визитку «как сабинянку».

В образе Мервиса, возможно, есть элемент литературной полемики с «Пощечиной общественному вкусу», где портной служит синонимом филистерства в искусстве: «Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузьминым, Буниным и проч. и проч. – нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным» [Маяковский 1961: 13, 245]. Если вспомнить Сашу Черного – «Все в штанах, скроенных одинаково…», – то портному как унифицирующему началу («и проч. и проч.») вполне может противостоять самодельная желтая кофта. У позднего Мандельштама унификация, приобретающая внеличностный характер – «эпоха Москошвея», остается в пределах портновской терминологии (шить по одной мерке, мерить на свой аршин). В «портновском деле» обнаруживается обусловленная временем двусмысленность: шить одежду и «шить дело». Художник может отдать себя на волю или произвол пространства и времени; портной – проявить изворотливость портняжки:

Один портной
С хорошей головой
Приговорен был к высшей мере.
И что ж? – портновской следуя манере,
С себя он мерку снял –
И до сих пор живой[7].
[Мандельштам 1990: 1, 362]

Начиная с «Шинели» из всех изделий портного на первый план выходит верхняя одежда – «новые панталоны» и рубашки для Акакия не составляют такой проблемы, как шинель. Шуба («Шуба» и «В не по чину барственной шубе»)[8], визитка, сюртук («Мервис не чувствует кроя визитки – он сбивается на сюртук»), пиджак («Смотрите, как на мне топорщится пиджак»), кожаное пальто («Искусство кройки и шитья» Ю. Окуджавы) служат знаками несоответствия натуры и судьбы, безосновательности притязаний. Судя по тому, что существовал такой вид квалификации, как «портной без права шить пиджак» [Табаков 2000: 250], сей предмет туалета наиболее сложен в процессе изготовления. Язык свидетельствует и о том, что пиджак обладает более выраженной личностной характеристикой: шуба «с чужого плеча» не так очевидна, как пиджак. «Старый пиджак» Б. Окуджавы совмещает проблематику Гоголя и Беранже [Жолковский], но совершенно очевидно, что этот портной не избежал всей разветвленности сложившихся традиций и мандельштамовского опыта. Портновские изделия служат мерой биографического времени[9], а тема облачения-разоблачения дополняется темой переодевания, интерпретируемой как перемена участи: «Затихнет шрапнель и начнется апрель. | На прежний пиджак поменяю шинель» [Окуджава 1996: 142].

У Окуджавы есть «военные портняжки» – «золотые мастера» (а не подмастерья), шьющие командирам мундиры-саваны на их погибель и славу («И поэтому мундиры так кроятся день и ночь, чтоб блистали командиры, уходя из жизни прочь»). Есть портные, обладающие божественным всемогуществом («И только там живет один такой закройщик, что мог по-новому скроить судьбу мою»). Есть тема «перекроя» и «перешива» как перемены судьбы, осознанной утопии, недостаточности усилия («Я говорю ему шутя…»), одинаковой возможности счастья («Сулит мне новые удачи искусство кройки и шитья») и несчастья («И наступила главная проверка, Как в ателье последняя примерка»). Пиджак служит мерой биографического времени:

Поистерся мой старый пиджак,
Но уже не зову я портного:
Перекройки не выдержать снова –
Доплетусь до финала и так.
[Окуджава 1996: 511]

Героем стихотворения «Старый пиджак»[10] оказывается не пиджак, вынесенный в заглавие, а портной-художник, мечтатель и «чудак». Искусство уподобляется шитью («Арбатского романса знакомое шитье…»[Окуджава 1996: 253]. Профессиональное мастерство и подлость у Окуджавы не совместны, как гений и злодейство («Как вам удается совмещать шпионство и шитье?» – хотел спросить изумленный Мятлев, но не спросил»), его «закройщик и одновременно секретный агент, или агент и одновременно секретный закройщик» – та же реализация двойственности «портняжного дела» [Окуджава 1986: 179, 237]. В рассказе «Искусство кройки и шитья» герой – обладатель «студенческой куртки из какого-то старорежимного истершегося драпа», начиная учительствовать, обзаводится призванным демонстрировать «солидность» пальто из драпа, похожего на «листовую фанеру». Вдруг возника-

ет возможность пошить кожаное пальто, реализовать немыслимую мечту («оно сияло в толпе, подобно драгоценному камню среди булыжников и несло на себе печать заграничного благополучия и признаки причастности к особому клану отмеченных капризной фортуной»), сменить место («Сошьем пальто и поедем в Москву?») и род занятий. «Пересохшая душа» жаждет «выглядеть с иголочки», т.е. родиться заново (поездка к скорняку предусматривает переправу через реку). Все завершается милицейской камерой, к счастью, без особых последствий: «А может быть, окажись я тогда на вокзале в черном кожаном пальто – неизвестно, где бы я сейчас находился. А тут корявый пиджачок, какие были на всех…» [Окуджава 1998: 152, 151, 158, 176][11].

Иной поворот портновская тема получает в автобиографическом романе Г. Миллера «Черная весна»: «сын портного» («До меня все в нашем семействе что-то делали своими руками») – своего рода смесь «заблудшего бюргера» и «художника в юности», «желудь», отпавший от «великого дерева» [Миллер 2000]. Портной должен приспосабливаться, «угождать» (из всех значений слова tailor Миллер выделяет это). В функции портного акцентируется предшествующее одеванию раздевание, обнажающее тело и душу: «когда они были без штанов; я видел их скрюченные позвоночники, хрупкие кости, их варикозные вены, опухоли, впалые груди, толстые животы, отвисшие оттого, что столько лет мотались, как бурдюки. … Можно было подумать, что, раздеваясь перед своим портным, они испытывали потребность выплеснуть и всю мерзость, что скопилась в прикрытых сверху выгребных ямах, в которые они превратили свои души». Сам «сшитый и не раз перешитый», художник уподобляется портному, лицующему мир («Мои нежные руки в теле мира, копошатся в его теплых внутренностях, укладывая и перекладывая, кромсая и сшивая вновь»), а «старая вселенная» – «комнате мелкого ремонта», где «никогда не шьется новый костюм, никогда не происходит акта творения» (глава «Мужской портной»). Портной в романе – немец, а закройщик и подмастерья – евреи. «Муки неразделенности» – непринадлежности (семье, Америке) и неотрывности, специфического притяжения-отталкивания создают ту еврейско-немецкую атмосферу, что была свойственна еврейскому театру, во времена запрета (1883 г.) играть на родном языке.

Миллеровская проблематика, втягивающая в портновское ремесло мотивы болезни, смерти, сумасшествия, эротики, инцеста, находит парадоксальный отклик в романе Ф. Рота «Случай Портного» (в другом переводе – «болезнь», хотя, может быть, и «жалоба»). Оригинальное название романа, в котором слову «портной» заглавная буква обеспечена его местом («Portnoy's Complaint»), порождает языковую игру, латентно прикрепляющую повествование к традиции.

В фольклоре образ портняжки – символичен, его героические свершения не обусловлены ремеслом, но противостоят ему и от ремесла уводят. Повествование о портном, сохраняющем верность своему делу (известный анекдот о портном, который «немножко бы шил», даже став королем), тяготеет не к сказке, но к иносказанию, к притче.

Если в русской литературе рубежа XIX–XXвв. различие двух образов и сюжетов было очевидным, а их совмещение и скрещивание эстетически значимым, то в 20-е гг. оно уже требует пояснений. Примером тому – рассказ «В цирке» Ю. Олеши: «Современный канатоходец имеет вид портного. Да, он портняжка, – и не тот сказочный портняжка, который спорил с великаном и мог бы оказаться сродни сказочному нашему канатоходцу, – а самый обыкновенный городской портняжка в котелке, пиджачке, с усиками и с галстуком набекрень...» [Олеша 1965: 353–357]. Образ портняжки в литературе 20-х практически отсутствует, а если и встречается, то как результат полного отсутствия языкового чутья, что порождает незапланированный комический эффект: «Он очень мил, мой дядюшка, портняжка, Сердечный, вечный самогонки друг, Зимой и летом пышащий так тяжко, Что позавидует утюг» («Дядя или солнце?» [Казин 1960: 31].

На смену портняжке приходит портной. В «Храброго портного» по имени Ганс превращается портняжка в пересказе А. Введенского (редактор – С. Маршак, 1935), причем, в отличие от канонического перевода и в соответствии с наименованием, он не становится королем, а продолжает «себе спокойно жить да поживать, куртки, штаны и жилетки шить».

История портного сохраняет иносказательный характер, но сам образ его символизируется, наполняясь семантикой несоответствия притязаний и судьбы, личности и социальной роли. Потенциальный носитель божественной способности «перекраивать» мир и судьбы, портной – жертва собственной судьбы и мировой истории. Особый статус в этом смысле приобретает образ еврейского портного – жертвы Холокоста (от «Дамского портного» А.М. Борщаговского или «Интервью» П. Суэта до детектива И. Хмелевской «Тайна», где манекен, в конечном итоге оказывающийся мумифицированным трупом, с готовностью приписывают еврею-портному, бежавшему от немцев). В массовой культуре формирующиеся тенденции приобретают простоту и очевидность; так, востребованность стилизаций

(например, «Песня еврейского портного» А. Розенбаума) объяснима тем, что банальные ламентации могут быть без труда спроецированы на жизнь любого человека независимо от его национальной или социальной принадлежности. В последние годы популярность возвращается и образу «храброго портняжки», зачастую в форме автохарактеристики, не лишенной инфантильного самолюбования (например, «Я, как портняжка братьев Гримм, к его стволу прирос (а чтобы ветер не унес – утюг держал в руке)» – А. Петрова). Инициатором этого возрождения, возможно, стоит считать Э. Лимонова: начинающий поэт, зарабатывающий шитьем брюк, и эпатажный писатель, храбро восставший против существующего мироустройства – вот исходный и пока конечный пункты заботливо создаваемого имиджа.

Примечания

[1] В Евангелии от Матвея (XIX, 24) игольное ушко служит аналогией недоступного для богатых входа в Царство Божие.

[2] Первая часть английской считалочки такого типа – «Tinker, Tailor, Soldier, Sailor, Richman, Poorman, Beggarman, Thief!» – использована в названии романа Дж. ЛеКарре «Tinker, Tailor, Soldier, Spy», вторая – в романах И. Шоу «Богач, бедняк…», «Нищий, вор».

[3] В немецком названии сказки присутствует уменьшительный суффикс: «DasTapfereSchniderlend». Еще в одной сказке «Про умного портного» герою отведена роль младшего брата, «легкомысленного вертопраха, который даже своим ремеслом владел далеко не в совершенстве», подмастерья при двух портных.

[4] «Приятен мне, господа, русский суффикс „яга”», – заявляет аксеновский повествователь в рассказе «Три шинели и Нос». Используя его, он обрисовывает главный конфликт советской послевоенной истории: «„коммуняга” ненавидел „стилягу”, … „бедняга”, немного подох, а стиляга еще оказывается немного жив, „доходяга”». При этом суффиксу «яга» отдается предпочтение перед уничижительным «яжкой»: «Я никогда не был стилягой в гордом и демоническом смысле слова. Скорее, я уж был жалким подражателем, провинциальным стиляжкой» [Аксенов 1996: 34 и 35].

[5] Нет воров супротив портных мастеров. Что портной на ножницах унес, то Бог дал. Портной, что курица, что ступнет, то клюкнет. Портной без портов, сапожник без сапогов [Даль 1982:III, 323]; «английский портной, который урезал французские брюки и припрятал остаток» (Шекспир, «Макбет», 2 акт, пер. Б. Пастернака); «Мне, изволите видеть, так понравилась материя, что я и себе выкроил на кафтан (Ж.-Б. Мольер. Мещанин во дворянстве. Действие 2, явление 8, пер. М. Донского) и т.п. Глаголы «укроить» или «закроить» означают «украсть». В «Тевье-молочнике» Шолом-Алейхема Мотл Камзол – исключение из правил «И хоть он портной, но очень честный молодой человек…» – и, очевидно, «не прирожденный портной» [Шолом-Алейхем 1959: 524, 525].

[6] Герой рассказа Фазиля Искандера «Богатый Портной и другие» «жил во дворе в маленькой хибарке …дела его пошли в гору, и он, соответственно, …перебрался на второй этаж. Сначала в одну комнату, потом прикупил к ней вторую, потом пристроил к ней третью… и тут уже, можно сказать, он вылупился и предстал перед всеми в своем новом обличье, а именно в обличье Богатого Портного» [Искандер 1970: 8].

[7] Если Мандельштам отчаянно бросает вызов времени: «Измеряй меня край, перекраивай» («От сырой простыни говорящая…»), то еще раньше страшным каламбуром (раскроить ткань – раскроить голову), сложной фонетической игрой отозвалась эта тема в «Спекторском» Б. Пастернака: «И до крови кроил наш век закройщик» [Пастернак 1965: 305].

[8] См., также: [Городецкий 2010], [Петрова 2006], [Петрова 2006а].

[9] Ср.: «Человек рождается, чтобы износить четыре детских пальто и от шести до семи «взрослых». 10 костюмов – вот и весь человек» [Чуковский 1991: 228]. Жить приравнивается к шить: «Следует жить | шить сарафаны и легкие платья из ситца…» [Левитанский 1982: 217].

[10] Старый пиджак может служить и знаком человеческой непригодности: «Наглец! Негодяй! Побирушка! Потертый пиджак!» [Шолом-Алейхем 1960: 603].

[11] Одежда служит мерой физической величины и социального масштаба личности. Можно вспомнить указание точного количества материалов, пошедших на изготовление одежды младенца Гаргантюа у Франсуа Рабле (кн.I, гл.VIII), или анекдот советских времен о том, как одному политическому деятелю подарили отрез на костюм, который в Лондоне и Москве шить отказались из-за нехватки материала, а в Одессе сшили даже с жилетом. Когда же деятель спросил одесского портного, как материала хватило, тот ответил: «Это в Лондоне и Москве Вы величина, а в Одессе…». И добавил: «Кепочку мерить будем?».

Список литературы

Аксенов В. Три шинели и Нос // Негатив положительного героя. М.: Вагриуы, 1996. С. 34–52.

*Барзах А.*Без фабулы. Вблизи «Египетской марки» О. Мандельштама // Поскриптум: лит. журн. 1998. Вып. 2 (10). С. 183–210.

Берковский. Н. О прозе Мандельштама // Звезда. 1929. № 5. С. 160–168.

Городецкий Л. Р. Символика верхней одежды у О. Мандельштама («Шуба», «Шинель», «Лапсердак») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5 (11). С. 140–146.

Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка: в 4 т. М., 1982. Т. III.

Жолковский А. «Рай, замаскированный под двор»: заметки о поэтическом мире Булата Окуджавы // Избранные статьи о русской поэзии. Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 109–135.

Казин В. В. Лирика. М.: Сов. Писатель, 1960.242 с.

*Левитанский Ю. Д.*Избранное. М.: Худож. лит.,1982. 560 с.

Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Проза. Переводы. М: Худож. лит.,1990. 464.

Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 13. М: ГИХЛ, 1961.627 с.

Миллер Г. Черная весна: Роман, повести, рассказы, эссе.СПб.,2000. 333 с.

Нерлер П. М. Комментарии // Мандельштам О. Э. Сочинения: в2 т. Т. 2. М.: Худож. лит.,1990. С. 378–461.

Окуджава Б. Ш. Путешествие дилетантов. М.: Известия, 1986. 560 с.

Окуджава Б. Ш. Чаепитие на Арбате. Стихи разных лет. М.: Корона-спринт, 1996. 576 с.

Окуджава Б. Ш. Стихи. Рассказы. Повести. Екатеринбург: У - фактория, 1998. 400 с.

*Олеша Ю. К.*Повести и рассказы. М., 1965. С. 353–357.

*Пастернак Б. Л.*Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1965. С. 304–342.

*Петрова Н.*Система заглавий в «Негативе положительного героя» В. Аксенова // Поэтика заглавия. Москва; Тверь, 2006. С. 314–316.

*Петрова Н.*Образ еврейского портного в литературе // Ebreju teksts Eiropas kultura. Daugavpils, 2006. The Jewish Text in Europian Culture. Latvian-Jews-Russian Culture Dialogues. Issue 1/ Almanac of The Institute of Comparative Studies. Vol. 4. Red. 2006. 268 lp.

*Рот Ф.*Случай Портного. СПб., 2001. 288 с.

Табаков О. Моя настоящая жизнь. М.: Изд-во «Моск. театр», 2000. 496 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1987.

*Чуковский К.*Дневник (1901–1929). М.: Сов.писатель, 1991.343 с.

*Шамиссо А.*Удивительная история Петера Шлемиля // Избранная проза немецких романтиков: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит.,1979. С. 112–167.

Шолом-Алейхем. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М., 1960. С. 7–50.

*Эпштейн М. Н.*Фигура повтора: философ Николай Федоров и его литературные прототипы // Вопр. лит. 2000. № 6. С. 114–124.

References

Aksenov V. Tri shineli i Nos [Three overcoats ana the Nose]. Negativ polozhitel'nogo geroja [The negative of the positive hero]. Moscow: Vagrius 1996. P. 34–52.

Barzakh A. Bez fabuly. Vblizi «Egipetskoj marki» O. Mandel'shtama [Without the plot. Near «The Egyptian stamp» of O. Mandelstam]. Postskriptum: literaturnyj zhurnal [The Postscript: literary journal]. 1998, Iss. 2 (10). P. 183–210.

Berkovskij. N. O proze Mandel'shtama [On Mandelstam's prose]. Zvezda [The Star]. 1929, No. 5. P. 160–168.

Chukovskij K. Dnevnik (1901–1929) [Diary (1901-1929)]. Moscow.: Sov. pisatel' Publ., 1991. 43 p.

Gorodeckij L.R. Simvolika verkhney odezhdy u O. Mandel'shtama («Shuba», «Shinel'», «Lapserdak») [Symbolics of outerwear in O. Mandelstam's work («The fur coat», «The overcoat», «The frock coat»)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm university herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 5 (11). P. 140–146.

Dahl V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 6 t. [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language: in 6 vols.]. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1982.

Ehpshtejn M.N. Figura povtora: filosof Nikolaj Fjodorov i ego literaturnye prototipy [The figure of repetition: the philosopher Nikolay Fedorov and his literary prototypes]. Voprosy literatury [Issues of literature]. 2000, No. 6. P. 114–124.

Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [Etymologic dictionary of Russian: in 4 vols.]. Moscow: Progress Publ., 1987.

Zholkovskij A. «Raj, zamaskirovannyj pod dvor»: zametki o poehticheskom mire Bulata Okudzhavy [«The Paradise disguised as a courtyard»: notes on Bulat Okudzhava's poetic world]. Izbrannye stat'i o russkoj poehzii. Invarianty, struktury, strategii, interteksty. Moscow: RSUH Publ., 2005. P. 109–135.

Kazin V.V. Lirika [Lyric poetry]. Moscow: Sov. pisatel' Publ. 1960. 242 p.

Levitanskij Ju.D. Izbrannoe. [Selected works]. Moscow: Khudozh.. lit. Publ. 1982. 560 p.

Mandelstam O.Eh. Sochineniya: v 2 t. [Writings: in 2 vols.]. Tom 2: Proza. Perevody [Vol. 2: Prose. Translations]. Moscow: Khudozh. lit., 1990. 464 p.

Mayakovsky V.V. Poln. sobr. soch. v 13 t. [Complete works in 13 vols.].Vol. 13. Moscow: GIKhL, 1961. 627 p.

Miller H. Chernaja vesna: Roman, povesti, rasskazy, esse [Black spring: The novel, novelets, short stories, essays]. St. Petersburg: Azbuka-klassik Publ., 2000. 333 p.

Nerler P.M. Kommentarii [Comments]. Mandelstam O. Eh. Sochineniya: v 2 t. [Writings: in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit., 1990. P. 378–461.

Okudzhava B.Sh. Chaepitie na Arbate. Stikhi raznykh let. [Tea-drinking in Arbat street. Poetry of various years]. Moscow: Korona – sprint Publ., 1996. 576 p.

Okudzhava B.Sh. Puteshestvie diletantov [The trip of dilettantes]. Moscow: Izvestija Publ, 1986. 560 p.

Okudzhava B.Sh. Stikhi. Rasskazy. Povesti. [Poems. Short stories. Novelets]. Ekaterinburg: U – faktorija, 1998. 400 p.

Olesha Ju. K. Povesti i rasskazy. [Novelets and short stories]. Moscow, 1965. P. 353–357.

Pasternak B.L. Stikhotvorenija i poemy. [Lyrics and poems]. Moscow –Leningrad, 1965. P. 304–342.

Petrova N. Obraz evrejskogo portnogo v literature [The image of the Jewish tailor in literature]. Ebreju teksts Eiropas kultura [The Jewish text in European culture]. Latvian-Jews-Russian Culture Dialogues. 2006. Iss. 1 / Almanac of the Institute of Comparative Studies. Vol. 4. 268 p.

Petrova N. Sistema zaglavij v «Negative polozhitel'nogo geroja» V. Aksenova [The system of titles in V. Aksenov's «The negative of the positive hero»]. Poehtika zaglavija [Poetics of the title]. Moscow – Tver, 2006. P. 314–316.

Rot F. Sluchaj Portnogo. [The case of the Tailor]. St. Petersburg: Limbus Press, 2001. 288 p.

Shamisso A. Udivitel'naja istorija Petera Shlemilja [An amazing story of Peter Schlemihl]. Izbrannaja proza nemeckikh romantikov: v 2 t. [Selected prose writings of German romanticists: in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit. Publ., 1979. P. 112–167.

Sholom Alejkhem Sobranie sochineniy: v 6 t. [Collected works: in 6 vols.]. Vol 4. Moscow, 1960. P. 7–50.

Tabakov O. Moja nastojashhaja zhizn' [My real life]. Moscow: Izd-vo «Mosk. teatr» Publ., 2000. 496 p.

THE ART OF CUTTING OUT AND SEWING (NOTES ON THE SUBJECT)

Nataliya A. Petrova
Professor in the Department of Russian and Foreign Literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

The article deals with the image of the tailor in literature, from the very first tailor, Adam, to the literary biography of Eduard Limonov. It does not actually mean that all the texts presenting this image are subjects of consequent consideration. The aim of the article is to identify some characteristic features of the «tailor's evolution». In Russian literature there are two main types of the «tailor»: «portnoj» and «portnjazhka» (a master and his apprentice, the duality of the word assumes lack of either skill or wish). The word itself appeared in the language thanks to the felicitous translation of the title of brothers Grimm's fairy tale about a brave little tailor. «Portnjazhka» is always brave and ready to change his craft for the might and glory. «Portnoj» is a poor righteous drinker, who longs for wealth but remains loyal to his profession. «Portnjazhka» cares about the impression he makes, while «portnoj» undresses the subjects of his professional efforts literally (Grimm) and metaphorically (Andersen). «Portnjazhka» is a character; «portnoj» is a means of penetrating into the essence. «Portnjazhka» embodies heroism, while «portnoj» embodies routine of everyday life. «Portnjazhka» succeeds due to good luck, «portnoj» obtains material benefit only due to magic. The life of «portnjazhka» is governed by chance, the life of «portnoj» is governed by fate, and he himself can play the role of destiny. The two types of the tailor interact in «Zakoldovannyj portnoj» («The Tailor Enchanted») by Sholom Alejkhem. In «Jegipetskaja marka» («The Egyptian Stamp») by Osip Mandelstam the tailor is the master of life and death, at the same time he belongs to art, which has the same opportunities. Osip Mandelstam names the craft «delo» (which means both «work» and «case»), which creates a pun: «shit' odezhdu» and/or «shit' delo» (in Russian «shit'» means «sew», and the abovementioned expressions with this word mean «sew clothes» and «trump up a case» , respectively). Since Gogol wrote «The Overcoat», the tailor has been personified in cutting out an overcoat. In «Staryj pidzhak» («The old coat») and «Iskusstvo krojki i shitja» («The art of dressmaking») by Bulat Okudzhava the coat becomes the measure of lifetime, and its

renovation means the change of fate. The new motif of «a tailor's son» being a kind of «the artist as a young man» appears in Henry Miller's «Black Spring». In the XXth century «portnoj» is much more popular than «portnjazhka», the story tends to be allegoric and the image becomes the symbol of tragic mismatch between expectations and reality. The tailor's potential aptitude for «reshaping» the world does not save him from being sacrificed for the world history. Hence the image of «a Jewish tailor», the victim of the Holocaust, which acquires a specific status. Nowadays the image of the «brave portnjazhka» regains its popularity, quite often in the form of a childish self-nomination. It is Eduard Limonov who can be considered the initiator of this process. Being used to earn a living sewing trousers when he was a young artist, he has become a provocative writer, bravely revolting against the imperfection of the world.

Key words: tailor; evolution; character; fate; allegory; symbol.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК 821.161.1 «18»

ОБРАЗЫ ПОМЕЩИКОВ-АНГЛОМАНОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Марина Владимировна Цветкова
д. филол. н., профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации
НИУ Высшая Школа Экономики – Нижний Новгород
603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12. mtsvetkova@hse.ru

Статья посвящена исследованию изображения помещиков-англоманов в русской литературе XIX в. Материалом для анализа стали произведения А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» и И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» и «Отцы и дети», в которых прослеживаются основные тенденции в изображении помещиков-англоманов в русской литературе названного периода. Увлечение английским образом жизни, способом ведения хозяйства, системой образования и воспитания неизменно преподносится в комическом ключе как глубоко чуждое русскому духу. Англомания в произведениях обоих авторов представлена как явление поверхностное, не затрагивающее глубоко ни душу, ни сознание героев. Обнаруженные и описанные тенденции проецируются в то же время и на отношение к Англии и англичанам в русском обществе XIX в.

Ключевые слова: образы помещиков-англоманов; имагология; русская литература XIX в.; А.С. Пушкин; «Барышня-крестьянка»; И.С. Тургенев; «Дворянское гнездо»; «Отцы и дети».

Изучение образов «своего» и «чужого» − одна из самых популярных тенденций современного литературоведения, лингвистики, культурологии, истории. О ее актуальности свидетельствует появление специального направления гуманитарного знания, получившего название «имагология», которое занимается вопросами формирования образа «чужого», «другого» в литературе, культуре и общественном сознании разных народов [Ощепков 2010: 251]. В отечественном литературоведении имагология сегодня заняла свою нишу в рамках компаративистики, что подтверждается, в частности, появлением фундаментального труда О.Ю. Полякова и О.А. Поляковой «Имагология: теоретико-методологические основы» [Поляков, Полякова 2013].

В нашей стране начало изучению образа России и русских в английской литературе было положено одним из крупнейших российских англистов прошлого века Н.П. Михальской [Михальская 1995]. В XXI в. исследования подобной тематики, выполненные как литературоведами, так и историками, появлялись с завидной регулярностью. Достаточно упомянуть работы Е.Ю. Артемовой [Артемова 2000], С.А. Данилина [Данилин 2006], Л.Ф. Хабибуллиной [Хабибуллина 2010] и др. Нельзя не отметить и труды, построенные на «обратной перспективе», в которых в центре внимания оказывался образ других культур в русской литературе; так, Н.В. Буткова [Буткова 2001] обращалась к образу Германии и немцев в творчестве Тургенева и Достоевского, В.А. Хорев [Хорев 2005] – к образу Польши и поляков в русской литературе. Однако эволюция образа англичанина, как и процесс формирования отношения ко всему английскому, в русской литературе остаются до настоящего времени почти не изученными. Вместе с тем подобное исследование могло бы пролить дополнительный свет на современное состояние русско-британских отношений, позволив осознать их корни, поскольку национальная литература является отражением картины мира народа и тончайшим инструментом для выявления происходящих в ней изменений. Таким образом, предлагаемый в статье анализ образов помещиков-англоманов в русской литературе обладает и новизной, и практической ценностью.

XIX в. был выбран для изучения не случайно: историки культуры отмечают, что с конца XVIII

© Цветкова М.В., 2015

столетия в России наряду с галломанией, которая постепенно идет на спад, начинает развиваться англомания. Этот процесс был обусловлен двумя факторами: Французской буржуазной революцией, которая привела в ужас русскую аристократию и разочаровала прогрессивно настроенную общественность, с одной стороны, и впечатляющими успехами Великобритании в политическом, экономическом и культурном отношении, с другой. Война 1812 г. укрепила торговые и культурные связи с Британией, что способствовало росту интереса к государственным институтам этой страны и экономическим теориям, выработанным ее учеными.

Первые англоманы появляются в России в конце XVIII, что во многом было связано с личным интересом к Англии императрицы Екатерины II, совпавшим с ростом популярности этой страны во всей Европе. Увлечение английской культурой было свойственно в этот период прежде всего тем образованным представителям русской аристократии, которые сами побывали в Англии и испытали влияние ее культуры, уже вступившей в пору своего бурного расцвета. Достаточно вспомнить об эдинбургском салоне 1776 – 1779 гг. Е.Р. Дашковой, библиотекаре императрицы В.П. Петрове, литераторе С.С. Боброве, М.И. Плещееве, выступавшем в печати под псевдонимом «Англоман», и др.

Чем привлекала образованных россиян того времени Великобритания, отчетливо видно в «Записках русского путешественника» Николая Карамзина, где автор дает детальное описание английской жизни и английского характера, какими он увидел их во время своей поездки в эту страну. Он отмечает специфическое чувство юмора и эксцентричность британцев, свойственные им обостренное чувство справедливости и любовь к благотворительности, надежность данного ими слова, а также их представление о свободе, основанное на Великой хартии вольностей. Британское видение свободы, которое Карамзин формулирует как «… я живу, где хочу; уверен в том, что имею, не боюсь ничего, кроме законов» [Карамзин 1988: 475], не могло не поражать воображение современников, живущих в государстве, где до отмены крепостного права оставалось ждать еще три четверти века.

Подобных Карамзину образованных путешественников, побывавших в Англии и испытавших на себе ее влияние, было достаточно много, в результате чего английская манера одеваться в первой половине XIX в. все более успешно соперничает с французской модой (Онегин у Пушкина «как денди лондонский одет»), а вместо французских гувернанток все чаще приглашают гувернанток английских. Что касается английского языка, то он так и не достиг той степени популярности, какую имел в высших кругах французский, который в начале века практически заменил в салонах русский язык. Тем не менее английский получил известное распространение в обществе, о чем свидетельствует исследование, проведенное М.П. Алексеевым [Алексеев 1976]. Мемуары и дневники современников подтверждают, что на рубеже XVIII−XIX вв. англофилов среди россиян насчитывалось достаточно много (см, например, «Записки» Ф.Ф. Вигеля (1786−1856) [Вигель 2000], «Мои воспоминания» лицейского друга Пушкина А.И. Дельвига (1798−1831) [Дельвиг 1912]).

К середине XIX в. политические отношения России и Великобритании, и без того непростые, обострились до предела. В 1853 г. разразилась Крымская война. К этому времени восхищение Англией в русском обществе постепенно сошло на нет, хотя из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», написанного в 1873−1877 гг., видно, как глубоко укоренилось к этому времени английское влияние в аристократической среде. Целый ряд героев носит здесь английские имена: Бетси, Долли, Китти, даже Стива является производным от английского Стив. Интересно, что в исторической эпопее «Война и мир», где действие перенесено в самое начало XIX в., многие герои имеют французские имена: Элен, Анатоль, Жюли и т.д. Сопоставление имен персонажей двух толстовских романов убедительно демонстрирует изменения, происшедшие в русском менталитете от начала к концу XIX в. О том, какое место в середине столетия занимал английский язык в ряду других иностранных языков, можно сделать вывод по брошенной вскользь Тургеневым в «Дворянском гнезде» характеристике Владимира Николаевича Паншина, который показан как человек, умеющий жить: он «говорил по-французски превосходно, по-английски хорошо, по-немецки дурно» [Тургенев 1954а:112].

Обзор русской классики XIX в. позволяет утверждать, что типичные для той эпохи образы, связанные с Англией, можно разделить на три категории – это английские путешественники («И путешественник залетный, перекрахмаленный нахал/ В гостях улыбку возбуждал/ Своей осанкою заботной/ И молча обмененный взор/ ему был общий приговор» [Пушкин 1986: 325] на страницах «Евгения Онегина» Пушкина и британская путешествующая чета в романе Лермонтова «Княгиня Лиговская»), английские гувернантки (пушкинская мисс Жаксон из «Барышни-крестьянки» и чеховская мисс Тфайс из

«Дочери Альбиона»), а также русские помещики-англоманы, образы которых ярко представлены Пушкиным в «Барышне-крестьянке» и Тургеневым в «Дворянском гнезде» и «Отцах и детях».

В «Барышне-крестьянке» англоманом является Григорий Иванович Муромский. Пушкин пишет о нем, что это был «настоящий русский барин». Промотав большую часть своего имения, он уехал в последнюю свою деревню, где «продолжал проказничать, но уже в новом роде»: развел английский сад, на который тратил почти все оставшиеся доходы, конюхов одел английскими жокеями, дочери завел английскую гувернантку, а поля стал обрабатывать по английской методе. Таким образом, англоманство представлено Пушкиным как склонность «чудить», характерная для русского поместного дворянства в целом. Показательно, что увлечение всем английским оказывается в приведенном описании поставленным на одну чашу весов с мотовством, результатом которого стал отъезд Муромского из столицы. К нововведениям Муромского Пушкин относится с иронией, граничащей с сарказмом. Упомянув об английской земледельческой методе, он подытоживает: «Но на чужой манер хлеб русский не родится» [Пушкин 1960: 100], а потому никакой выгоды Муромский от проведенных им преобразований не имел и даже продолжал влезать в долги. Автор описывает и критическое отношение других помещиков к англомании соседа. Самый яростным его оппонентом был Берестов, который, показывая гостю свои владения, в ответ на похвалы его хозяйственным распоряжениям говорил с лукавой усмешкой: «Да-с! <…> у меня не то, что у соседа Григория Ивановича. Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты» [там же]. Таким образом, в «Барышне-крестьянке» увлечение всем английским, которое набирало обороты в ту пору, когда Пушкин работал над повестью, представлено как явление глубоко чуждое русской жизни, принимающее при столкновении с ней нелепые и комически формы.

В «Дворянском гнезде» англоманом показан Иван Петрович Лаврецкий. Его образ очень точно представлен Тургеневым как «продукт» сочетания галло- и англофилии, характерный, по-видимому, для первой половины XIX в. Воспитанный гувернером-французом – бывшим аббатом, бежавшим в Россию от ужасов Французской революции, Иван Петрович впитал в себя идеи свободомыслия, которые выразились в том, что он, против воли родителей, женился на крепостной, от которой сразу же уехал в столицу, постеснявшись взять ее с собой. В дальнейшем поверхностно усвоенные французские идеалы причудливо смешались в его уме с английскими, которые он усвоил за годы, проведенные им в Великобритании при русской миссии в Лондоне.

Иван Петрович явился в Россию англоманом, по выражению Тургенева, «все в нем так и веяло Великобританией; весь он казался пропитан ее духом» [Тургенев 1954а: 131]. Увлечение Англией выразилось в его наружности («коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртук со множеством воротничков» [там же]), гастрономических пристрастиях («страсть к кровавым ростбифам и портвейну» [там же]), а также манере держаться: «кислое выражение лица, что-то резкое и вместе с тем равнодушное в обращении, произношение сквозь зубы, деревянный внезапный хохот, отсутствие улыбки, исключительно политический и политико-экономический разговор» [там же]. Характеристика, которую дает герою Тургенев, косвенно помогает нам понять, каким представлялся его современникам образ англичанина. Из приведенных цитат совершенно очевидно, что образ этот виделся им как комический.

Изобразив Лаврецкого совершенным англоманом, Тургенев неожиданно сообщает: «Но − чудное дело! превратившись в англомана, Иван Петрович стал в то же время патриотом, по крайней мере, он называл себя патриотом, хотя Россию знал плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно» [там же]. Если сопоставить Лаврецкого с героем романа «Отцы и дети» Павлом Петровичем Кирсановым, который показан одновременно англоманом и славянофилом, однако был уличен Базаровым в том, что, считая себя патриотом, совершенно не представляет нужд и чаяний простого народа, то становится ясным, что подобные типажи были характерны для России XIX в.

Возвратившись в имение, Иван Петрович намеревается провести «коренные преобразования» [там же: 132], которые в итоге свелись к тому, что «появились новые мебели из Москвы; завелись плевательницы, умывальные столики; <…>иностранные вина изгнали водки и наливки; людям пошили новые ливреи; к фамильному гербу добавилась надпись: «in recto virtus (в законности − добродетель)» [там же]. «Что же до <…> управления имениями, − иронично замечает Тургенев, − то, несмотря на неоднократно выраженное Иваном Петровичем намерение: вдохнуть жизнь в этот хаос, – все осталось по-старому, только оброк кой-где прибавился, да барщина стала потяжелее, да мужикам запретили

обращаться прямо к Ивану Петровичу: патриот очень уж презирал своих сограждан» [там же].

Перемены коснулись и воспитания сына. Иван Петрович объявил, что «хочет сделать из него прежде всего «человека», un homme» [там же: 134]. Показательно, что автор заставляет своего героя-англомана здесь, как и в ряде других эпизодов, прибегнуть к французскому языку. Методика воспитания юноши, описанная в дальнейшем, тоже демонстрирует смешение английского и французского: Лаврецкий «исполнение своего намерения <…> начал с того, что одел сына по-шотландски» [там же], вменил в обязанность гимнастику, музыку же, как занятие недостойное мужчины, «изгнал навсегда» [там же], зато велел обучать сына естественным наукам, международному праву, математике и столярному ремеслу, по совету Жан-Жака Руссо, а также геральдике для поддержания рыцарских чувств.

Мальчика будили в четыре часа утра, обливали холодной водой, после чего он должен был бегать вокруг высокого столба на веревке, ездить верхом, стрелять из арбалета, при всяком удобном случае упражняться в твердости воли и ежевечерне вносить в «особую книгу отчет прошедшего дня и свои впечатления» [там же]. Отец «…со своей стороны, писал ему наставления по-французски, в которых он называл его mon fils и говорил ему «vous», хотя по-русски они были на ”ты”» [там же].

Выезжая из имения в Москву, Лаврецкий «прилежно посещал клуб, ораторствовал и развивал свои планы в гостиных» [там же], – т.е. вел себя как настоящий русский джентльмен. Однако в период реакции, воцарившейся после разгрома восстания декабристов, благоприобретенный европейский лоск быстро с него соскочил. Бывший джентльмен-вольтерьянец запирается в своем имении, начинает ложиться спать с петухами, париться в бане, ездить в церковь и заказывать молебны.

Если Иван Петрович Лаврецкий представлял поколение русских англоманов 20-х гг., то герой романа «Отцы и дети» Павел Петрович Кирсанов – представитель поколения 40-х. Сравнивая два этих образа, можно заключить, что за время, разделявшее их, мало что изменилось. Во взглядах Павла Петровича тоже английское переплетено с французским. Он постоянно использует в речи французские слова, не находя им эквивалентов в русском языке. В то же время Тургенев на страницах романа неоднократно называет его «джентльменом», изображает одетым то в темный английский «сьют», то в «изящный утренний, в английском вкусе, костюм» [Тургенев 1954б: 138]. Автор в деталях рассказывает о том, как, живя в деревне, Павел Петрович «всю жизнь свою устроил на английский вкус» [там же: 146]. Он по часам пьет какао, которое в середине XIX в. ассоциировалось прежде всего с Англией, ведь именно там для знатных людей уже в XVII столетии появились специальные питейные дома, где подавали этот напиток. Вечерами герой сидит перед камином, который топится каменным углем (главным экспортером которого в Россию в то время была Великобритания), а соседей-помещиков старого покроя дразнит «либеральными выходками» [там же]. Впрочем, либеральные выходки могли не только обусловливаться английским влиянием, но и быть олицетворением влияния французского вольномыслия.

При описании Павла Петровича Кирсанова точно так же, как и при описании Лаврецкого, Тургенев постоянно смешивает в нем английское, французское и русское. Описывая приезд Аркадия, он отмечает: «Совершив европейское «shake hands», он три раза по-русски поцеловался с ним <…> и проговорил «Добро пожаловать» [там же: 134]. На той же странице, когда Аркадий и Базаров уходят, Павел Петрович говорит брату по–французски: «Я нахожу, что Аркадий s’est dégourdi (стал развязнее)». А в эпилоге, прощаясь, он говорит: «Будьте счастливы, друзья мои! Farewell!» [там же: 272].

Кирсанов постоянно приправляет свою речь французскими словами и даже некоторые русские слова произносит на французский манер (например, слово «принсипы»).

Либерализм Павла Петровича, подобно патриотизму Лаврецкого, носит аристократический характер. Тургенев иронически замечает, что он «всегда вступается за крестьян; правда, говоря с ними, <…> морщится и нюхает одеколон» [там же: 146].

Образы помещиков-англоманов во всех трех произведениях объединяет то, что авторы изображают их с явной иронией, а их увлечения английским образом жизни как поверхностные. Нововведения ограничиваются либо появлением в имении парка, разбитого на английский манер, и переодеванием лакеев в ливреи нового образца (Муромский), либо обустройством дома на английский лад (плевательницы и туалетные столики заводит Лаврецкий, английские рукомойники Павел Петрович Кирсанов). В то же время никаких глобальных позитивных изменений в имениях англоманов не происходит: у Муромского не прибавилось денег от ведения хозяйства на английский лад, у Лаврецкого ухудшилось положение крестьян: несмотря на либеральные взгляды хозяина, барщина с оброком увеличились; Базаров иронически отмечает, что у него в

комнате английский рукомойник, а дверь не закрывается.

Увлечение английской культурой не затрагивает глубоко ни душу, ни сознание описанных Пушкиным и Тургеневым помещиков. «Англоманство» своих героев оба автора изображают как чудачество, от которого окружающим мало пользы.

Кроме того, авторы не могли не показать, что англомания на русской почве принимает причудливые формы, смешиваясь, с одной стороны, с французским влиянием, а с другой стороны, с проявлением русского патриотизма.

Трактовка образов героев-англоманов самими писателями, равно как и изображаемое ими в произведениях (написанных в разные годы XIX в.) восприятие их окружающими, косвенно свидетельствует о том, что в России того времени отношение к Англии и англичанам неизменно оставалось настороженно-ироническим.

Примечание

[1] Подробное описание увлечения английской культурой и языком в России конца XVIII в. дает М.П. Алексеев в своей статье «Английский язык в России и русский язык в Англии» [Алексеев 1974].

Список литературы

Алексеев М.П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Учен. зап. ЛГУ. Серия Филологические науки. № 72, вып. 9. Л., 1974. С.88−93.

Артемова Е.Ю. Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII века). М.: Ин-т российской истории РАН, 2000. 253 с.

Вигель Ф. Ф. Записки / под ред. С.Я. Штрайха. М.: Артель писателей «Круг», 1928; репринт М.: Захаров, 2000. 592 с.

Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т.4. М.: Моск. публ. и Румянцев. музей, 1912. 587 с.

Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX − начала XX вв.: дисс. … канд. истор. наук: 07.00.02. М., 2006. 230 с.

Буткова Н.В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского: дисс. … канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2001. 252 с.

Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825−1853. М.: Наука, 1982. 322 с.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1988. 544 с.

Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе XI−XIX вв. М.: МПГУ, 1995. 150 с.

Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251−253.

Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: ООО Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.

Пушкин А.С. Барышня-крестьянка // Собрание сочинений: в 10 т. / под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. Т.5. Романы, повести. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. 660с.

Пушкин А.С. Евгений Онегин // Собрание сочинений: в 3 т. Т.2. Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1986. 527 с.

Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Собрание сочинений: в 12 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1954а. Т.2. 326 с.

Тургенев И.С. Отцы и дети // Собрание сочинений: в 12 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1954б. Т.3. 412 с.

Хабибуллина Л.Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань: Казан. ун-т, 2010. 205 с.

Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М.: Индрик, 2005. 231 с.

References

Alekseev M.P. Anglijskij jazyk v Rossii i Russkij jazyk v Anglii [The English Language in Russia and the Russian Language in England]. Uchjonye Zapiski LGU. Serija Filologicheskie Nauki. [Leningrad State University Proceedings. Philology]. Leningrad. 1974. № 72. Iss. 9. P. 88−93.

Artjomova E.Ju. Kultura Rossii Glazami Posetivshikh ejo Francuzov (Poslednjaja Tret' 18 Veka). [Russian Culture Through the Eyes of the French Who Visited It (The Last Third of the 18th Century)]. Moscow: Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000. 253 p.

Butakova N.V. Obraz Germanii i Obrazy Nemcev v Tvorchestve I.S. Turgeneva i F.M. Dostojevskogo. Diss. kand. fil. nauk [The Images of Germany and the Germans in the Works of Ivan Turgenev and Fyodor Dostoevsky. Cand. philol. sci. Diss.]. Volgograd, 2001. 252 p.

Delvig A.I. Moi Vospominanija [My Memoirs]. Vol. 4. Moscow: Moscow publ. and Rumyantzev Museum Publ., 1912. 587 p.

Erofeeva N.A. Tumannyj Al'bion. Anglija i Anglichane Glazami Russkikh. 1825−1853 [The Foggy Albion. England and the English through the Eyes of

the Russians. 1825−1853]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 322 p.

Karamzin N.M. Pis'ma Russkogo Puteshestvennika [Letters of a Russian Traveler]. Moscow: Pravda Publ., 1988. 544 p.

Khabibulina L.F. Mif Rossii v sovremennoj anglijskoj literature [The Myth of Russia in Contemporary English Literature]. Kazan: Kazan University Publ., 2010. 205 p.

Khorev V.A. Pol'sha i poljaki glazami russkikh literatorov. Imagologicheskije ocherki [Poland and the Polish Through the Eyes of the Russian Writers. Imagalogic Sketches]. Moscow: Indrik Publ., 2005. 231 p.

Lanilin S.A. Obraz Rossii i ejo Politiki v Anglo-amerikanskoj Publicistike Konca 19 – Nachala 20 vv. Diss. kand. ist. nauk [The Images of Russia and Its Politics in Anglo-American Journalism of the Late 19th – Early 20th Century. Cand. hist. sci. Diss.]. Moscow, 2006. 230 p.

Mikhalskaja N.P. Obraz Rossii v anglijskoj khudozhesvennoj literature 11−19 vv. [Representation of Russia in English Fiction of the 11th–19th Centuries]. Moscow: Moscow Pedagogical State University Publ., 1995. 150 p.

Oshhepkov A.R. Imagologija [Imagology]. Znanije. Ponimanije. Umenije. [Knowledge. Comprehension. Skills]. 2010. № 1. P. 251−253.

Poljakov O.U., Poljakova O.A. Imagologija: teoretiko-metodologicheskije osnovy. [Imagology: Theoretical and Methodological Foundations]. Kirov: OOO Raduga-PRESS, 2013. 162 p.

Pushkin A.S. Baryshnja-Krestjanka [The Squire's Daughter]. Sobranie sochinenij v 10 t. T. 5. Romany, povesti [Collected Works in 10 vols. Vol. 5: Novels, Stories] / ed. by D.D. Blagoj, S.M. Bondi, V.V. Vinogradov, U.G. Oksman. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1960. 660 p.

Pushkin A.S. Evgenij Onegin [Eugene Onegin]. Sobranie sochinenij v 3 t. T. 2. Poehmy. Evgenij Onegin. Dramaticheskije proizvedenija [Collected works in 3 vols. Vol. 2. Poems. Eugene Onegin. Plays]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1986. 527 p.

Turgenev I.S. Dvorjanskoe gnezdo [Home of the Gentry]. Sobranie sochinenij: v 12 t. [Collected Works in 12 vols.]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1954. Vol. 2. 326 p.

Turgenev I.S. Otcy i deti [Fathers and Sons]. Sobranie sochinenij: v 12 t. [Collected Works in 12 vols.]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1954. Vol. 3. 412 p.

Vigel' F.F. Zapiski. [Diary] /ed. by S.Ja. Shtrajkh. Moscow: Artel' pisatelej "Krug" Publ., 1928; Moscow: Zakharov Publ., 2000. 592 p.

IMAGES OF SQUIRES-ANGLOMANIACS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIXth CENTURY

Marina V. Tsvetkova
Professor in the Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication
National Research University Higher School of Economics – Nizhny Novgorod

The article examines the images of squires-anglomaniacs as they are depicted in Russian literature of the XIXth century. The analysis is based on Alexander Pushkin's novel «The Squire's Daughter», and two novels by Ivan Turgenev, «A House of Gentlefolk» and «Fathers and Sons». These novels are representative of the general way anglomaniac characters are depicted in Russian literature of the period. The squires' obsession with the English lifestyle, education, farming, housekeeping and child rearing methods is treated in a comic vein. Both authors show anglomania as a superficial phenomenon, which is not deeply rooted in the minds of their characters. The peculiarities of the representation of squires-anglomaniacs are projected onto the general attitude to England and the English in Russian society of the XIXth century.

Key words: images of anglomaniac squires; imagology; Russian literature of the XIXth century; Alexander Pushkin; «The Squire's Daughter»; Ivan Turgenev; «A House of Gentlefolk»; «Fathers and Sons».

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК 821.111-31

THE SUBVERSION OF LINEAR TIME IN 'SONS AND LOVERS' BY D.H. LAWRENCE[1]

Boris M. Proskurnin
Professor, Head of the Department of World Literature and Culture
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia. bproskurnin@yandex.ru

The essay is devoted to the issues of art time in one of the most known novels of D.H. Lawrence. The issues of time were central for the modernist writers since they showed the prevalence of an individual's experience of life over the life itself; they were preoccupied with proper depicting of a person's inner living through external circumstances, especially when a young hero enters the world, perceives it and experiences heavy growth costs as it happens with the main character of 'Sons and Lovers'. The novel under analysis is constructed on the basis of several genetic plot patterns: socio-panoramic, biographical and autobiographical and psycho-analytical, and each of them influences the time-structure of the novel. The essay shows how a complex temporal structure – a unity of family, biographical, personal time and socio-historical time, epic time, transpersonal, eternal time – works in the novel and determines its general artistic peculiarities. The author argues that D.H. Lawrence, for the purpose of giving the fullest, by his account, picture of the main character's internal conversion of the events of his growing up, unites traditional (realistic) and experimental (modernist) temporal paradigms, having kept general linear forward time-movement, retards, or/and hastens the flux of narrated time.

Key words: English literature; D.H. Lawrence; modernism; realism; art time; novel; Bildungsroman; character.

D.H. Lawrence's *Sons and Lovers* (1913) seems to be not so much read and analyzed as his *Women in Love* (1921) or *Lady Chatterley's Lover* (1928) [see: Roberts, Poplawski 2001]. But still it is one of the most popular novels of his and quite well thought of by the critics through the whole hundred years of its existence[2]. It is traditionally looked at as the first novel in the English language to explore ordinary working-class life from the inside. It is liked by many due to its intimate narration of life in the times of crucial changes when former social and moral values were challenged by modernity. It is the novel in which some crucial peculiarities of D.H. Lawrence's art are displayed with their bright vividness and clearness. At the same time, it is the novel where the author works out some new principles of character- and milieu-depicting, which no longer ties him so soundly to the tradition of the XIX century novel: *The Rainbow* (1915) and *Women in Love* are the novels, as we all know, of another type to much extent. As Michael Bell argues, some episodes in *Sons and Lovers* (for example, the scene with Mrs. Morel being driven out the house by a drunk husband in the garden at night and the love-making scene of Clara and Paul) 'anticipate the mature Lawrence' [Bell 2003: 136].

The issues of Time are, no doubt, core issues of the ideology of modernism and the fiction of the period [see: Ushakova 2010]. Practically it has become a commonplace in any study of the modernist literature to refer to the works of Henry Bergson and Albert Einstein with their ideas of subjectivity and relativity of time [see: Bradbury, MacFarlane 1976]. These ideas influenced immensely the writers of the period, who were very much preoccupied with the aspects of time, with its subjectivization through the minds of depicted characters, with predominant asymmetrical relations of the past, present and future times in inner world of a literary hero, which results in various shifts along the time coordinate. There are some principal peculiarities of art time in English modernist fiction analyzed in the interesting essay of Elizaveta Brezhneva 'Outer Time' and 'Inner Time' in Poetics of Virginia Woolf's Novels' [Brezhneva 2011]. The author of the essay argues that English modernists'

© Proskurnin B.M., 2015

temporal structures are tied together with the characteristics of English national mentality: 'amalgam of traditions and moderateness – on the one hand, individualism, on the other', what, by Brezhneva, 'clarifies peculiar, ambivalent concept of time, formed in the mind of an English native speaker' [Brezhneva 2011: 226]. It is obvious that 'inner time' means and matters much more for English modernists than 'external' ('outer') time. It is especially true when we speak about 'the novel of emergence of the individual', in terms of Mikhail Bakhtin, into the category of which we may rank *Sons and Lovers*.

Thinking about *Sons and Lovers,* we could not help remembering Virginia Woolf's remark of this novel and of its artistic world – she called it 'Nottingham cosmos' (Woolf 1989: 543). If it is so, this cosmos has to have its space and its time. This 'cosmos' of D.H. Lawrence is based on some specific *chronotope,* to use the term of Mikhail Bakhtin. This chronotope is constructed to unite two things, which, by Lawrence, is the essence of a human being's life: internal and external, apparent and hidden, covert. Many critics see the novel's strength and peculiarity just in this unity: 'here D.H. Lawrence most of all his previous works reaches his aesthetic ideal – i.e. equilibrium of these two things (internal and external)' [Mikhalskaya 1998: 89].

The novel is constructed on the basis of several genetic plot patterns: socio-panoramic (Thomas Hardy's one as the closest, as many critics write), biographical (in some way autobiographical), psycho-analytical, and each of them influences the time-structure in the novel. We may say that, on the one hand, Lawrence depicts 'a story of a typical young man of his time, one who suffered from a widespread malaise, the conflict with his parents' generation' [Finney 1990: 15] (there are three sons in conflict with the father in the novel; i.e. Lawrence multiplies this generic opposition), and on the other hand – he tries to 'place the individual characters and incidents into some timeless pattern of human behaviour' [Finney 1990: 15]. The latter brings us to the conclusion that a priori the novel will have a complex temporal structure – a unity of family, biographical, personal time and socio-historical time (perhaps not so much distinct), epic time, transpersonal, eternal time.

Two parts of the novel seem to be different in terms of their temporal grounds. The first part is based on the linear time-pattern due to the closeness of the narrative to *Bildungsroman* and to biographical mode. The second part is based on a lyrical temporal structure, when time is just included in a massive of psychological and private process of life perception. But because these both parts tell about a young man's entering life irrespective of their different temporal intentions and different time-speed, they are united by the idea of the movement of time from some past to some future, by the idea of time continuity.

Bildungsroman pattern determines chronological way of organizing the novel's chronotope. The very title of the first chapter of the novel, *The Early Married Life of the Morels*, implies the linear temporal structure, to be exact – predominance of so called 'family time' (again in terms of Mikhail Bakhtin, used by the critic for the analysis of the Bildungsroman's genesis). In Mikhail Bakhtin's essay *Bildungsroman and Its Significance in the History of Realism* there are five modifications of *Bildungsroman*. If we follow Bakhtin's definitions, *Sons and Lovers* could be regarded as the third type – Bakhtin called such novels as 'biographical or autobiographical novels', which are characterized by the picture of a hero's formation as a personality within the biographical time-pattern, this process of formation of a character goes through strictly individual stages. As Bakhtin argues, 'Emergence here is the result of the entire totality of changing life circumstances and events, activity and work. <…> The emergence of man's life-destiny fuses with the emergence of man himself'[Bakhtin 1986: 22]. On the list of such types of *Bildungsroman* Bakhtin puts Fielding's 'Tom Jones' and Dickens's 'David Copperfield'. According to Bakhtin, time in this type of a novel first of all demonstrates itself through the images of the Nature: the Sun and the Stars circulation, perceptible and visual Seasons' marks, etc. At the same time, when we speak about events, social activities and works, we understand that socio-historical time plays its serious role too. It means that no writer of a *Bildungsroman* could avoid depicting social, cultural and everyday-life and moral and manners signs. It also means that, temporally speaking, such a novel is a complex time texture, where historical, personal, eternal, real and the like times co-exist and co-work. It is true for the novel of D.H. Lawrence under our analysis.

Pre-Morel and early-Morel time, given in the first chapter, is developed (reconstructed) within the author's narration with the idea that time is inevitable in its movement onwards; this idea unites two parts of the novel despite the fact that they prove it on different basis. We read in the novel: 'Sometimes life takes hold of one, carries the body along, accomplishes one's history, and yet is not real, but leaves oneself as it were slurred over' [Lawrence 1981: 13]. But in the first chapter Lawrence already seems to break this pattern and tends to a different temporal

organization of the plot and its narration, when readers 'travel' back and forth along the timeline. Having in mind the general time vector, Lawrence quite resolutely travels along it, using either retrospective or prospective points of view: 'To her dying day, for thirty-five years, she did not speak of him' (her first love John Field) [Lawrence 1981: 16]. In terms of the author's temporal position, he moves (and readers with him do the same) back along the timeline, and by this moment we already know that Mrs. Morel is married, has a son, William by name, and a daughter, Anni, and is pregnant with another baby. Practically, the following thought of Gertrude looks prospective in terms of temporality (put by the writer as indirect speech): 'And looking ahead, the prospect of her life made her feel as if she were buried alive' [Lawrence 1981: 12]. This idea of 'prospect' becomes a leading one in the early chapters of the novel when Gertrude understands her mistake of marriage to Morel. Or: 'There began a battle between the husband and a wife – a fearful, bloody battle that ended only with the death of one [Lawrence 1981: 23].

Or (when William brings from London an umbrella for her as a present): 'She kept it to her dying day, and would have lost anything rather than that' [Lawrence 1981: 104]. Remarkably, when Paul began to work at Mr. Jordan's and that was his first day there and Mrs. Morel was waiting for his coming back home, D.H. Lawrence writes: 'But she herself had had to put up with so much that she expected her children to take the same odds. They must go through with what came. And Paul stayed at Jordan's, although all the time he was there his health suffered from the darkness and lack of air and the long hours' [Lawrence 1981: 137]. Here we have one more example of prospection: both Mrs. Morel and the author look into the future of Paul. Within the narration about William's growing up, before Paul's birth, the author uses rather loose time structure. After Paul comes into this world, the narration becomes more determined in terms of time and space. Thus, we understand that the protagonist of the novel is Paul, not William or anybody else. Though even in the narration concerning Paul we may meet the cases of retrospection, for example the scene of getting father's money in Chapter IV 'The Young Life of Paul'. It is given without any definite tie to the concrete time; it is just said by the author that 'the colliers of the five pits were paid on Fridays' [Lawrence 1981: 89] and one of these Fridays is described – somewhen before the narrative moment when Lawrence starts to tell about this. And it is included in the series of actions of the same sort done by other Morel's children before Paul. This scene is given with a distinct emotional colouring by a small boy frightened and lost among so many grown-ups, and, what is more important, full of responsibility which burdens on him. The scene is depicted in the manner of close-ups and from the perspective of a scared kid. Both time and space are perceived here with stressed personal attitude, being just endured by the personage. This is one of the examples of the temporal thing which may be called 'biographical time'. Here is one more example of this kind of time with another genesis of the personal 'colouring'. Mrs. Morel is said about in the beginning of the first chapter after her quarrel with the husband: 'She remembered the scene all her life, as one in which she had suffered most intensely' [Lawrence 1981: 24].

At the same time, Part One could be characterized as the one structured on points of real time – stages of the two sons' growing up. We may just look at the third chapter and the beginnings of the overwhelming majority of the paragraphs in it: they are, in this way or another, time-markers of definite 'real' time (family time): 'During the next week…', 'This time, however...', 'The weeks passed', 'Then he was indignant', 'Now, with the birth of the third baby…', 'During his recuperation…', 'Meanwhile William grew bigger and stronger and more active…', 'And then...', 'At dinner time…', 'But that evening...', 'When the children were old enough…', 'Then, when the lad was thirteen…', 'Then, he began to get ambitious', 'Then he came home angry with his mother…', 'There ended the altercation…', 'When she was nineteen…', 'William remained a year at his new post in Nottingham', 'A few days before his departure'- he was just twenty - …', 'Soon there was a heap of twisted black pages…'. These time-clamps organize the narration as a whole and imply the movement onwards since children are growing and parents are becoming older.

There are some narrative points quite interesting to interpret: 'Already he was getting a big boy. Already he was top of the class, and the master said he was the smartest lad in the school' [Lawrence 1981: 63]. These two '*alreadys*' mark that the narration is given through Mrs. Morel's point of view (the domineering narrative voice of Part One). It marks also the fact of family time domineering, i.e. time is measured by Mother with the help of changes in her sons' growing up. Since the main narrative voice in Part One is that of Mrs. Morel, it 'travels' back and forth and complicates the temporal pattern of the narration. It is the narrative policy in the chapter 'The Casting off of Morel – the Taking on of William' and in the next chapter – 'The Young Life of Paul', as well as in the chapter 'Death in the Fam-

ily', where the very beginning of it starts with the landmarks of the third son's, Arthur's, growing up: 'Arthur Morel was growing up'. And we read further: 'But as he grew older his temper became uncertain'. Or: 'So that Arthur, who was growing up when his father was degenerate and elderly, hated him worst of all' [Lawrence 1981: 142; 143].

In the chapters which follow (up to the end of Part One) it is easy to notice that Mrs. Morel measures time-passing by events (successes, failures) of her children, the closer to the second part, the more – by the events of Paul's life, to a definite extent preparing readers to be aware of some special closeness of the Mother and her second son.

There are many examples in the novel when time is structured with the help of the psychological state of the personages, when even the space is measured by specific perception of the time: 'The sixteen slow miles of railway journey passed' [Lawrence 1981: 117] (when Paul and Gertrude went to Nottingham for settling Paul as the clerk at Mr. Jordan's; nervousness of both is quite understandable; but what is remarkable: the agitation of Paul, i.e. his point of view, is the thing that determines the narrative tone here. It is obvious when D.H. Lawrence writes a bit later: 'The town was strange and delightful to them. But the boy was tied up inside in a knot of apprehension. He dreaded the interview with Thomas Jordan' [Lawrence 1981: 117]. This manner of 'privatizing' (subjectivization) of the time that moves forward (its psychological colouring) becomes even more obvious when we read the closing passages of Chapter VI 'Paul Launches into Life': 'So the time went along happily enough. The factory had a homely feel. No one was rushed or driven. Paul always enjoyed it when the work got faster, towards post-time, and all the men united in labour' [Lawrence 1981: 141]. The end of this chapter is quite peculiar in terms of Lawrence's mastery of making congruent individual (biographical) time and epic time, when he puts together Paul's climbing up the hill to his home in the evenings and so called 'big life' with its 'villages five or six miles away, that shown like swarms of glittering living things, almost a heaven against his feet', 'a great train rushing south to London or north, to Scotland' [Lawrence 1981: 141], i.e. big life (and time too) moves on and on, and his life, as a small part of it, moves on too. It is not just like in the prose of Marcel Proust, where epic moments are situated within lyrical narrative wholeness, especially if we compare Proust's style and that of the first part of *Sons and Lovers*. But it is on the move to this direction, mostly – in the second part of the novel.

Temporally speaking, it is quite notable that in the most dramatic chapter of the whole novel, but quite specifically – in the first part, which is centred around the death of William, in one of the most lyrical scenes between him and his mother, whose key-idea here is that her son holds his life in his own hands now and should rely on himself, they both all of a sudden notice: 'The clock ticked on; mother and son remained in silence' [Lawrence 1981: 164]. D.H. Lawrence, whose art, as we know, is full of symbols to lead a reader from the particular to the general, in a sense predicts the tragedy that will happen soon, as 'she saw the despair on his face' [Lawrence 1981: 164]. This is perhaps one of the rare references to a real clock in the novel. The next one, the most notable, is in the scene of the first visit of Paul to the house of Clara and her mother, after the theatre performance with Sarah Bernard in the main role, and their playing cards, when Paul was really counting each moment of being close to the woman to whom his desire was so much unbearable (see 'The clock struck one' – Lawrence 1981: 409) or, vice versa, he does not care about time enjoying the closeness of Clara in the scene of their walk in the fields [see: Lawrence 1981: 399].

The main time-indicators in the first part are the ages of the children (as it should be in the *Bildungsroman*) – mostly of William and Paul, rarely of Arthur and Annie. Closer to the end of the part, because all of them are already grown-ups, much oftener we see such time-markers as the Seasons, Christmas, Easter, Whitsuntide, or local holiday – Goose Fair. It is a sort of introduction of a way of drawing timeline which becomes predominantly used in the second part. What is more, such time-markers, as 'sometimes' and 'occasionally', are widely used in the second part, let alone such as 'one Saturday afternoon', 'one evening in midsummer' [Lawrence 1981: 14], 'one day in March' [Lawrence 1981: 238], 'one morning' [Lawrence 1981: 311]. They seem to mark some definite day or moment and bring in the idea of the movement of time forward along the timeline, but as a matter of fact mean something which is ascribed to infinity, eternity? When we may answer the question 'When does it happen?' saying 'Now and always (or each March, each morning', etc. This corresponds with the writer's idea of a human being an integral part of cosmos. For example, when Paul and Clara visit the performance of Sarah Bernard, at one moment Paul looks at her and feels 'a kind of eternal look about her'[Lawrence 1981: 403]. Before that he notices 'eternal maidenhood' in Miriam [Lawrence 1981: 341].

When the verb 'grow' ('grew') is used in the second part of the novel, it is not for marking the age of the children, but for another kind of strengthening the endless flow of time within which Paul is looking for (searching for) his identity, sexual first of all, which has to put him in this endless and cosmic and eternal confluence with the laws of nature. Closer to the end of Chapter IX we read about Paul: 'He grew more and more restless. Miriam did not satisfy him. His old mad desire to be with her grew weaker' [Lawrence 1981: 305]. We see that in this case the verb 'grow' still has some temporal connotation but quite psychologically coloured. Sexual impatience of Paul to lose his virginity and his despair that time is moving on and he is still unable to respond to the call of nature (flesh and blood), or, as he explains to Miriam, 'blood heat' [Lawrence 1981: 274] are playing quite an important role in the second part, what is more – they direct the plot-construction in this part. Here we may say, that this sort of searching for himself is a kind of 'years of wandering', a compulsory for any *Bildungsroman* plot pattern. Paul wanders from one woman (mother) to another (Miriam) and to another (Clara). To characterize the second part, we may use the words of D.H. Lawrence himself when in 'Phoenix' he describes a human being's (and his own too) inner world as the 'dark continent', which is, to much extent, unexplainable; the writer stresses that human beings are doomed to see their psyche as 'the wilds of [their] essence' and when trying to understand oneself a man has to wander 'in the dark wilds of one's fate' [Lawrence 1936: 221]. Paul Morel is just such a personage, especially in the second part of the novel.

The leading leitmotif in terms of narrative temporal structure in this part of the novel is permanent addressing to this 'eternal time', which absorbs biographical time of the protagonist. It is not true that such idea does not exist in the first part, one of the examples of this congruency in the beginning of the novel is in its third chapter, and it concerns Mrs. Morel and her being a wife and a mother: 'And standing more aloof of him, not feeling him so much part of herself, but merely part of her circumstances…' [Lawrence 1981: 62]. Time is interpreted here as circumstances, as the idea of some eternal time, which is out of a human being's power and command. But it is only in the second part of the novel, *id est* after the death of the first son, and a kind of rebirth of Paul after his serious illness and after some peculiar changing in the mind of Mrs. Morel, who understands that while mourning over the elder son she could lose another one, where this ideology of total 'dissolving' of the time in the psychology of a personage, absorption of biographical and family time by eternal everlasting time begins to prevail.

To say that there are no moments of using biographical time in the second part of the novel would not be true. We read about Paul in the beginning of Chapter X: 'When he was twenty-three years old, Paul sent in a landscape to the winter exhibition at Nottingham Castle. Miss Jordan had taken a good deal of interest in him, had invited him to her house, where he met other artists. He was beginning grow ambitious' [Lawrence 1981: 309]. The same happens with the family time. It is written on page 313: 'The family was coming on. Only Morel remained unchanged, or, rather, lapsed slowly' [Lawrence 1981: 313]. The inevitable movement of time is obvious in this part of the novel when we watch Mrs. Morel's becoming older and weaker: 'Mrs. Morel was tired. She began to give up at last; she had finished. She was in the way' [Lawrence 1981: 342]. In the second part of the novel these biographical and family time-markers do not just fix the process of children's growing up, they keep readers' attention to the successes or failures of the young members of the Morels, their gains and losses of various, mostly of psychological, personal and social, origin. 'Paul felt life changing around him. The conditions of youth were gone' [Lawrence 1981: 304]. In this respect the end of Chapter X is of peculiar interest. There is a dialogue between Paul and Clara about his, Paul's, affair with Miriam there. In this dialogue Paul mentions twice that Miriam and he have been together for already seven years. When Paul says that for the first time [Lawrence 1981: 338], he wants just to hurt Clara, to arise a sort of jealousy in her. The second time is of absolutely another sort: here by saying 'we are together for seven years' Paul tries to justify his incapacity to understand Miriam and true nature of her feelings towards him, as well as his fear to open his desire for Miriam, he tries to represent himself in favorable light in Clara's opinion [Lawrence 1981: 339].

But in general in this part of the novel there dominates the way of the author's work with the time which is visible in the first phrase of Chapter X 'The Test of Miriam': 'With the Spring came again the old madness and battle' [Lawrence 1981: 339]. I mean here the situation when the time and its discontinuity (realized through the author's choice of the period of time he wants to stop at or to describe) stands out as an important component of a psychological characteristic of a personage.

We all know that time in a novel could be characterized both as continuity and as discontinuity. It is because of this dialectics that, on the one hand, by and large, novelistic time is continuous in terms of

successive changes of temporal and spatial facts; but on the other hand, this continuum is broken up by author in discreet episodes. The choice of these episodes for depicting depends on aesthetic goals which author wants to achieve. This selectivity, which operates, once again, being dependent on author's artistic intentions, gives rise to the existence of some temporal lacunas in the narrative bulk of a novel, some time-compressions or, vice versa, some spread-outs of the plot-time, or any other author's subversions of linear time, which models real time with its one-dimensionality, continuity, irreversibility, order. We understand that art time easily converts these qualities. The devices of art time, frequently used by D.H. Lawrence in the second part, are compressions (acceleration, speeding-up) and retardation of time, depending on the characters' psychological states, in other words – their personal feeling and their personal living through and living over events or emotional contexts and consequences of the events. I usually call such things – 'lyricization' of time (in Russia we often use such a term). Once again, it is not total lyrical epopee *a la* Proust, to whom, as we know, as well as to James Joyce, his attitude was quite complex. When Lawrence retards time and personalizes it, in terms of narration using character's point of view, for example, it does not necessarily mean one's travelling on the wave of one's memory. But it is his try to depict by all possible means, and by time and space-playing too, the full picture of emotional state of a personage. If we look at one of the walks of Paul into the woods in the chapter 'Release' when he is in agony of struggling within him through his wish of being free of the mystery of his affection to his mother, now dying of cancer, and therefore subconsciously he is waiting with painful impatience for her death, it is just an example of such sort of work with time and space: 'He wandered miles and miles. A smoky red sunset came on slowly, painfully, lingering. He thought he would die that day. There was a donkey that came up to him over the snow by the wood's edge, and put its head against him, and walked with him alongside. He put his arms round the donkey's neck, and stroked his cheeks against his ears' [Lawrence 1981: 477].

One more brilliant example of such work of D.H. Lawrence with time is in the beginning of Chapter XII 'Passion', I mean the famous episodes of Paul's impatient waiting for seeing Clara at Jordan's and his counting hours of Sunday while waiting for Monday when he gets chance to see Clara. That's why on Sunday 'slowly the hours crawled' [Lawrence 1981: 371], and when he walked to the station early on Monday, each mile seemed longer to him and the number of them too large. His impatience grew and grew when he was too early at his office, and he began to count minutes when Clara might come: 'She would come in a half an hour!' [Lawrence 1981: 371]. Lawrence writes on, summing up Paul's inner state: 'All the morning things seemed a long way off, as they do to a man under chloroform' [Lawrence 1981: 371]. And absolutely vice versa, when Clara is with him, and he could enjoy her intimacy and her eternal womanhood, he does not notice the course of time. When they once walked in the fields, Paul refused to answer Clara's question what exact time was then; for him at that moment time meant nothing and he did not want to bother about it: he enjoyed love and (according to Lawrence's theory) felt himself an integral part of the eternal cosmos, Universe, greater harmony. Since the second part is just about this hero's search for his place in this kind of harmony based on the unity of spiritual and corporeal, internal and external, finite and infinite, the concept of time is subordinate to it. And it leads, in its turn, to a very loose and quite individual temporal structure in the novel, where the author, as many of them of the XX century, is very much free in his handling of time.

I'd like to finish my paper with a very remarkable thought of E.M. Forster on the issues of art time in the literature of the XX century in his 'Aspects of Novel' and the wish of some writers to 'forget' about it: 'Well, there is one novelist who has tried to abolish time, and her failure is instructive: Gertrude Stein. Going much further than Emily Bronte, Sterne or Proust, Gertrude Stein has smashed up and pulverized her clock and scattered its fragments over the world like the limbs of Osiris, and she has done this not from naughtiness but from a noble motive: she has hoped to emancipate fiction from the tyranny of time and to express in it the life by values only. She fails, because as soon as fiction is completely delivered from time it cannot express anything at all…' [Forster].

D.H. Lawrence, while experimenting with art time, does not abolish it utterly, on the contrary, he plays with it, subordinating its various narrative representations in terms of length, order, intensity, scope and dimension 'to exploration of the unconscious and the impersonal in human life' [Finney 1990: 64].

Notes

[1] The essay is based on the paper read by the author at the conference "2014 International D.H. Lawrence Conference. Time and Temporalities", held in Paris Quest University in Nanterre on 3rd–5th April, 2014.

[2] See, for example, some most well-known works devoted exclusively to *Sons and Lovers*: [Black 1992]; [Harvey 1987]; [D.H. Lawrence 1977]; [D.H. Lawrence 2005]; [Murfin 1987]; [Shelley 1985]; [Twentieth-Century Interpretations 1970].

References

Bakhtin M.M. Bildungsroman and Its Significance in the History of Realism // Bakhtin M.M. Speech Genres and Other Late Essays / Translated by Vern W. McGee; edited by Caryl Emerson and Michael Jolquist. Austen: University of Texas Press, 1986. P. 10–59.

Bell M. D.H. Lawrence and the Meaning of Modernism // Rethinking Modernism / Edited by Marianne Thormalen. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 132–148.

Black M. "Sons and Lovers". Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 124 p.

Brezhneva E.V. "Vremja vneshnee" i "vremja vnutrennee" v poehtike romanov Virdzhinii Vul'f ["Outer Time" and "Inner Time" in Poetics of Virginia Woolf's Novels]. Vestnik Permskogo Universiteta: Rossijskaja i Zarubezhnaja Filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2011. Iss. 4. P. 225–231.

D.H. Lawrence: "Sons and Lovers". Text, Background and Criticism / Edited by Julian Moynahan. Harmondsworth and New York: Penguin, 1977. 147 p.

D.H. Lawrence's "Sons and Lovers": A Casebook / Edited by John Worthen and Andrew Harrison. Oxford; New Jersey: Oxford University Press, 2005. 318 p.

Finney B. D.H. Lawrence. "Sons and Lovers": Penguin Critical Studies. London: Penguin, 1990. 121 p.

Forster E.M. Aspects of the Novel // Available at: http://ihavebook.org/books/210779/aspects-of-the-novel.html (accessed 27.04.2015).

Harvey Geoffrey "Sons and Lovers": The Critics Debate Series. London: Macmillan, 1987. 83 p.

Lawrence D.H. Phoenix: The Posthumous Papers of D. H. Lawrence. London: Heineman, 1936. 567 p.

Lawrence D.H. Sons and Lovers. London: Penguin, 1981. 511 p.

Mikhal'skaja N.P. David Herbert Lawrence: Raduga chuvstv i pravda povsednevnosti [David Herbert Lawrence: The Rainbow of Feelings and Truth of Daily Routine]. *Dudova L.V., N.P. Mikhalskaja N.P., Trykov V.P.* Modernizm v zarubezhnoj literature [Modernism in Foreign Literature]. Moscow: Flinta-Nauka Publ., 1998. P. 73–97.

Modernism, 1890–1930 / Edited by Malcolm Bradbury and James McFarlane. Harmondsworth: Penguin, 1976.684 p.

Murfin Ross C. "Sons and Lovers": A Novel of Division and Desire. Twayne Publishers, 1987. 147 p.

Roberts W, Poplawski P. A Bibliography of D.H. Lawrence. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 3rd edition. 800 p.

Shelley Berc D.H. Lawrence's "Sons and Lovers": Baron's Educational Series. New York: Noodbury, 1985. 122 p.

Twentieth-Century Interpretations of "Sons and Lovers": A Collection of Critical Essays / Edited by Judith Farr. New Jersey: Prentice-Hall Inc, 1970. iv, 121 p.

Ushakova O.M. Modernizm: o granicakh ponjatija [Modernism: On the Limits of the Term]. Vestnik Permskogo Universiteta: Rossijskaja i Zarubezhnaja Filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 6 (12). P. 109–114.

Woolf V. Zametki o D.H. Lawrence [Notes on D.H. Lawrence]. *Woolf V.* Izbrannoe [Selected Works]. / Transl. into Russian. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1989. P. 541–543.

Список литературы

*Брежнева Е.В. «*Время внешнее» и «время внутреннее» в поэтике романов Вирджинии Вулф // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 4. С. 225–231.

Михальская Н.П. Дэвид Герберт Лоуренс: радуга чувств и правда повседневности // *Дудова Л.В., Михальская Н.П., Трыков В.П.* Модернизм в зарубежной литературе. М.: Флинта-Наука, 1998. С. 73–97.

Ушакова О.М. Модернизм: о границах понятия // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6 (12). С. 109–114.

Вулф В. Заметки о Д.Г.Лоуренсе // Вулф В. Избранное / пер. с англ. М.: Худож. лит., 1989. С.541–543.

Bakhtin M.M. Bildungsroman and Its Significance in the History of Realism // Bakhtin M.M. Speech Genres and Other Late Essays / transl. by Vern W. McGee; ed. by Caryl Emerson and Michael Jolquist. Austen: University of Texas Press, 1986. P. 10–59.

Bell M. D.H.Lawrence and the Meaning of Modernism // Rerhinking Modernism / ed. by Marianne Thormalen. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 132–148.

Black M. 'Sons and Lovers'. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 124 p.

D.H.Lawrence: 'Sons and Lovers'. Text, Background and Criticism / ed. by Julian Moynahan. Harmondsworth and New York: Penguin, 1977. 147 p.

D.H.Lawrence's 'Sons and Lovers': A Casebook / ed. by John Worthen and Andrew Harrison. Oxford; New Jersey: Oxford University Press, 2005. 318 p.

Finney B. D.H.Lawrence. 'Sons and Lovers': Penguin Critical Studies. London: Penguin, 1990.121 p.

Forster E.M. Aspects of the Novel // http://ihavebook.org/books/210779/aspects-of-the-novel.html (дата обращения: 27.04.2015).

Harvey Geoffrey. 'Sons and Lovers': The Critics Debate Series. London: Macmillan, 1987. 83 p.

Lawrence D.H. Phoenix: The Posthumous Papers of D. H. Lawrence. London: Heineman, 1936. 567 p.

Lawrence D.H. Sons and Lovers. London: Penguin, 1981. 511 p.

Modernism, 1890–1930 / ed. by Malcolm Bradbury and James McFarlane. Harmondsworth: Penguin, 1976. 684 p.

Murfin Ross *C.* 'Sons and Lovers'*:* A Novel of Division and Desire. Twayne Publishers, 1987. 147 p.

Roberts W., Poplawski P. A Bibliography of D. H. Lawrence. 3-ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 800 p.

Shelley Berc. D.H.Lawrence's 'Sons and Lovers: Baron's Educational Series. New York: Noodbury, 1985. 122 p.

Twentieth-Century Interpretations of 'Sons and Lovers': A Collection of Critical Essays / ed. by Judith Farr. New Jersey: Prentice-Hall Inc, 1970. iv, 121 p.

«НИЗВЕРЖЕНИЕ» ЛИНЕЙНОГО ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ Д.Г. ЛОУРЕНСА «СЫНОВЬЯ И ЛЮБОВНИКИ»

Борис Михайлович Проскурнин
д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена вопросам художественного времени в одном из самых известных романов писателя-модерниста Д.Г. Лоуренса. Проблема художественного времени – одна из центральных для писателей-модернистов, ориентировавшихся на художественное воспроизведение рефлексии индивида по поводу своего жизненного опыта, а не на реконструкцию жизни как таковой; они в большей степени были заняты изображением того, какие издержки внутренней жизни возникают, когда индивид проживает определенные внешние событийные обстоятельства, прежде всего – в случае повествования о молодом герое, вступающем в жизнь. Анализируемый в статье роман построен на основе взаимодействия нескольких сюжетных узлов: социопанорамных, биографических (Bildungsroman), автобиографических, психолого-аналитических, каждый из которых по-своему влияет на общую темпоральную структуру романа. В эссе показывается, насколько сложной оказывается она, являя собой синтез семейного, биографического, личностного, исторического, эпического, надперсонального (вечного) времени. Автор доказывает, что Д.Г. Лоуренс, стремясь дать как можно более полную картину внутреннего проживания героем событий его взросления и внешне сохраняя однонаправленность временной координаты сюжета, смешивает традиционную и экспериментаторскую временные парадигмы, замедляя и ускоряя движение времени в зависимости от воспроизводимых внутренних состояний героя.

Ключевые слова: английская литература; Д.Г. Лоуренс; модернизм; реализм; психологизм; художественное время; роман; роман воспитания.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК 82.161. 1

ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ «ЛИРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ» В. И. СТРАЖЕВА «ПУТЬ ГОЛУБИНЫЙ»

Татьяна Николаевна Фоминых
д. филол. н., профессор кафедры новейшей русской литературы
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. natatata72 @ yandex. ru

Виктор Иванович Стражев принадлежит к числу неоправданно забытых писателей первой трети XX в. Статья посвящена изучению образного строя третьей книги его стихотворений, озаглавленной «Путь голубиный» (1908). «Путь голубиный» рассматривается в русле символистской традиции. Отмечается, что эпитет «голубиный», вынесенный в заглавие сборника, указывает на «Голубиную книгу» как на один из его историко-литературных контекстов. Подчеркивается, что выбор в качестве «ориентира» апокрифической «Голубиной книги», соединяющей языческие и христианские взгляды на мир, свидетельствует об идейно-эстетических предпочтениях автора и вписывается в широко распространенные на рубеже веков представления о «возрастании» христианства над язычеством. Сюжет «лирической повести» строится на единстве образов, восходящих, с одной стороны, к духовному стиху о «Голубиной книге», с другой – к символистскому мифу о Душе мира, Вечной женственности. Попытка обрести Бога в возлюбленной герою не удается, но и поводом свернуть с пути богопознания не становится. Конечной точкой его маршрута оказывается порог «вечернего скита»; с молитвой связывается его надежда на преодоление «лукавых далей маеты». Вопрос о том, какому именно Богу собирается молиться стражевский герой, остается открытым: в скитах находились кельи и монахов-отшельников, и беглых старообрядцев, так что его вера может быть как ортодоксально-церковной, так и еретической (языческой или сектантской). Отсутствие авторских уточнений, связанных с конфессиональной принадлежностью героя, принципиально; оно воспринимается как выражение «всебожия», являющегося одной из характерных примет символистской картины мира и художественного мира Стражева.

Ключевые слова: В.И. Стражев; «Путь голубиный»; символизм; христианство; язычество; синтез; «Голубиная книга».

Виктор Иванович Стражев (1879–1950) – уроженец с. Усолье Соликамского уезда Пермской губернии, выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1902). Тем, кто учился в советской школе, он знаком как один из авторов учебника по русской литературе для IX класса[1]. Педагогической деятельностью Стражев занимался и в начале 1900-х гг., но тогда он был известен, прежде всего, как литературный критик и поэт, близкий к символистам.

«Путь голубиный. Лирическая повесть» (1908) – третья книга стихотворений Стражева. Она была опубликована в Москве в издательстве «Пан». В творчестве поэта ей предшествовали сборники «Opuscula. Стихотворения и эскизы» (1904), «О печали светлой. Стихотворения 1905–1906 годов» (1907). Следом за ней увидел свет «Том первый. Стихи 1904–1909 годов» (1910), в котором автор собрал лучшие свои стихотворения, как специально написанные для данного издания, так и опубликованные ранее. «Путь голубиный» вошел в «Том первый» почти целиком.

До сих пор третья книга стихотворений Стражева не переиздавалась и никем специально не изучалась. На наш взгляд, отсутствие исследовательского внимания к ней (как и к творчеству поэта в целом) – неоправданное упущение. В данной статье исследуются ее основные темы и образы.

Жанровый подзаголовок – «лирическая повесть» – указывает на основную тональность книги и подчеркивает ее внутреннюю целостность. Сюжетообразующее значение приобретает вынесенный в заглавие мотив пути,

© Фоминых Т.Н., 2015

что подчеркивается многократным повторением характерных словесных формул («мой путь», «на пути моем», «я иду», «стезя моя», «иди», «в беспутье», «путями голубыми», «свой путь» и т.п.). Д. Е. Максимов, исследовавший идею пути в поэтическом сознании А. Блока, замечал, что «понятие писательского пути предполагает возможным по крайней мере два основных истолкования»: «В одном случае можно говорить о пути писателя прежде всего как о его п о з и ц и и , в другом, включающем и первый случай, – как о его р а з в и т и и» [Максимов 1972: 28]. По мнению исследователя, «чувство пути» явилось «одним из самых существенных интеграторов», обусловивших внутреннее единство блоковской поэзии [Максимов 1972: 48–49]. Лирика Стражева также образует единый текст, роль интегратора в котором принадлежит идее пути-развития.

Лирический герой «Пути голубиного» странствует как физически, так и ментально. Он называет себя «сиротой», свою душу – «больной, усталой», ведя речь о духовном сиротстве как о недуге, связывая надежды на обретение духовного пристанища с «благословенной» «мирной божьей тропой» («Странник»). Разговор со странниками, встретившимися с ним у «колодца студеного», позволяет ему заметить: «Все ищут, все ищут пути спасенного, – / Старый и малый, дюжий и хилый» [Стражев 1908: 14][2]. Отправляясь в путь, стражевский герой признается: «Я иду тропинкою и пою псалмы» (с. 12). Как странник он видит цель своего пути в богопознании.

Книга строится на уподоблении человеческой души голубю белому, символизирующему дух, духовность. Отмеченное уподобление восходит к христианской традиции: «в виде голубя Святой Дух сошел с небес во время крещения Иисуса (Мф 3, 16; Лк 3, 22; Ин 1, 32)» [Гура 1995: 515]. Программным является стихотворение «Моя душа, как голубь белый», не случайно в итоговой книге стихов поэта получившее то же название, что и сборник, в котором оно впервые увидело свет («Путь голубиный») [Стражев 1910: 16]. Душа сравнивается с голубем белого цвета, что также соответствует традиционным представлениям: воплощением доброй души считается именно белый голубь.

В стихотворении «Моя душа, как голубь белый» обозначается основная метафора книги – жизнь как «путь голубиный», подчеркивается безмерность этого пути, его амбивалентность: на нем душа обретает искомую гармонию, на нем же ее подстерегают «смертоносные стрелы». Ключевой оппозицией данного стихотворения (и книги в целом) является противостояние света и тьмы: *белому* голубю противопоставляется «*тень* косматая», *свету* «голубиного пути» – «взмах *черного* крыла», пронзающий сердце «лютой жутью».

Путь, в который героя «горе-посох» повело, оказывается не только «мирной божьей тропой». Он сопрягается как с жизнью, так и со смертельными испытаниями. С темой пути связывается образ доли («земной недоли»). Дважды упоминается о «слепой доле» калик перехожих, божьих людей, слепых странников («Странник»). В стихотворении «Стопою легкой...» речь идет о «великом скитанье», звучат призывы «изготовить» «суму и посох», «возлюбить» «свой путь и долю».

Наиболее очевидна связь образов «пути» и «доли» в стихотворении «В густых аллеях...». В нем три смысловые части. Первая (1-я–6-я строки) представляет собой ночной пейзаж – описание ложащейся на землю слепой, «измученно покорной» ночи. Во второй (7-я–10-я строки) муки истерзанной ночи воспринимаются как собирательный образ «горя горького, бездомного», неприкаянной «доли-пагубы». В третьей части (11-я–12-я строки) с помощью широко распространенного в литературе и фольклоре психологического параллелизма бездомью «горя горького», скитаниям на «затерянной тропе» доли-пагубы уподобляется сердечная маета лирического героя:

Чье горе горькое, бездомное
Вздохнуло глухо у кустов?

Чья доля-пагуба скитается
В ночи затерянной тропой?
То не мое ли сердце мается
В беспутье темени слепой? (с. 24)

Путь оборачивается «беспутьем», «теменью», «слепотой», поиск лучшей доли – тоской, маетой. Лирической ситуацией многих стихотворений становится возможная или уже случившаяся встреча героя с бедой, несчастьем, горем: «Я любил тебя у моря / В голубой безбрежный день. / Он померк – Злочастья-Горя / Пала суженая тень» («Я любил тебя у моря»). «О, как бессмертно мы любили! <...> / И встала ночь – и разметнула / Над нами черное крыло» («В уюте комнаты, у окон»). Даже в редкую минуту блаженства («И был я только – прах и счастье, / И был я только – тихий стон») герой чувствует близящуюся беду: «А наше дальнее

ненастье / Свивало свой недужный сон» («Над тишиной вечерней дрёмы»).

Возвращаясь к ключевой метафоре (к уподоблению жизни «пути голубиному»), отметим, что эпитет «голубиный», вынесенный в заглавие рассматриваемого сборника, указывает на «Голубиную книгу» как на один из его историко-литературных контекстов. «Голубиную книгу» называют «энциклопедией древнерусской космогонии и мифологии», дающей «внебиблейскую историю возникновения и целостную картину мира» [Серяков 2001: 7–8]. Содержащая объяснение сокровенной божественной премудрости, она являлась источником тем и образов русской литературы на протяжении нескольких столетий. К ней обращались поэты-символисты (К. Бальмонт, А. Блок) и близкие к ним авторы, в их числе Стражев.

Смысл заглавия «Голубиной книги» комментаторы связывают и с христианской, и с языческой традициями. В христианской традиции «Голубиная книга» – «Книга Святого Духа». У язычников голубь ассоциировался со смертью, воспринимался в качестве вестника загробного мира. По мнению современного исследователя, «наложение христианского образа голубя на прежние представления, связанные с этой птицей, где она символизировала смерть, еще более сблизило эти понятия, поскольку на Руси как с глубиной вод, так и с глубиной земли ассоциировались представления о том свете и загробном мире» [там же: 38].

Выбор в качестве «ориентира» апокрифической «Голубиной книги», явившейся «результатом эпохи ″двоеверия″ и одновременно одним из ее наиболее ярких и выразительных символов» [там же: 40], свидетельствовал об идейно-эстетических предпочтениях автора и вписывался в широко распространенные на рубеже веков представления о единстве разных религиозных учений и верований. О том, что данные представления были близки Стражеву, позволяют судить его отклики на произведения современников. Так, оценивая «Лимонарь» (1907) А. Ремизова как «дорогое и желанное событие», Стражев сетовал на то, что «русский символизм отходил от родного». По его мнению, именно в апокрифах «народная душа сочетала христианство и язычество и в детски-наивном, трогательно-величавом своеобразии развернула свою поэтическую мощь» [Стражев 1907: 4].

Избегая прямого цитирования духовного стиха о «Голубиной книге», Стражев ориентировался на его смысл, связанный со стремлением героев получить тайное знание о мироустройстве. В «Пути голубином» обращает на себя внимание наличие разного рода вопросительных конструкций. Чаще всего обмен репликами носит фрагментарный характер, как, например, в стихотворении «В сверканье уличного гула» («– Вам здесь? – Ну, /да!». «– А ваша мама все больна?». «– Ça vous chagrine? – Ça m'est égal!»). Реже вопросно-ответную форму приобретают целые стихотворения, как, например, «Я помню: было то весной». («Я ей сказал: ″Иди за мной″. / – ″А ты мне солнце дашь?″ / И я ответил: ″Солнце? – Нет. / Но я и молод и поэт″. / – ″А ты мне море дашь?″»). Диалог в лирике («многоголосье») обычно рассматривается как «укрепление позиций разговорности в стихотворной речи», способствующее демократизации стиха. Имитация звучащей речи (характерной для нее краткости, синтаксической упрощенности, ситуативно восполняемой незавершенности реплик и т.п.) повышает экспрессивность лирического высказывания, усиливает его внутренний драматизм [Иванова 1984: 211].

Использование Стражевым вопросительных конструкций связано не только с решением формальных задач (с обогащением арсенала выразительных средств). В рассматриваемой «лирической повести» особое значение имеют вопросы, касающиеся устройства Вселенной. Целиком из подобных вопросов состоит, например, II стихотворение микроцикла «Странник» («Кто взрастил вас, лютики нежные / На пути моем? / Кто раскрыл вас, дали безбрежные, / Голубым крылом? / Кто взыграл в вас, ветры раздольные, / На груди земной? / Кто скорбит в вас, шири привольные, / В тишине степной?») (с. 11). Отдельные вопросы космогонического плана содержатся в стихотворениях «У реки» («О чем ваш шепот, тростники?»), «В полях, в тоске... » («О, кто там стонет по оврагам?»).

Приведенные вопросы отсылают к разговору героев «Голубиной книги» о происхождении «белого вольного света»: «От чего у нас солнце красное? / От чего у нас млад-светел месяц? / От чего у нас звезды частые? / От чего у нас ночи темные? / От чего у нас зори утренни? / От чего у нас ветры буйные? / От чего у нас дробен дождик?» [Голубиная книга 1991: 35].

С наибольшей прямотой острая потребность в ответах на вопросы, носящие космогонический характер, выражена в стихотворении «Когда пойму я... »:

Когда пойму я то, что манит,
Что в быль земную внедрено,
Что тайным зовом душу ранит
И неземным озарено?

Когда мне утро засмеется,
Откинув темную вуаль?
Когда разгадкой улыбнется
Мне синеокая печаль?

Я жду и жду. Проходят весны.
Все плачет тонкая свирель.
Гудят леса. Колдуют сосны.
И стонет снежная метель. (с. 27)

Данное стихотворение строится на соотнесении явного («были земной») и неявного («неземного»), того, что «манит» и зовет, но ускользает от созерцания и объяснения. Скрытый под «темной вуалью» мир существует («в быль земную внедрено»), но разгадке не поддается, оставаясь «тайной за семью печатями». Природа отвечает на адресованные ей вопросы очередными «загадками» (колдовским гулом сосен, воем снежной метели). Нередко ее ответом служит молчание, как, например, в стихотворении «В полях, в тоске... », в котором на зов лирического героя никто не откликается: «Эй, отзовись! Но даль пуста. / Лишь черным, вещим, злым зигзагом / Взметнулась воронов чета» (с. 23).

Образный строй рассматриваемой книги определяет оппозиция реальное / идеальное, явное / неявное (тайное). Реальный план чаще всего состоит из описаний природы, реже – социума, неявный план связан с видениями лирического героя, стремящегося понять, как устроено мирозданье и какое место в нем занимает он сам. Его влечет то, что скрывается за видимой стороной вещей. Ему важно выяснить, как связано между собой внешнее и внутреннее, частное и общее.

В «Голубиной книге» Володимир-князь получает исчерпывающие ответы на свои вопросы от «премудрого царя» Давыда Евсеевича: «Солнце красное от лица Божьего, / Самого Христа, Царя Небесного; / Млад-светел месяц от грудей его, / Звезды частые от риз Божиих, / Ночи темные от дум Господних, / Зори утренни от очей Господних, / Ветры буйные от Свята Духа, / Дробен дождик от слез Христа» [Голубиная книга 1991: 36]. Лирический герой «Пути голубиного» также приходит к пониманию божественной природы мира, однако это понимание является результатом его личного жизненного опыта, в том числе его «проб и ошибок», сопряженных с любовными исканиями. Сюжет «Пути голубиного» строится на единстве образов, восходящих, с одной стороны, к духовному стиху о «Голубиной книге», с другой – к символистскому мифу о Душе мира, Вечной женственности.

Стражевский герой надеется, что именно любовь явится «мостом» между реальным и идеальным мирами. В программном стихотворении («Моя душа, как голубь белый») обращает на себя внимание его автохарактеристика: «От зорь далеких заалелый / К далеким зорям я плыву» (с. 8). В символистской мифопоэтике с зарей ассоциируется «состояние ″повышенного ожидания″, даже сверхнапряженного воображения»:«″Заря″ как персонифицированное ожидание небесного явления заменяет <...> и предвосхищает эпифанию Вечной женственности, царицы небесной (в виде ″Царевны Зари″) или эротико-мистической возлюбленной» [Ханзен-Леве 2003: 233, 239]. Образ зари вводит в рассматриваемое стихотворение тему любви, которая становится одной из основных во всей книге. На то, что сферой поисков Абсолюта в «Пути голубином» является любовь, прямо указывает эпиграф, представляющий собой обращение поэта к своей возлюбленной: «Ты расцвела в моей душе тихим цветком, и тебе, Былинке, я посвящаю эту книгу» (с. 5).

Любовь трактуется Стражевым в свете религиозно-философских воззрений Вл. Соловьева («Смысл любви», 1892–1894), согласно которым, каждый человек заключает в себе образ Божий, познающийся в любви «конкретно и жизненно», любовь есть начало «видимого восстановления образа Божия в материальном мире» [Соловьев 1991: 125]. Поэту было близко также представление Вл. Соловьева о том, что «весь мировой и исторический процесс» – процесс «реализации и воплощения» Вечной женственности «в великом многообразии форм и степеней», что «задача истинной любви состоит не в том только, чтобы поклоняться этому высшему предмету, а в том, чтобы реализовать и воплотить его в другом, низшем существе той же женской формы, но земной природы» [там же: 146].

Обращаясь к мифу о Вечной женственности, Стражев разрабатывал характерные его мотивы. Так, мотив мистического ожидания Ее определяет смысл и пафос стихотворения «Я не знаю: где ты, кто ты...»:

Я не знаю: где ты, кто ты...
Но я знаю: ты не ложь.
Сны, виденья, звездочеты
Мне сказали: ты придешь.

Жду. Молчу, тая тревогу.
В каждой встрече: ты? не ты?
Доцветают понемногу
Дней лазоревых цветы. (с. 17)

Весьма показательным в данном стихотворении является стремление лирического героя узнать Ее в земных отражениях, а также сопряженные с узнаванием сомнения («В каждой встрече: ты? не ты?»). В стихотворении «Нежна, стройна...» обращает на себя внимание многоликость возлюбленной. Она сравнивается не только с «божьей росинкой», но и с юрким хорьком. Она и изящна, и опасна («хищна»). Ее душа звенит и «капризным плеском перезвучий», и «как легкий, светлый звон». В стихотворении «Над тишиной вечерней дрёмы» с любовью ассоциируются представления о восхождении / нисхождении («И, в небо тайное влекомый, / Я вновь у ног твоих погас»), весьма характерные для символистской «транскрипции» мифа о Вечно женственном, варьирующие вывод Вл. Соловьева о том, что «истинная любовь есть нераздельно и *восходящая* и *нисходящая*» [Соловьев 1991: 145].

Как известно, в «Смысле любви» Вл. Соловьев вел речь не только о «начале видимого восстановления образа Божия в материальном мире», но и о несоблюдении условий, требующихся для «воплощения истинной идеальной человечности», приводящем любовь «к всегдашнему крушению», заставляющем «признавать ее иллюзией» [там же: 122]. Рассуждая о «существе той же женской формы, но земной природы», философ замечал: поскольку «оно же есть одно из многих, то его единственное значение для любящего, конечно, *может быть* и преходящим» [там же: 146]. В рассматриваемой книге путь лирического героя сопряжен как с поиском воплощенного в земной женщине идеала Вечной женственности, так и с пониманием того, что достижение его весьма проблематично.

В этом отношении представляет интерес стихотворение «В сверканье уличного гула». Оно состоит из пяти зарисовок, построенных на противопоставлении реального и идеального планов. Реальный план формируют приметы городского пейзажа («сверканье уличного гула», «на буйной улице», «кричит надрывно мостовая», «в окне трамвая»). Идеальный план связан с Ее земными «воплощениями» («Ты воплощалась не однажды»). «Она, чье имя» – «Никогда», «Тишина», «Тихий Свет», возникает на мгновение в проеме трамвайного окна и исчезает, оставляя в памяти лирического героя лишь свою улыбку («Мне улыбнулась...»), воспринимаемую им как залог их грядущей встречи.

Реальный план включает в себя также «голоса» улицы, «звучащие» в заключительных строках каждой из пяти строф. Они оформляются как реплики диалога – выделяются графически с помощью тире. Это крики водителя (« – Эй, берегись!»), цветочницы (« – Купите ландышей букет!»), обрывки разговоров. Казалось бы, «голоса» улицы никакого отношения к переживаниям лирического героя не имеют. Однако чем выше «градус» чувств, которые вызывает в его душе Ее явление, тем «страшнее» якобы случайные фразы. Показательной является кульминационная четвертая строфа, в которой выражена непоколебимая вера лирического героя в то, что «новый день настанет. / Она придет – моя любовь! / И в эту встречу – не обманет» (с. 31). Заключительная строка данной строфы (« – Ведь экий черт! Все рыло в кровь») представляет собой грубую реакцию на уличное происшествие. Связь между первыми тремя и заключительной строкой строфы носит ассоциативный характер. «Голос» улицы, прямо не связанный с верой героя в «новый день», служит ей своеобразной «параллелью», смысл которой очевиден: мечта о любви разобьется так же, как разбилось о мостовую лицо несчастного.

Последняя «реплика» стихотворения (« – Купите ландышей букет!») внешне лишена трагизма. Однако, находясь в одном ряду с другими «надрывными» криками улицы, она приобретает негативные коннотации. В руках торговки «ландышей букет» – символ мая, весны, любви – становится предметом купли-продажи. «Высокое» и «низкое», смешиваясь друг с другом, оказываются неразличимыми.

Ожидавший свою любовь и веривший, что она не обман («Но я знаю: ты не ложь»), герой «Пути голубиного» в итоге вынужден признать, что именно обманом она и является. Понимая, что любовь преходяща, он стремится удержать ее хотя бы в своем воображении: «Я буду прясть – святую пряжу! / Над темной пропастью души / Мосты певучие налажу. / И ты, желанная, ты, ложь, / Мне улыбнешься, / сядешь рядом / И тихой лаской обовьешь, / И заколдуешь синим взглядом» (с. 40–41). Он, мирясь с ложью, готов всему поверить, «как ребенок», рад обмануть

«сердце сном», только бы чувствовать ее «тихую ласку» («У зимнего порога»). Любовь оборачивается не желанной разгадкой тайн, а сновидением, являющимся аналогом смерти. В стихотворении «Смерти прекрасной» герой славит Смерть, уподобляя ее матери, носит Ее милый лик в своем сердце и внемлет Ее родимому зову. Очевидная эстетизация смерти свидетельствует о погружении героя в бездны дионисизма и в контексте рассматриваемой «лирической повести» воспринимается как предельное выражение его языческих симпатий.

Однако окончательный выбор герой делает в пользу монашества. Конечной точкой его маршрута является скит. Значимой вехой на пути к порогу монашеской кельи становится «остановка» во Фьезоле, о которой речь идет в стихотворении «У ног Флоренция...». С высоты фьезольского холма герой смотрит на Флоренцию: «Я высоко – на ложе раскаленных плит». Его мысль «путями голубыми бродит». В контексте рассматриваемого стихотворения (и книги в целом) *голубой* синонимичен *голубином*у. Христианские аллюзии поддерживаются финальным обращением героя к темному кипарису с призывом хранить величие здешних мест. Из кипариса, по одной из версий, был сделан крест, на котором распяли Христа. Таким образом, имплицитно вводится в стихотворение тема Страстей Господних.

В основе стихотворения лежит оппозиция сердце (чувство) / мысль (знание). Герой стремится постичь подвиг Христа разумом (мыслью), но разум оказывается бессильным (мысль «*немая*» – не выраженная, не оформленная, она «*бродит*» – блуждает). Согласно авторской логике, богопознание происходит не рациональным путем, оно – прерогатива души, сердца. Кульминацией стихотворения является признание героя: «И сердце пьяное – вновь вещий поводырь».

В рассматриваемом стихотворении (помимо площадки, с которой открывается вид на Флоренцию) упоминается еще одна значимая реалия: «За каменной стеной, где древний капитолий / Венчал собой вершину, дремлет / монастырь» (с. 35). О каком именно монастыре идет речь, прямо не сказано. Однако авторская локализация (Fiesole), единственная во всей книге, и местонахождение обители (на вершине горы) позволяют предположить, что этот монастырь был назван в честь Святого Франциска.

Святой Франциск был популярен в культуре Серебряного века. С его образом ассоциировался широкий круг значений. В рассматриваемом стихотворении существенным является представление о нем как о монахе, верившем сердцем. Не конкретизируя деяний святого, даже не называя его имени, Стражев актуализировал связанный с ним мотив верящего сердца, сердечной веры. Содержащаяся в подтексте отсылка к образу Святого Франциска указывает на «источник» слов героя о сердце-поводыре, а также объясняет, почему сердце выступает в роли «вещего поводыря» – «вновь». Вдохновляясь примером Святого Франциска, стражевский странник задумывается о монашеской стезе; повинуясь своему «сердцу вещему», он предчувствует «сладость» грядущего «новоселья» в уготованной ему келье.

Стихотворение «У ног Флоренция... » предвосхищает развязку «лирической повести», содержащуюся в заключительном стихотворении «Легло венком тяжелым время». Подводя итог своему пути, стражевский герой вынужден констатировать: «Путеводила мне доныне / Лукавых далей маета» (с. 44). «Лукавых далей маете» он предпочитает молитву, помогающую преодолеть соблазны и искушения. Вопрос о том, какому именно Богу он собирается молиться, остается открытым. Повторим еще раз, «маячащей» ему «вехой придорожья» оказывается скит. Скитами, как известно, называются кельи монахов-отшельников или беглых старообрядцев, так что вера героя могла быть как ортодоксально-церковной, так и еретической (языческой или сектантской). Отсутствие авторских уточнений, связанных с конфессиональной принадлежностью героя, принципиально; оно воспринимается как выражение «всебожия», являющегося важнейшей приметой символистской картины мира.

Следует особо подчеркнуть, что, отвергая «лукавых далей маету», стражевский герой благословляет и «земное бремя», и «мудрость пройденных дорог», поскольку именно они открыли перед ним «уют вечернего скита». Важно заметить также, что отшельничество – только возможный, но отнюдь не обязательный вариант его судьбы. «Темный порог» кельи «близок», переступить за него, сделать окончательный выбор герою еще только предстоит. Этот шаг остается за пределами рассмотренной «лирической повести».

В заключение следует сказать об авторской рецепции «Пути голубиного», содержащейся в неопубликованном стихотворении «Надпись на книге» (1912):

Сегодня вновь libellum in octavo[3]
«Путь Голубиный» я пересмотрел.
И стало больно за себя мне, право,..
Как праздно расточил я свой удел!

Я не сгустил себя. Одни намеки...
Одни запевы, внятные лишь мне...
Я пропустил положенные сроки,
И все, что создал, – бегло и вчерне.

И сыщется вина на мне и дважды!
Стихи и жизнь не согласив в одно,
Я жил, не утолив и малой жажды,
И «звуку сладкому» служил я так грешно!

Вне подвига, вне искуса – вне доли!
Все в жертву – и тогда венец!
Но я не оснастил моей беспечной воли,
Гуляка жизни, ленностный пловец.

[Стражев 1910–1949: 9]

Как видим, смысл «надписи», сделанной автором спустя четыре года, сводится к адресованным самому себе упрекам в том, что жил и творил без должной самоотдачи, не сумев соединить «в одно» поэзию и жизнь. Обращает на себя внимание отсылка к А. Блоку в заключительной строфе («Вне подвига, вне искуса – вне доли»), причем отсылка и к стихотворению «О доблестях, о подвигах, о славе», текстуальная перекличка с которым лежит на поверхности, и к личности Блока-поэта, у которого жизнь и поэзия – «одно». Противопоставляя себя тем, кто, как А. Блок, принес свою жизнь в жертву творчеству и достиг «венца», Стражев говорит о себе как о «гуляке жизни», праздно плывущем по ее течению. Причину того, что «положенные сроки» оказались «пропущенными», что жил и творил не в полную силу, он объясняет собственной беспечностью, леностью и тем, как кажется, смягчает суровость самокритики.

Приведенное стихотворение примечательно, прежде всего, как метаописание. Ретроспективный взгляд автора на свою третью книгу, содержащий ее оценку, позволяет судить и об авторских эстетических предпочтениях в целом. В «Надписи на книге» «лирическая повесть» интерпретируется как рассказ именно о писательском пути-развитии. Ранее нами подчеркивалось, что третья книга Стражева вошла в следующий за ней по времени «Том первый» (1910) почти целиком. И это не было случайностью. «Том первый» сознательно выстраивался Стражевым как некое промежуточное подведение творческих итогов. Его внутренней темой являлась тема пути поэта. Количественное преимущество, которое имеют в «Томе первом» стихотворения, входившие в «Путь голубиный», объясняется совпадением его проблематики и поэтики с теми задачами, которые, по замыслу автора, призвана была решить его итоговая книга стихотворений.

Итак, «Путь голубиный» представляет несомненный интерес для изучения символистской поэзии. Третья книга Стражева содержит богатый материал для наблюдений над поэтической реализацией учения Вл. Соловьева, для понимания символистского синтеза разных религиозных учений и верований. Среди ее историко-литературных контекстов решающая роль принадлежит «Голубиной книге». Отмеченные переклички между «Путем голубиным» и «Голубиной книгой» свидетельствуют об ориентации автора на весьма популярные в культуре символизма представления о «возрастании» христианства над язычеством. Предпринятый в данной статье анализ третьей книги стихотворений В. И. Стражева убеждает в том, что она должна быть вписана в научную историю русского символизма.

Примечания

[1]См.: *Зерчанинов А.А.*, *Райхин Д.Я.*, *Стражев В.И.* Русская литература. Учебник для IX класса средней школы. М., 1940. Данный учебник неоднократно переиздавался на протяжении нескольких десятилетий.

[2]Далее ссылки на это издание даны в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках после цитаты.

[3]Книжечка в восьмую часть листа, книжечка небольшого формата.

Список литературы

Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / сост., вступит. статья, примеч. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошина. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 34–42. – (Из золотых кладовых мировой поэзии).

Гура А.В. Голубь // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. А – Г. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 515–517. (Институт славяноведения и балканистики РАН).

Иванова Н.Н. Диалог в лирике // Проблемы структурной лингвистики 1982. М.: Наука, 1984. С. 211–225.

Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока // Блоковский сборник II. Тарту: Тартуский ун-т, 1972. С. 25–121.

Серяков М.Л. «Голубиная книга» – священное сказание русского народа. М.: Алестейа, 2001. 664 с. – (Славянские древности).

Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 99–160. – (История эстетики в памятниках и документах).

Стражев В.И. <Рец.>. Ремизов А. Лимонарь. СПб.: Оры, 1907 // Литературно-художественная неделя. 1907. № 1. С. 4.

Стражев В.И. Путь голубиный. М.: Пан, 1908. 47 с.

Стражев В.И. О Метерлинке, Синей Птице и Вечном Младенце. Диалог. М.: Пан, 1908. 82 с.

Стражев В.И. Том первый. Стихи 1904–1909 годов. М.: К-во «Метели», 1910. 135 с.

Стражев В.И. Лирика 1910–1949 // ГАПК. Ф. Р-1425. Оп. 1. Ед. хр. 15. 103 л.

Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб.: Акад. проект, 2003. 816 с. – (Серия «Современная западная русистика», т. 48).

References

Golubinaja kniga: Russkie narodnye dukhovnye stikhi XI–XIX vv. [*The Book of the Pigeon*: Russian folk sacred verses of the XI–XIX centuries]. Moscow: Moskovskij rabochij Publ., 1991. P.34–42.

Gura A. V. Golub' [The Pigeon]. Slavjanskie drevnosti: ehtnolingvisticheskij slovar': v 5 t. T. 1. A–G [Slavic antiquities: ethnolinquistic dictionary: in 5 vols.]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1995. Vol. 1. A–G. P. 515–517. (The Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences).

Ivanova N. N. Dialog v lirike [Dialogue in lyric poetry]. Problemy strukturnoj lingvistiki 1982 [The issues of structural linguistics 1982]. Moscow: Nauka Publ., 1984. P. 211–225.

Maksimov D. E. Ideja puti v poehticheskom soznanii Al. Bloka [The idea of the road in A. Blok's poetic consciousness]. Blokovskij sbornik II [Collection of studies on Blok II]. Tartu: University of Tartu, 1972. P. 25–121.

Serjakov M. L. «Golubinaja kniga» – svjashhennoe skazanie russkogo naroda [«The Book of the Pigeon» – a holy legend of Russian people]. Moscow: Alesteja Publ., 2001. 664 p.

Solov'ev V. S. Smysl ljubvi [The meaning of love]. Solov'ev V.S. Filosofija iskusstva i literaturnaja kritika [Philosophy of art and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1991. P. 99–160.

Strazhev V. I. <Rec.>. Remizov A. Limonar'. St. Petersburg: Ory Publ., 1907 [<Review>. Remizov A. Limonar. St. Petersburg: Ory Publ., 1907]. Literaturno-khudozhestvennaja nedelja [The Literary Week]. 1907. Iss. 1. P. 4.

Strazhev V. I. Put' Golubinyj [The Way of the Pigeon]. Moscow: Pan Publ., 1908. 47 p.

Strazhev V.I. O Meterlinke, sinej Ptice i Vechnom Mladence. Dialog [On Maeterlinck, the Blue Bird and the Eternal Child. A Dialogue]. Moscow: Pan Publ., 1908. 82 p.

Strazhev V. I. Tom pervyj. Stikhi 1904–1909 godov [Volume 1. The Poetry of 1904–1909]. Moscow: «Meteli» Publ., 1910. 135 p.

Strazhev V. I. Lirika 1910–1949 [Lyrics 1910–1949] GAPK. F. P-1425. Op. 1. Ed. khr. 15. 103 l. [Public Archives of Perm Krai. Fund R-1425. Inventory 1. Item 15. 103 sheets.]

Khanzen-Ljove A. Russkij simvolizm. Sistema poehticheskikh motivov. Mifopoehticheskij simvolizm. Kosmicheskaja simvolika [Russian symbolism. The system of poetic motifs. Myth and poetic symbolism. Cosmic symbols]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt Publ., 2003. 816 p. – ("The Contemporary Western Russian Studies" Series, vol. 48).

THE IMAGERY OF THE LYRIC NOVELLA «THE WAY OF THE PIGEON» BY V. I. STRAZHEV

Tatyana N. Fominykh
Professor in the Department of Contemporary Russian Literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

The article focuses on the imagery of «The Way of the Pigeon», a collection of poems by V. I. Strazhev (1908). «The Way of the Pigeon» is discussed within the framework of the symbolist tradition (the author of the article notes the two-dimensional plot and the ambivalence of key images). The word «Pigeon» in the title refers to «The Book of the Pigeon» as part of the historical and literary background to the collection. The fact that V. I. Strazhev chose the apocryphal «Book of the Pigeon» as a reference point,

which combines both pagan and Christian views, reveals his ideological and aesthetic principles and fits the ideas about superiority of Christianity over paganism, which were popular at the turn of the XXth century. Though V. I. Strazhev avoids direct citation of this well-known sacred book, he refers to it in the context of acquisition of the secret knowledge about the world order. The imagery of «The Way of the Pigeon» is determined by the real/ideal and explicit/implicit (secret) oppositions. The dimension of the «real» consists of descriptions of nature or – more rarely – society, while the dimension of the «implicit» is revealed by the main character's visions when he seeks to understand how the world order works and what place in the world he occupies. The sphere in which he searches for the absolute is love, which is believed to be a «bridge» between the real and ideal worlds. The plot is built on the unity of the imagery that refers both to the sacred «Book of the Pigeon» and to the symbolist myths of the World Soul and the Eternal Feminine. The character does not find God in love as it turns out to not be the solution to mysteries, but a dream which is a symbol of death. The terminus of the character's road is a hermitage and a monastic cell. He abandons «deceitful efforts» for a prayer that helps to resist bait and temptations. The question of what god he is going to pray to remains open: as there were both monks' and Old Believers' cells in the hermitages, he could have practised either orthodox religion or heresy (paganism or sectarianism). The author gives no hint of which confession the main character belongs to, and this is an essential sign of pantheism, which is one of the key features of the symbolist world view. The life of a hermit is a probable but not an inevitable destiny for the main character. He is approaching the cell's «dark threshold» and is about to step over it, but this «step» is left beyond the «lyric novel»'s plot.

Key words: V. I. Strazhev; «The Way of the Pigeon»; symbolism; Christianity; paganism; synthesis; «The Book of the Pigeon».

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015 РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ Вып. 2(30)

УДК: 821.161.1.09

ТОПОС ПОСТСОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В РУССКОМ РАССКАЗЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

Светлана Викторовна Бурдина
д. филол. н., профессор кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614099, Пермь, ул. Букирева, 15. swburdina@rambler.ru

Ольга Анатольевна Мокрушина
преподаватель кафедры гуманитарных, общематематических и естественнонаучных дисциплин
Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права (филиал в г. Перми)
614022, Пермь, ул. 9 Мая, 21. mokrushina87@gmail.com

В статье анализируются русские рассказы рубежа XX–XXI вв., в той или иной форме разрабатывающие школьную проблематику. Показывается, что современные рассказы о школе не ограничиваются психологическими зарисовками отдельных типов и ситуаций, характерных для учебных заведений постсоветского периода. Авторы наиболее значительных произведений этого жанра («Гроза. 1987 г.» Л. Юзефовича, «Обстоятельство времени» А. Матвеевой, «Нежный возраст» А. Геласимова, «Химич» Ю. Буйды), обращаясь к школьным реалиям, выходят на глубокое обобщение о времени, мире и человеке; образ школы, созданный авторами рассказов, объемен, неоднозначен и многогранен. Отмечается, что тенденция изображения школы в негативном свете, характерная в целом для русской литературы, отчасти корректируется авторами произведений малых жанров, особенно тех, которые адресованы непосредственно детям (рассказы С. Сороки, Т. Крюковой, Ю. Вийры).

Ключевые слова: русская литература рубежа XX–XXI вв.; рассказ; топос школы; образ; мотив; сюжет; постсоветская школа.

Важной приметой ландшафта литературы рубежа XX–XXI вв., явившейся следствием утраты целостной картины мира, стала активизация малых жанров, в первую очередь рассказа. Как справедливо отмечает Т. Маркова, «в условиях кризиса крупной формы, связанного с падением доверия к “авторитетному” повествованию безотносительно к идеологии, наиболее способными к формотворчеству оказываются малые жанры прозы» [Маркова 2011].

Рассказы рубежа XX–XXI вв., в той или иной форме реконструирующие топос школы[1], весьма разнообразны. Одни из них (например, рассказы С. Сороки, Т. Крюковой, А. Старобинец, С. Носова, И. Понорницкой, И. Чернявской, Д. Сиротина, Ю. Вийры и других) ограничиваются психологическими зарисовками отдельных типов и ситуаций, характерных для учебных заведений постсоветского периода, другие (в частности, «Гроза. 1987 г.» Л. Юзефовича, «Обстоятельство времени» А. Матвеевой, «Нежный возраст» А. Геласимова, «Химич» Ю. Буйды), обращаясь к школьному материалу, выходят на глубокие обобщения о времени, мире и человеке.

Жанру рассказа, по удачному выражению Т. Марковой, свойствен «метонимический принцип миромоделирования, предполагающий, что конкретный предметно-бытовой план, “кусок

© Бурдина С.В., Мокрушина О.А., 2015

жизни", подается писателем как часть большого мира» [там же]. Думается, этот принцип действует и в произведениях о школе, написанных в иных жанрах, – школа предстает в них как модель мира, «капля», в которой, по словам Д.С. Мережковского, сказанных по другому поводу, «тот же соленый вкус, что и во всем океане» [Мережковский 2000: 145][2]. Однако степень смысловой концентрации, зависящая не только от масштаба писательского дарования, но и от поставленных автором художественных задач, может быть разной.

Обобщенный образ времени, показанного через призму школьных проблем, создает Л. Юзефович в рассказе «Гроза. 1987 г.». Ощущение переходности периода, когда прошлое и будущее сходятся в одной точке, зафиксировано уже в его названии. М. Абашева пишет, что автор подчеркивает «укорененность» рассказов «в конкретном времени, непременно указывая год создания сразу после заглавия: "Гроза" (1987), "Бабочка" (1987), "Колокольчик" (1989)» [Абашева 2004]. Однако читатель, не знакомый с такой творческой особенностью Л. Юзефовича, может интерпретировать в данном случае дату как часть заглавия, тем более что в отечественной литературе существуют другие тексты с названием «Гроза» (это не только знаменитая драма А.Н. Островского, но и рассказ В.В. Набокова), поэтому цифра 1987 воспринимается как необходимое уточнение, отделяющее рассказ Л. Юзефовича от произведений его предшественников.

Так или иначе, сочетание символического образа грозы, традиционно воплощающего потрясение, очищение, изменение атмосферы, и указание на 1987 г., считающийся началом «перестройки» (М. Горбачев пришел к власти в 1985 г., однако официальный курс на «перестройку» был объявлен именно в 1987 г., на январском пленуме ЦК КПСС), подчеркивает пограничность изображенного времени. Читатель рассказа Л. Юзефовича остро ощущает «разлитый в воздухе тревожный запах», для которого в памяти героини, школьной учительницы Надежды Степановны, не находится «подходящего имени» [Юзефович 2013: 19].

Предельно будничная, повседневная ситуация беседы о правилах дорожного движения в пятом классе обретает символический подтекст и получает неожиданное, отчасти фантастическое, но художественно закономерное разрешение. Призванный рассказать о правилах дорожного движения приглашенный лектор Родыгин, казалось бы, произносит верные слова, да и сама тема поведения на дороге не является дискуссионной. Однако за сухой статистикой встают индивидуальные судьбы учеников и их родителей, не укладывающиеся в схему, чего не хочет видеть демагог и самодур Родыгин, воплощающий худший тип педагога, характерный для уходящей эпохи (один из персонажей рассказа говорит: «Помните чучело того крокодила в музее? <...> По-моему очень похож <...>Тоже экспонат... Ничего, скоро их власть кончится» [там же: 46]).

Предчувствие окончания власти людей родыгинского типа не только постулируется на вербальном уровне, но и выражается через символический сюжетный ход – желание обиженного пятиклассника, чтобы Родыгина поразило грозой, неожиданно становится реальностью. В предстающей перед глазами читателя картине есть нечто мистическое, выводящее изображаемое в иное, внебытовое измерение: «Казалось, город из бездны вод медленно восходит к небу <...> Родыгин бежал по газону, когда все вокруг озарилось белым, короткое страшное шипение пронизало воздух, пахнуло кислым, пар повалил от травы, но ничего этого он уже не видел и не слышал. Еще раньше что-то тяжело и беззвучно прошло сквозь него и вонзилось в дрогнувшую землю, выбивая ее из-под ног» [там же: 42]. Рассказ имеет открытый финал, что показательно с точки зрения дальнейшего развития литературной и общественной ситуации.

Другой тип обобщения видим в рассказе А. Геласимова «Нежный возраст», написанном в форме дневника подростка, в котором отражение реалий переходной эпохи сочетается с темой самоидентификации, а также вечными проблемами жизни и смерти. С первого взгляда кажется, что название соотносится с содержанием рассказа по принципу оксюморонности – главный герой, переживающий болезненный процесс обретения собственного «я», находится в том возрасте, когда подростки отталкивают окружающих вызывающим, резким, даже агрессивным поведением. С нарочитой грубостью высказывается мальчик об учителях, одноклассниках, школе в целом: «Как меня все достали. В школе одни дебилы. Что учителя, что одноклассницы. Гидроцефалы. Фракийские племена. Буйный расцвет дебилизма <....> Антон Стрельников сказал, что влюбился в новую училку по истории. Лучше бы он крысиного яду наелся. Такая же тупая, как все» [Геласимов

2009: 5]. Однако эпитет «нежный» в данном случае лишен иронической окраски, автор показывает, как нуждается хрупкая душа подростка, все чувства которого болезненно обострены, в бережном, внимательном отношении.

В рассказе А. Геласимова формирующаяся личность героя-рассказчика, который находится на скрещении разных, во многом взаимоисключающих влияний, дана на фоне становящегося мира. Тема времени оказывается в рассказе одной из центральных; неслучайно каждая дневниковая запись датирована не только числом и месяцем, но и годом (1995), кроме того, сама категория времени (возраста) становится объектом рефлексии.

Фрагментарность композиции рассказа, состоящего из кратких, отрывочных записей, соответствует не только мироощущению подростка, но и общей атмосфере переходной эпохи, характеризующейся разрушением целостности. «Нежный возраст» может восприниматься как своеобразный «конспективный роман» – несколько намеченных пунктиром сюжетных линий (отношения главного героя с одноклассником Семеновым, дворовыми ребятами, учительницей музыки Октябриной Михайловной, приобщившей его к доселе непонятным ему ценностям, история его родителей) в совокупности создают объемную, сложную картину мира, динамичного и в то же время неизменного в своих основных постулатах. В одном из интервью А. Геласимов так говорил о своих творческих принципах: «Я часто движение мысли делаю на сломе фразы, движение текста иногда происходит за лексикой или за синтаксисом» [Барметова 2003: 113]. Думается, «Нежный возраст» – один из примеров построенного подобным образом текста.

Центральный для «Нежного возраста» сюжет самоидентификации исследователи отмечают и в других произведениях малых жанров, созданных на рубеже XX–XXI вв., в частности в рассказе А. Матвеевой «Обстоятельство времени», в котором главным персонажем становится уже не школьник, а учительница. Это не единственное произведение писательницы о школе, однако, с нашей точки зрения, именно этот рассказ наиболее интересен, неслучайно он был отмечен жюри премией имени Юрия Казакова. Содержание рассказа, как и других рассмотренных нами произведений, выходит за рамки собственно школьных проблем, однако школа переходного периода показана А. Матвеевой достаточно развернуто и узнаваемо.

Тональность текста задается уже в его вступительной части, где героиня рассуждает о своем имени. С. Костырко утверждает: «С первых же абзацев рассказа, в которых идет примерка имени для героини, возникает еще и некоторая художественная рефлексия по поводу канона “учительского рассказа”» [Костырко 2013]. В отличие от автора процитированного высказывания, «рефлексии по поводу канона "учительского рассказа" как специфической жанровой разновидности в произведении А. Матвеевой мы не заметили. Однако предложенная писательницей типология учителей, применимая как к жизни, так и к искусству, построенная с учетом фоносемантического подхода (отправной точкой для классификации становится звуковой облик имени), действительно отличается не только остроумием, но и точностью: «Е.С. – многообещающие инициалы. Для учительницы самый лучший вариант, конечно, Елена Сергеевна. Настольная книга драматурга и педагога, недорогая, к тому же. Светло-синий чулок. Принципиально-жалостливая, любит поговорить о том, что у богатых женщин – пустые глаза <...>

Екатерина Семёновна – тоже симпатично. Представляется такой приятный белокурый образ: пухленькие щечки, чулки не синие, а с кружавчиками, видными в разрезе юбки. Цок-цок, доброе утро, мальчики! <...>

Евгения Самуиловна – ну, это уже классика соцреализма. Или, если хотите, легенда отечественной педагогики. Пожилая интеллигентная женщина с юмором, чуточку трясущимся подбородком и терпением такой выдержки, что даже арманьяку не снилась. <...> Детей всех зовет на “вы”, даже если у “вас” сопливый нос и всего семь лет жизни за плечами.

Ещё можно представить себе, например, Евдокию Степановну. Загорелую, в морщинках, с крепкими крестьянскими ногами. Знает наизусть всего Маяковского, а любит Есенина <...> Детей всех зовет на “ты”, и взрослых тоже. Украшает кабинеты к празднику, даже когда её об этом не просят, и выращивает цветы на подоконниках – даже те, которые в неволе не растут» [Матвеева 2013]. В дальнейшем игра со словом, вообще присущая современным писателям (а для А. Матвеевой особо органичная, может быть, еще и потому, что она выросла в семье ученых-лингвистов), продолжится, охарактеризованные в начале

рассказа типажи выступят в качестве коллег главной героини, к ним добавятся еще постоянно пребывающая в саду Ева Саваофовна и директор Егор Соломонович.

Большинству рассказов о школе, особенно тем, где фигурируют учителя литературы, свойственна интертекстуальность, так как преподаватель-словесник по роду своей профессии постоянно имеет дело с чужими текстами. Традиционным структурным элементом таких рассказов становится фрагмент урока, тема которого всегда выбирается неслучайно: обсуждаемый героями текст вступает в диалогическое взаимодействие с содержанием рассказа в целом. В «Обстоятельстве времени» таким интертекстом, спроецированным главной героиней на собственную жизнь, становится рассказ-притча В.М. Гаршина «Attalea princeps» о гордой пальме, томившейся в неволе оранжереи и испытавшей горькое разочарование после обретения желанной свободы: «В юности Е.С. тоже хотела стать “пальмой”, сломавшей крышу ненавистной оранжереи и принявшей смерть взамен тюрьмы. Сейчас, когда ей тридцать девять – а это последний вагон – она поняла, что ей <...> нравится толстенький кактус. А также покой. И уют» [Матвеева 2013].

Как и произведения А.П. Чехова, рассказ А. Матвеевой построен на противоречии «между таимой мечтой и силою властных обстоятельств» [Скафтымов 1972: 419]. Мечта героини А. Матвеевой, как и у чеховских трех сестер, имеет пространственную конкретизацию, но теперь это уже не Москва, а еще более далекая, недосягаемая для героини Англия, «туманность» которой стала неотъемлемой чертой связанного с этой страной мифа. К миру мечты принадлежит и тайно любимый Е.С. и по-рыцарски влюбленный в нее одиннадцатиклассник Севастьян Аренгольд (его имя тоже становится предметом художественной рефлексии).

Мотив любви учителя и ученика, представленный в различных вариациях, звучит в школьных текстах достаточно часто (в качестве примеров можно назвать роман Л. Улицкой «Зеленый шатер», повесть А. Геласимова «Фокс Малдер похож на свинью», рассказ И. Чернявской «Я пришел из Алабамы»). В тексте А. Матвеевой этот мотив присутствует имплицитно и подчинен центральной теме несопрягаемости мечты и действительности. Под пером современной писательницы традиционная для чеховского творчества проблема приобретает специфическую, обусловленную реалиями рубежа XX–XXI вв. окраску: Севастьяна увозит на своем джипе жена всемогущего спонсора школы, «холеная до скрипа хабалка», считающая себя хозяйкой не только школы, но и жизни.

Интертекстуальность присуща и рассказу Ю. Буйды «Химич», главный герой которого – бывший учитель химии, не справившийся с преподавательскими обязанностями и вынужденный уйти в лаборанты. Здесь мы видим иной вариант рецепции классики, где на первый план выходит не дальнейшее развитие содержащихся в произведениях XIX в. тем и мотивов, а полемическое переосмысление одного из центральных для отечественного школьного текста типов – «человека в футляре». Именно с отсылки к чеховскому рассказу начинает Ю. Буйда свое повествование: «Сергея Сергеевича Химича все считали очень нерешительным человеком, а некоторые вдобавок – человеком в футляре, вроде учителя Беликова из чеховского рассказа» [Буйда 1999: 86]. Описанные автором бытовые привычки Химича, казалось бы, не оставляют сомнения в его принадлежности к беликовскому типу, а принцип выбора имени и отчества героя заставляют вспомнить другого чеховского персонажа-учителя – скучного Ипполита Ипполитовича («Учитель словесности»), всегда говорившего банальности.

Однако рассказ Ю. Буйды написан совсем не для того, чтобы еще раз подтвердить, что созданный А.П. Чеховым тип героя относится к разряду вечных. Ю. Буйда вкладывает в уста Химича неожиданную интерпретацию чеховского текста, его внезапно произнесенный эмоциональный монолог призван не только реабилитировать Беликова, но и защитить свой внутренний мир от бестактных вторжений: «Там краснощекие, чернобровые, вечно хохочущие здоровые люди зверски травят несчастного одинокого человека, который ничуть не лучше, но и ничуть не хуже их. Да, не лучше, но и не хуже. <...> От скуки его пытаются женить на краснощекой, чернобровой хохлушке, брат которой ненавидит человека в футляре и сравнивает его с пауком – “абож паук”. Между ними случается ссора, после которой человек в футляре умирает. – Сергей Сергеевич неторопливо открыл книгу, полистал, кивнул. – Вот послушайте: “Признаюсь, – (это рассказчик истории говорит, не Чехов), – хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие”. <...> “Вернулись мы с кладбища в добром расположении. Но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая,

утомительная, бестолковая…" Видите ли, человек в футляре оказался ни при чем. Поэтому… – Он кашлянул и отвернулся. – Поэтому или не поэтому, все равно, но я прошу вас не называть меня человеком в футляре. И не лезть ко мне в душу, даже если вам вдруг стало скучно!» [Буйда 1999: 87]. В этом контексте можно вспомнить неприятие Макаром Девушкиным, персонажем романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди», повести Н.В. Гоголя «Шинель», объясняющееся тем, что он увидел в ней высокомерное отношение к типу человека, с которым интуитивно чувствовал внутреннее родство.

Как и Ф.М. Достоевский, Ю. Буйда показывает, что человек есть тайна, бесконечную сложность его внутреннего мира нельзя объяснить принадлежностью к определенному социально-психологическому типу. Это понимает полюбившая героя и соединившая с ним свою судьбу «юная красавица гречанка» Азалия Харитоновна Керасиди, воспринимаемая всеми в качестве антагонистки «увальня и недотепы» Химича. В финале, когда Химич умирает от врожденной болезни сердца, Ази в исступлении кричит коллегам: «Вы его не знали и знать не хотели! А я знала… я знаю его! И ненавижу вашего Чехова! Не-на-ви-жу! Не-на-ви-жу…» [там же: 90].

Эту героиню, совершенную как внутренне, так и внешне, можно было бы рассмотреть как достаточно редко встречающийся в современной литературе пример положительного образа учителя, однако писатель не ставит вопрос в таком ключе. «Химич» – рассказ не о школе, а о любви, тайне человеческой личности, превратностях судьбы, хрупкости человеческой жизни, а также о стереотипах восприятия людей и их преодолении.

Проблема отношения к человеку, непохожему на остальных, в частности вследствие врожденной неизлечимой болезни, становится особенно острой, когда речь заходит о детях. Герой рассказа А. Старобинец – мальчик, больной, по-видимому, ДЦП, уходит в мир фантазий и тем самым обретает внутреннюю защиту, объясняя самому себе свою «необычность». Но внимание писательницы сосредоточено не на самом больном ребенке, а на том, как его воспринимают другие. Жизнь героя-рассказчика, семилетнего мальчика, готовящегося впервые сесть за школьную парту, отчетливо делится на два этапа: до школы и в школе. Если сначала он с уважением и даже благоговением относится к больному соседу Юре, считая его представителем неземной цивилизации, готовится полететь вместе с ним на далекую планету Аргентус и гордится, что «приведет в школу собственного подшефного, практически ручного инопланетянина» [Старобинец 2013: 135], то, попав в школьный коллектив, начинает жить по его жестоким законам и видеть в Юре больного урода, предмет всеобщих насмешек.

Многим рассказам, как и произведениям крупных жанров, написанным на школьном материале, свойственно драматическое звучание, и приведенные примеры подтверждают это. Однако школьная жизнь, как и все связанное с детьми, является в то же время неиссякаемым источником комизма. Литература рубежа XX–XXI вв. не могла обойти вниманием этот момент; благодаря юмористическим рассказам С. Сороки, Т. Крюковой, Д. Сиротина, Ю. Вийры и других в совокупный образ школы, созданный постсоветской литературой, вносится дополнительная грань.

Например, в цикле рассказов С. Сороки «Из жизни учительницы литературы» изображаются наивные, неистощимые на выдумку пятиклассники, проявляющие свою любовь к молодой учительнице самым неожиданным образом. Проблемы, возникающие у главной героини, начинающей учительницы литературы Елены Николаевны, связаны не с глубинными пороками современной системы образования, а с детской непосредственностью пятиклашек, то поющих и танцующих на уроке, посвященном восточным сказкам, то оклеивающих классный журнал бабочками и цветочками.

Традиции О. Генри с его поэтикой парадокса можно увидеть в сюжетостроении новелл Т. Крюковой (например, в таких произведениях, как «Вершитель судеб», «До встречи в сети»). Изображенные писательницей ситуации выходят за рамки конкретной эпохи, однако некоторые приметы времени (в частности, привычка подростков жить в виртуальном пространстве Интернета) дают возможность рассматривать рассказы Т. Крюковой в контексте произведений о постсоветской школе.

Многие рассказы о школе имеют двойную возрастную адресацию, но есть среди них написанные специально для детей младшего школьного возраста, что накладывает специфический отпечаток на их форму и содержание. Юмористический рассказ для детей на школьную тему имеет в отечественной литературе богатую традицию, классикой жанра стали рассказы Н. Носова, В. Драгунского,

В. Голявкина. В этом же ряду можно рассмотреть рассказы современного, к сожалению, рано ушедшего из жизни писателя Ю. Вийры, отразившего реалии современной школьной жизни. Интересен, например, рассказ «Дедушкины валенки», где с юмором обыгрывается знакомая многим процедура поступления ребенка в престижную школу, включающая собеседование, проверку скорости чтения и других навыков, формирование которых раньше входило в обязанность учителя: «Мама достала свой старый букварь, положила перед собой часы и заставила всех читать. Я прочитала за минуту рассказ про девочку Иру: «У И-ры рас-тут как-тусы...» Папа прочитал за минуту два рассказа, мама – три, а дедушка – полбукваря. Мама заплакала. Я спросила:
– Тебе Иру жалко?
– Какую Иру? – мама всхлипнула.
– Из букваря. «Ира тронула кактус и уколола руку. У Иры ранка».
– Нет, мне тебя жалко. Дедушку в школу примут, а тебя нет» [Вийра 2005: 26].

Носителем здравого смысла по традиции выступает дедушка, который не поддается общей панике, а «сиднем сидит на печи, отращивает бороду, стрижет ее и делает из бороды валенки» [там же: 27]. Как сочетается печь и престижная немецкая школа, не важно – это художественная условность, отсылающая нас к архетипическому образу мудрого старика. Думается, писатель имел в виду рассказ М. Пришвина «Дедушкин валенок», заканчивающийся авторской сентенцией: «Все на свете имеет конец, все умирает, и только одни дедушкины валенки вечные» [Пришвин 1973: 89]. Символический смысл образа валенок оказывается в данном случае важнее жизненного правдоподобия, на которое Ю. Вийра и не претендует: директор школы восхищается валенками, в которых девочка пришла на собеседование, и, воодушевившись перспективой стать обладательницей подобной обуви, сделанной дедушкой, записывает ребенка в школу. Вечные ценности оказываются важнее преходящей моды. Такой финал освобождает детей от страха перед стрессовой ситуацией, показывает, что представителям школьной администрации не чуждо ничто человеческое. Можно увидеть в рассказе и намек на то, что не подготовка ребенка, а возможности его родителей нередко становятся решающим фактором при поступлении в школу, однако этот доступный только взрослому читателю подтекст не влияет на общее оптимистическое звучание рассказа.

Таким образом, мы видим, что топос школы представлен в литературе рубежа XX–XXI вв. рассказами, относящимися к разным жанровым разновидностям. Наиболее значительные произведения малого жанра, насыщенные школьными реалиями, выходят за рамки связанных с образованием проблем, поднимают бытийные вопросы и в то же время создают обобщенный образ времени. Топос школы, разработанный авторами многочисленных рассказов, объемен, неоднозначен и многогранен. Устойчивая в русской литературе тенденция изображать школу преимущественно в негативном свете[3] отчасти корректируется авторами произведений малых жанров, особенно тех, которые адресованы непосредственно детям.

Примечания

[1]В данной работе используется термин «топос», понимаемый как «значимое для художественного текста <…> “место разворачивания смыслов”, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства» [Прокофьева 2005: 89]. Школа рассматривается в статье как повторяющийся в группе художественных текстов образ, имеющий пространственный оттенок значения, но не сводящийся к нему.

[2]О своеобразии воплощения темы школы в романах и повестях XIX в. см.: [Бурдина, Мокрушина 2014: 99–108; Burdina, Kondakov, Mokrushina 2014: 327–330].

[3]О сложившейся в русской литературе традиции изображения школы в негативном свете см.: [Бурдина, Мокрушина 2014: 99–108; Arustamova, Burdina, Kondakov, Mokrushina 2014: 272–276].

Список литературы

Абашева М. Тайны Леонида Юзефовича // Новый мир. 2004. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/5/abash10.html (дата обращения: 16.06.2014).

Барметова И. Романтический эгоист. Беседа с Андреем Геласимовым // Октябрь. 2003. № 9. С. 113.

Буйда Ю. Химич // Новый мир. 1999. № 11. С. 86–90.

Бурдина С.В., Мокрушина О.А. Изображение школы в русской литературе XIX века: основные тенденции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2 (26). С. 99–108.

Вийра Ю. Дедушкины валенки // Новые сказки: кн. для веселого досуга / сост. Л. Яковлев. М.: Махаон, 2005. С. 24–27.

Геласимов А. Нежный возраст // Геласимов А. Жажда. М.: Эксмо, 2009. С. 5–19.

Костырко С. Про русский рассказ в 2011 году // Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/refl/refl_sk_30.html (дата обращения 14.02.2013).

Маркова Т. Авторские жанровые номинации в современной русской прозе как показатель кризиса жанрового сознания // Вопросы литературы. 2011. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2011/1/ma15.html (дата обращения: 2.05.2013).

Матвеева А. Обстоятельство времени // Журнальный зал. Литературная премия имени Юрия Казакова (лучший рассказ года). URL: http://magazines.russ.ru/project/kazak/amatv.html (дата обращения: 8.05.2013).

Мережковский Д.С. Л. Толстой и Ф. Достоевский. М.: Наука, 2000. 587 с.

Пришвин М. Дедушкин валенок // Лесной хозяин. М.: Худож. лит., 1973. С. 87–89.

Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник ОГУ. 2005. № 11. С. 89.С. 87–94.

Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. М.: Худож. лит., 1972. 528 с.

Старобинец А. Аргентус // Русские дети. 48 рассказов о детях. СПб.: Азбука, 2013. С. 120–139.

Юзефович Л. Гроза. 1987 г. // Русские дети. 48 рассказов о детях. СПб.: Азбука, 2013. С. 9–47.

Burdina S.V., Kondakov B.V., Mokrushina O.A. "School" text of the XIX century: A.P. Chekhov // Life Science Journal. 2014. Vol. 11, no 10s. P. 327–330.

Arustamova A.A., Burdina S.V., Kondakov B.V., Mokrushina O.A. School as a subject of image in the Russian literature of the 1930's // Life Science Journal. 2014. Vol. 11, no 10s. P. 272–276.

References

Abasheva M. Tajny Leonida Juzefovicha [Secrets of Leonid Juzefovich]. Novyj mir [The New World]. 2004. № 5. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/5/abash10.html (accessed: 16.06.2014).

Arustamova A.A., Burdina S.V., Kondakov B.V., Mokrushina O.A. School as a subject of image in the Russian literature of the 1930's // Life Science Journal. 2014. Vol. 11. № 10s. P. 272–276.

Barmetova I. Romanticheskij ehgoist. Beseda s Andreem Gelasimovym [Romantic egoist. Interview with Andrew Gelasimov]. Oktjabr' [October]. 2003. №9. P. 113.

Bujda Ju. Khimich [Himich]. Novyj mir [The New World]. 1999. № 11. P. 86–90.

Burdina S.V., Kondakov B.V., Mokrushina O.A. "School" text of the XIX century: A.P. Chekhov // Life Science Journal. 2014. Vol. 11. № 10s. P. 327–330.

Burdina S.V., Mokrushina O. A. Izobrazhenie shkoly v russkoj literature XIX veka: osnovnye tendencii [Image of school in Russian literature of the XIXth century: main trends]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 2(26). P. 99–108.

Gelasimov A. Nezhnyj vozrast [Tender age]. *A. Gelasimov* Zhazhda [Thirst]. Moscow: Eksmo, 2009. P. 5–19.

Juzefovich L. Groza. 1987. [Thunder-storm. 1987]. Russkie deti. 48 rasskazov o detjakh [Russian children. 48 stories about children]. St. Petersburg: Azbuka, 2013. P. 9-47.

Kostyrko S. Pro russkij rasskaz v 2011 godu [On the Russian story in 2011]. Zhurnal'nyj zal [A reading-room with magazines]. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/refl/refl_sk_30.html (accessed: 14.02.2013).

Markova T. Avtorskie zhanrovye nominacii v sovremennoj russkoj proze kak pokazatel' krizisa zhanrovogo soznanija [Authorial genre nominations in modern Russian prose as an indicator of the crisis of genre consciousness]. Voprosy literatury [Issues of literature]. 2011. № 1. Available at: http://magazines.russ.ru/voplit/2011/1/ma15.html (accessed: 02.05.2013).

Matveeva A. Obstojatel'stvo vremeni [Adjunct of time]. Zhurnal'nyj zal. [A reading-room with magazines]. Available at: http://magazines.russ.ru/project/kazak/amatv.html (accessed: 08.05.2013).

Merezhkovskij D.S. L. Tolstoy i F. Dostoevskij [L. Tolstoy and F. Dostoevsky]. Moscow: Nauka, 2000. 587 p.

Prishvin M. Dedushkin valenok [Grandfather's felt boot]. Lesnoj khozjain [The master of the forest]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura, 1973. P. 87–89.

Skaftymov A.P. Nravstvennye iskanija russkikh pisatelej. Stat'i i issledovanija o russkikh klassikakh [Moral quest of Russian writers. Articles and studies on Russian classics]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura, 1972. 528 p.

Starobinec A. Argentus [Argentus]. Russkie deti. 48 rasskazov o detjakh [Russian children. 48 stories about children]. St. Petersburg: Azbuka, 2013. P. 120–139.

Vijra Ju. Dedushkiny valenki [Grandfather's felt boots]. Novye skazki: kn. dlja veselogo dosuga [New fairy-tales: a book to have a fun time]. Moscow: Makhaon, 2005. P. 24–27.

THE TOPOS OF POST-SOVIET SCHOOL IN RUSSIAN SHORT STORIES OF THE TURN OF THE XXI CENTURY

Svetlana V. Burdina
Professor in the Department of Russian Literature
Perm State University

Olga A. Mokrushina
Reader in the Department of Humanities, Mathematical and Natural Science Disciplines
St. Petersburg Institute of International Economic Relations, Economics and Law (Perm branch)

The article analyzes Russian short stories written at the turn of the XXIst century and dealing with school issues in a variety of ways. It is shown that contemporary short stories are not confined to vignettes of separate psychological types and situations that were typical of schools of the post-Soviet period. The most significant works of this genre («Thunder-storm. 1987» by L. Juzefovich, «Adjunct of Time» by A. Matveeva, «Tender age» by A. Gelasimov, «Himich» by Ju. Bujda) while referring to school realities come to profound general conclusions concerning the time, the world and the human. The topos of school created by the authors of these works is volumetric, ambiguous and many-sided. The article states that the tendency to depict school in a negative way, which is generally an attribute of Russian literature, is partially refined by the authors of short stories, especially those meant for children (such as stories by S. Soroka, T. Krjukova, Ju. Vijra).

Key words: Russian literature of the turn of the XXIst century; short story; topos of school; image; motif; plot; post-Soviet school.

Научный периодический журнал **«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»** зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. (**«Филология»** и **«Иностранные языки и литературы»**).

В журнале отражаются результаты научной деятельности российских и зарубежных филологов. Кроме научных статей, материалов конференций, симпозиумов и семинаров, журнал печатает рецензии на монографии, сборники научных трудов и т.п., опубликованные в России и за рубежом, тематические обзоры и развернутую информацию о событиях научной жизни по профилю издания.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте http://www.rfp.psu.ru и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 г. журнал включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Каждая рукопись сопровождается внешней (из другого города) рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук, чья подпись заверяется в отделе кадров по месту работы рецензента. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, **я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника”** http://rfp.psu.ru/**. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов**» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу **langlit2009@mail.ru**. Чтобы убедиться в том, что Ваши материалы получены, попросите отправить подтверждение.

Основной текст может быть написан на русском или английском языках.

Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Правила оформления рукописей» и в прикрепленном файле ФОРМА.

Главный редактор – профессор кафедры мировой литературы и культуры ПГНИУ *Нина Станиславна Бочкарева*. Тел. (342)2396290, (342)2368190.

Адрес редакции: 614990, Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп.5, ауд.28 (лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте»), тел. (342)2396795 (зам. гл. редактора – доцент *Ирина Ивановна Русинова*, ответственный за выпуск – *Ирина Александровна Табункина,* ответственный за сайт – *Алексей Васильевич Пустовалов*).

Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология

Выпуск 2(30) / 2015

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицветова, С. Л. Рассанова*
Компьютерная верстка *И. А. Табункиной*
Макет обложки *М. А. Шпакова*

Подписано в печать 15.06.2015. Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 16,04. Тираж 500 экз. Заказ____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. А.И. Букирева, 15

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
"Perm University Press"

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008